КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

1899 г.

МАРТЪ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIV.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

1899 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 марта 1899 г.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 64-го:

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ. 1899.

Книга первая—январь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга вторая—февраль.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Туманскій и Мицкевичъ.

Подобно тому, какъ А. С. Пушкинъ былъ нѣкоторое время подневольнымъ жителемъ южной Россіи, такъ точно и польскому поэту Адаму Мицкевичу пришлось не по своей охотѣ оставить прежнее мѣсто жительства своего, чтобъ на время поселиться на югѣ Россіи. Объ обстоятельствахъ, которыми было вызвано это переселеніе и о пребываніи Мицкевича въ Одессѣ излагаются свѣдѣнія въ нѣсколькихъ статьяхъ, явившихся въ послѣднее время, въ числѣ многихъ другихъ статей о Мицкевичѣ, по поводу ожидавшагося и затѣмъ состоявшагося празднованія юбилея Мицкевича и открытія ему памятника. Таковы были: а) „Aër. Mickiewicz w Odessie i twórczośc jego z tego czasu“ (Warszawa. 1898),—б) „Мицкевичъ въ Одессѣ, *I. K.*“ (Историческій Вѣстникъ 1898 г., № 3),—в) „Адамъ Мицкевичъ, *П. Б.*“ (записано со словъ М. А. Максимовича, Русскій Архивъ 1898 г., № 7).—Нѣкоторымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ этихъ статьяхъ, могутъ послужить сообщаемыя ниже письма, являющіяся также матеріаломъ для біографіи уроженца Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда и внука послѣдняго малороссійскаго генеральнаго писаря, поэта пушкинской эпохи, Василія Ивановича Туманскаго, о которомъ говорилось въ Кіевской Старинѣ 1892 года (№ 1, стр. 164—166).

Прежде, чѣмъ привесть эти письма, считаемъ нужнымъ, для уясненія повода, по которому они были написаны, вкратцѣ

изложить обстоятельства упомянутаго переселенія Мицкевича на югъ Россіи.

Подъ вліяніемъ существовавшей въ первой четверти текущаго столѣтія между интеллигентными людьми большой наклонности къ устройству разныхъ обществъ и кружковъ съ разнообразными цѣлями, Мицкевичъ, будучи студентомъ университета въ Вильно, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами, въ 1817 году образовалъ негласный кружокъ т. наз. „филоматовъ", ставившій себѣ цѣлью взаимное усовершенствованіе и развитіе умственное и нравственное и состоявшій сначала изъ пяти, а впослѣдствіи изъ 14-ти членовъ. Нѣсколько позже, также при участіи Мицкевича, образовалось въ Вильно съ болѣе обширной организаціей общество „филаретовъ", относительно котораго въ печати мы находили противорѣчивыя свѣдѣнія: по изложенію В. Д. Спасовича [1]), это было совершенно явное общество, уставъ котораго въ маѣ 1820 года былъ утвержденъ ректоромъ виленскаго университета Малевскимъ; а по разсказу В. А. Мякотина [2]), упомянутое утвержденіе устава относится къ третьему обществу, называвшемуся „обществомъ полезнаго удовольствія" или „лучистыхъ", общество же филаретовъ было тайное. Повидимому, общество филаретовъ сначала существовало тайно, а потомъ, пожелавъ сдѣлаться явнымъ и легальнымъ и представивъ свой уставъ на утвержденіе, измѣнило свое названіе, при чемъ, рядомъ съ новымъ названіемъ, за членами его могло оставаться и прежнее названіе „филаретовъ".—По окончаніи университетскаго курса, сдѣлавшись учителемъ гимназіи въ Ковно и наѣзжая оттуда въ Вильно, Мицкевичъ не прекращалъ сношеній съ названными обществами. Между тѣмъ въ началѣ 20-хъ годовъ власти стали строже относиться къ организаціямъ негласныхъ обществъ и кружковъ. Вмѣстѣ съ закрытіемъ, какъ въ Вильно, такъ и въ другихъ городахъ, масонскихъ ложъ, подверглись преслѣдованію и упомянутые виленскіе кружки, когда фактъ су-

---

[1]) Исторія славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича, т. II, стр. 633.

[2]) А. Мицкевичъ, его жизнь и литературная дѣятельность, Спб. 1891, стр. 21—83.

ществованія ихъ сдѣлался извѣстнымъ правительству. Мицкевичъ и нѣсколько другихъ членовъ обществъ филоматовъ и филаретовъ были арестованы на время производства слѣдствія, порученнаго сенатору Новосильцеву, и затѣмъ осенью 1824 года были отправлены въ Петербургъ. Тамъ къ нимъ отнеслись милостивѣе, чѣмъ они ожидали; но возвратиться въ Ковно или въ Вильно Мицкевичъ уже не могъ, а долженъ былъ избрать для своего жительства другое мѣсто, внѣ западнаго края. Вмѣстѣ съ своими пріятелями Малевскимъ (сыномъ ректора) и Ежовскимъ, Мицкевичъ избралъ Одессу, куда они втроемъ и выѣхали изъ Петербурга въ началѣ 1825 года.

Этотъ выѣздъ ихъ изъ Петербурга былъ напутствованъ двумя приводимыми ниже письмами къ Вас. И. Туманскому, который жилъ тогда въ Одессѣ, служа въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора гр. М. С. Воронцова. Оба письма, изъ которыхъ первое принадлежитъ А. Бестужеву (извѣстному подъ псевдонимомъ Марлинскаго), а второе—Рылѣеву, написаны на одномъ листкѣ почтовой бумаги и заключаютъ въ себѣ слѣдующее:

I.

„Спб. 1825. 15 Генв.“

Пожалуйста не сердись, любезный Туманскій, что я не писалъ долго къ тебѣ. По почтѣ невозможно и скучно, а другимъ путемъ не было случаю. Да и ты сумасшедшій: выдумалъ писать такія глупости, что у насъ дыбомъ волосы стаютъ (sic). Гдѣ ты живешь? вспомни, въ какомъ мѣстѣ и вѣкѣ! у насъ что день, то вывозятъ съ фельдъ-егерями кое-кого... Что твоя лира дѣлаетъ?—что-то плошаетъ, кажется, подъ свѣтлымъ южнымъ небомъ. Грѣхъ, Вася, грѣхъ. Только намъ и простительно лѣниться—и ужъ правду сказать, что я лѣнился классически. Годъ цѣлый въ руки пера не бралъ и цѣлое лѣто катался въ разныя стороны. Я прозябаю, а не живу; забылъ и дѣйствовать и мыслить, и мнѣ даже слово сказать—работа. За то рас-

толстѣлъ знатно, и такъ нѣтъ худа безъ добра.—Рекомендую тебѣ Мицкевича, Малевскаго и Ежовскаго. Перваго ты знаешь по имени, а я ручаюсь за его душу и талантъ. Другъ его Малевскій тоже прекрасный малый. Познакомь ихъ и наставь; да приласкай ихъ бѣдныхъ.—Брата твоего недавно видѣлъ—все тотъ же. Здѣсь шумитъ и по достоинству Грибоѣдова комедія. Это диво, и онъ самъ пресвѣжая душа. Пушкина Цыганъ... (здѣсь два слова написаны такъ неразборчиво, что мы не могли ихъ прочесть), и это выше всего, что онъ писалъ доселѣ. Тутъ Пушкинъ—Пушкинъ, а не обезьяна. Будь здоровъ и остороженъ и люби насъ. Рылѣевъ тоже говоритъ и чувствуетъ, что я. Твой Александръ.

Стихи З-го весьма хороши. Не написалъ ли онъ чего національнаго?"

II.

„Милый Туманскій.

Полюби Мицкевича и друзей его Малевскаго и Ежовскаго: добрые и славные ребята. Впрочемъ и писать лишнее: по чувствамъ и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевичъ къ тому же и поэтъ—любимецъ націи своей. Ты лѣнишься, мы также. Вотъ времячко: не сберегаетъ ли самъ Богъ дѣятельность нашу на что либо лучшее?.. (многоточіе въ подлинникѣ). Но какъ бы то ни было, а стыдно. Посмотри, какъ шагаетъ Пушкинъ! мы пигмеи передъ нимъ.—Будь здоровъ, отжени лѣнь, пиши, но пиши дѣло—у тебя прекрасный талантъ: ты самъ не дорожишь имъ.

Твой Рылѣевъ".

Что именно сдѣлалъ Вас. И. Туманскій для исполненія изложенной въ этихъ письмахъ просьбы Бестужева и Рылѣева, и какія отношенія установились въ Одессѣ между нимъ и Мицкевичемъ—неизвѣстно. Въ собраніи стихотвореній В. И. Ту-

манскаго есть одно переводное изъ Мицкевича, подъ заглавіемъ „Воспоминаніе“, но этотъ переводъ относится къ времени, предшествовавшему знакомству Туманскаго съ Мицкевичемъ. Въ книгѣ Аэра „Mickiewcz w Odessie“, по которой составлена статья І. К., напечатанная въ Историческомъ Вѣстникѣ, о Туманскомъ не упоминается; авторъ ея распространяется главнымъ образомъ о знакомствѣ Мицкевича съ жившими въ Одессѣ польскими семействами—Собанскихъ, Залѣсскихъ и др. и объ отношеніяхъ его къ тѣмъ одесскимъ дамамъ, которыми тогда Мицкевичъ болѣе или менѣе увлекался.

Въ Одессѣ Мицкевичу пришлось пробыть не долго: въ томъ же 1825 году, часть котораго притомъ Мицкевичъ, вмѣстѣ съ Собанскими и гр. Ржевусскимъ, провелъ въ Крыму (результатомъ чего явились извѣстные „Крымскіе сонеты“), въ Одессѣ было получено распоряженіе, по которому, какъ Мицкевичъ, такъ Малевскій и Ежовскій, не могли оставаться жить въ южныхъ городахъ, а должны были избрать для жительства мѣсто въ среднихъ губерніяхъ. Вслѣдствіе этого Мицкевичъ еще до окончанія года уже сдѣлался жителемъ Москвы. Туманскій же оставался въ Одессѣ до 1828 года, когда былъ назначенъ состоять при предсѣдателѣ дивановъ Молдавіи и Валахіи гр. Паленѣ по дипломатической части, затѣмъ вмѣстѣ съ Брунновымъ участвовалъ въ редакціонныхъ трудахъ Адріанопольскаго мирнаго трактата, а по заключеніи мира состоялъ при гр. Киселевѣ, управлявшемъ въ то время дѣлами княжествъ и въ 1836 году былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Константинополь, откуда перешолъ на службу въ государственный совѣтъ.

Приведенныя нами письма интересны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что устанавливаютъ дружественныя сношенія, какъ Туманскаго, такъ и Мицкевича, съ декабристами. Относительно Туманскаго объ этомъ свидѣтельствуетъ совершенно пріятельскій тонъ обоихъ писемъ, причемъ въ одномъ изъ нихъ Бестужевъ внушаетъ Туманскому быть болѣе осторожнымъ въ письмахъ; а относительно Мицкевича объ упомянутыхъ сношеніяхъ надо заключать изъ того, что Бестужевъ и Рылѣевъ сочли

нужнымъ поручить Мицкевича вниманію и заботливости Туманскаго, прося полюбить и „наставить" его, причемъ Рылѣевъ въ своемъ письмѣ удостовѣряетъ, что *по образу мыслей* Мицкевичъ уже другъ имъ, т. е. Бестужеву и Туманскому. У Туманскаго эти дружескія отношенія къ декабристамъ, должно быть, были болѣе давнія, чѣмъ у Мицкевича, установившись въ то время, когда Туманскій жилъ въ Петербургѣ, гдѣ съ 1814 года онъ воспитывался, а послѣ былъ членомъ вольнаго общества любителей россійской словесности и оттуда переселился въ Одессу только въ 1823 году; съ Мицкевичемъ же декабристы могли сблизиться тогда, когда онъ явился въ Петербургъ по дѣлу о виленскихъ кружкахъ.

Подлинникъ приведенныхъ писемъ къ Василію И. Туманскому сохранился въ бумагахъ его брата Владиміра Ивановича Туманскаго, служившаго въ теченіи многихъ лѣтъ глуховскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ настоящее время находится въ собраніи рукописей П. Я. Дорошенка.

Н Ш.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ М. В. ЮЗЕФОВИЧУ *).

(1843—1861 г.г.).

14.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Я до сихъ поръ не писалъ къ Вамъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ на меня „Послѣднимъ днемъ Помпеи". Я вошелъ въ академическія галереи боковою дверью, такъ что налѣво тотчасъ увидѣлъ картину Брюлова. Разумѣется, я проникнулся благоговѣніемъ къ такому могуществу таланта, но съ перваго разу я не постигъ всей высокости этого произведенія и оцѣнилъ его только тогда, когда, прошедъ по всѣмъ заламъ, опять къ нему возвратился. Тогда я вдругъ, какъ бы какимъ откровеніемъ, увидѣлъ, во сколько разъ картина Брюлова выше всего, что дотолѣ я видѣлъ. Я провелъ передъ нею около часу, и трудно опредѣлить то чувство, какимъ чтеніе ея,—нельзя сказать разсматриванье,—наполнило мою душу. Когда я ушелъ изъ галереи, то долго чувствовалъ въ груди какое-то томительное и сладкое волненіе.

Скоро будетъ выставка. Теперь пускаютъ въ Академію только частнымъ образомъ. Изъ пейзажей замѣчателенъ на вы

*) См. Кіевск. Стар., февр., стр. 185.

ставкѣ „Лѣсъ“ Кукука. На первомъ планѣ два старые дуба, покрытые мхомъ, по которому играетъ солнце. Между ними ходятъ и лежатъ коровы. Солнце, пробиваясь сквозь вѣтви, играетъ въ рыжей шерсти одной изъ нихъ и чудесно отдѣляетъ этимъ яркимъ цвѣтомъ синюю даль, состоящую изъ ветхой хижины и деревьевъ, синѣющихся подъ зелеными сводами перваго плана. „Переходъ чрезъ Березину“ Гесса хвалятъ многіе, но меня онъ не поражаетъ. „Швейцарскія горы“ Калама—восхитительны. „Разбойники“ Вернета хороши по движенію, но не по строгому исполненію. „Виды Палестины“ Чернецовыхъ—прелестны, особенно Іорданъ и Іерусалимъ. „Венера“ Тыранова отличается тщательною отдѣлкою, но красота не божеская, а безстыдная, чего я никакъ не могу совмѣстить съ моимъ идеаломъ греческой Венеры. Въ ней и самое сладострастье должно являться чувствомъ возвышеннымъ. Еще обращаютъ на себя вниманіе художниковъ портреты Штейбена. Заняли меня еще эскизы Рисса для Исакіевскаго собора. Изъ эскизовъ Брюлова для Исакіевскаго собора поразителенъ своимъ величіемъ и простотою ап. Павелъ, читающій книги.

Я здоровъ и климатъ петербургскій мнѣ нисколько не вреденъ. Теперь нашелъ я себѣ такую квартиру, на которой учусь говорить по-французски и по-нѣмецки. П. А. (Плетневъ) предполагаетъ провесть меня не-ученою дорогою, и это, по его словамъ, для меня необходимо.

Мнѣ прислали нѣсколько тюковъ съ разрозненными листами *Чернышенка*, а остальныхъ вотъ уже съ мѣсяцъ не получаю. Пускай бы Коломійцевъ прислалъ сперва сшитые экземпляры, доставленные ему Бѣлозерскимъ. Еще прошу Васъ приказать ему прислать для всѣхъ обертку, потому что она поставлена въ счетъ.

Михайло Владиміровичъ, столь добрый для меня и столь равнодушный къ участи моихъ друзей! Услышьте мою покорнѣйшую просьбу: сдѣлайте Хильчевскаго штатнымъ смотрителемъ даже въ Малороссіи, а Красковскому тоже какъ-нибудь поблагодѣтельствуйте.

Прошу передать мой почтительный поклонъ Аннѣ Максимовнѣ. Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть П. Кулѣшъ.

1846 г. марта 23. С.-Петербургъ.

P.S. Не получая изъ Ровна жалованья, я вошелъ съ прошеніемъ къ своему попечителю, чтобъ онъ разрѣшилъ выдачу мнѣ жалованья въ 5-й гимназіи со дня исправленія мною здѣсь должности, т. е. мѣсяцемъ раньше моего утвержденія въ ней. Онъ разрѣшилъ, и я теперь оставляю Абрамова въ покоѣ.

15.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ

То, что Вы замышляли въ Кіевъ, исполнилось въ Петербургѣ. Второе отдѣленіе академіи наукъ, нуждаясь въ человѣкѣ, знающемъ славянскіе языки, посылаетъ меня на два съ половиною года за границу; а какъ профессоръ Славянскихъ языковъ Прейсъ, которому предполагалось предложить и мѣсто въ академіи, недавно умеръ, то князь Ширинскій-Шихматовъ предполагаетъ поручить мнѣ и каѳедру въ университетѣ. На содержаніе мое за границею опредѣляется мнѣ 4000 рублей ассигн. въ годъ. Академія, лишившись Прейса, торопится отправить меня поскорѣе, такъ что я въ первыхъ числахъ іюля, можетъ быть, буду уже въ Кіевѣ. Я намѣренъ взять съ собою Чуйкевича [1]), который будетъ мнѣ весьма полезенъ, какъ переписчикъ и исполнитель разныхъ надобностей, на что онъ охотно соглашается. Содержаніе его мнѣ не дорого будетъ стоить, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ получать нѣсколько сотень рублей и отъ своего отца, человѣка зажиточнаго. Чуйкевичъ скоро пріѣдетъ въ Кіевъ и подастъ въ отставку. Покорнѣйше прошу Васъ исходатайствовать ему не только увольненіе, но и выѣздъ безъ платы за границу „для ученой цѣли".

---

[1]) Петръ Емельяновичъ. Ему К—шъ посвятилъ повѣсть свою „Ѳеклушу".

Итакъ не одни Вы, добрѣйшій Михайло Владиміровичъ, потворствовали моей охотѣ безпрестанно перемѣнять мѣсто. Судьба также меня балуетъ. Теперь, пошлявшись года три между Львовымъ, Прагою, Вѣною, Сербіею и Варшавою, я или совсѣмъ потеряю охоту къ бродяжничеству, или сдѣлаюсь настоящимъ Ходаковскимъ.

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Аннѣ Максимовнѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1847 г., мая 30. С.-Петербургъ.

P.S. Еще просьба. Бѣлозерскій (Вас. Мих.) держитъ экзаменъ на кандидата. Вамъ очень возможно теперь послать его въ Славянскія земли, а здѣсь замолвить о немъ словцо министру Петръ Александровичъ, который чрезъ меня его уже знаетъ и любитъ. Это достойнѣйшій юноша. Путешествуя вмѣстѣ, мы были бы взаимно одинъ другому чрезвычайно полезны.

16.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Я получилъ извѣстіе, что Костомаровъ сдѣланъ адъюнктомъ, а Бѣлозерскій получилъ степень кандидата. Если Вы дорожите талантливыми людьми, то покорнѣйше Васъ прошу воспрепятствовать Бѣлозерскому перемѣститься въ полтавскій кадетскій корпусъ, а опредѣлить его на мѣсто Костомарова въ первую гимназію; между тѣмъ Вы можете сдѣлать министру представленіе объ отправленіи его за границу для изученія славянскихъ языковъ. Теперь это самое горячее желаніе моего сердца. Прошу Васъ, и да будетъ моя просьба стóить тысячи.

Такъ какъ въ іюлѣ, по случаю вакацій, общаго собранія академіи не будетъ, то дѣло обо мнѣ пойдетъ на утвержденіе министру въ августѣ, а выѣхать я могу не раньше сентября. Къ этому времени можетъ рѣшиться и дѣло о Бѣлозерскомъ. А здѣсь у министра похлопочетъ за него Петръ Александровичъ, который чрезъ меня знаетъ его и любитъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1896 г., іюня 22.

P.S. Еще просьба. Изъ Чуйкевича вѣдь вышелъ прекрасный учитель. Вы сдѣлали бы для него великое благодѣяніе, а для меня одолженіе, еслибы перевели его въ Бѣлую-Церковь. Незабудьте, сдѣлайте милость!—Если Бѣлозерскій будетъ отправленъ за границу, я въ Чуйкевичѣ не буду имѣть надобности.

17.

М. Г., почтеннѣйшій мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Посылаю Вамъ 100 экземпляровъ дѣтской Исторіи Малороссіи; можетъ быть, Вамъ удастся разослать часть ихъ по библіотекамъ, а остальные роздать желающимъ пріобрѣсть эту книгу. Цѣна 50 коп. сер. Вырученныя деньги прошу бросить въ широко развернутую для меня пасть университетской типографіи. Можетъ быть, этотъ глотокъ остановитъ ея голодъ хоть столько, сколько останавливаетъ его стаканъ воды у человѣка, имѣющаго несчастье лѣчиться голодомъ.—Бодянскій уже печатаетъ сообщенную мною *Лѣтопись Самовидца*. Покорнѣйше прошу, по полученіи сего письма, немедленно отправить на его имя конецъ Вашего списка этой лѣтописи, именно съ 1668 года. У меня не вся была переписана. На основаніи одного пункта устава Историческаго Общества, Бодянскій отпечаталъ для меня, особо отъ „Чтеній", 300 экземпляровъ этой лѣтописи. Сколько прислать вамъ для сбыта въ пользу типографіи?

Радъ бы душевно побесѣдовать съ длиннобородымъ Вашимъ Чижовымъ [2]), но я писалъ уже Вамъ, что выѣду изъ

---

[1]) „Повѣсть объ Украинскомъ Народѣ. Написалъ для дѣтей старшаго возраста Кулѣшъ". Спб. 1846. (Оттискъ изъ журн. „Звѣздочка". См. объ этой книжкѣ „Сочин. Ю. Ѳ. Самарина" (М. 1877) стр. 293—298.

[2]) Федоръ Васильевичъ Чижовъ, род. 1811, ум. 1877. См. о немъ Кіевск. Стар. 1898 г., іюль-августъ, 191—193.

Петербурга только въ сентябрѣ; а онъ до тѣхъ поръ, вѣрно, улетитъ куда-нибудь, въ Римъ или въ Лондонъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ, какъ Вы пишете, то онъ не откажется для Васъ написать мнѣ пространную инструкцію, что, гдѣ и какъ изучать, къ кому или куда обращаться, какъ путешествовать и пр. и пр. Какъ человѣкъ ученый и бывалый, онъ сдѣлаетъ этимъ для меня истинно доброе дѣло.

Въ Кіевѣ, кажется, долго нельзя мнѣ будетъ оставаться, потому что я долженъ прожить дня два въ Москвѣ и нѣсколько дней на родинѣ, гдѣ предстоитъ мнѣ возня даже съ крючкодѣями для устройства небольшого, но все же наслѣдства послѣ отца, который еще живъ, но котораго не надѣюсь найти въ живыхъ, возвратясь изъ-за границы. Впрочемъ я къ Вашимъ услугамъ. Боюсь только, что Вы найдете меня очень тяжелымъ и скучнымъ. Плетневъ сдѣлалъ меня еще большимъ нелюдимомъ, нежели какимъ я былъ прежде. Я вѣдь почти все свободное время проводилъ только въ его маленькомъ семейномъ кругу, и, повѣрите-ли? не видѣлъ ни Брюлова, ни кн. Вяземскаго, ни Одоевскаго, ни Григоровича, однимъ словомъ, никого изъ тѣхъ, кого желалъ видѣть, ѣдучи въ Петербургъ! Теперь я живу на дачѣ; мы оба свободны, онъ могъ бы повезти меня въ мастерскую Брюлова (о прочихъ я не забочусь); но онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ, какъ истинный поэтъ или, лучше сказать, пустынникъ, везетъ меня въ какой-нибудь далекій загородній садъ, оставленный странствующимъ, Богъ знаетъ гдѣ, хозяиномъ, и тамъ бродитъ со мною по цѣлымъ днямъ, слушая шумъ водъ и шелестъ листьевъ. Его дочь съ какою нибудь дѣвочкою-подругою и А. О. Ишимова [1]) бѣгаютъ съ нами (П. А. ходитъ обыкновенно скоро) какъ дикія лани, никогда не уставая. Дача Плетнева находится подлѣ саду Кушелевки, устроеннаго Екатериною II въ пустомъ лѣсу для поправленія здоровья Ланскаго. Здѣсь по праздникамъ играетъ музыка и собирается многолюдное общество обита-

---

[1]) Издательница дѣтск. журн. „Звѣздочка“.

телей окрестныхъ дачъ. Петръ Александровичъ никогда въ такое время туда не пойдетъ, напротивъ старается уѣхать изъ дому, чтобы не слушать музыки (онъ любитъ, впрочемъ, слушать фортепьяно) или уходитъ въ лѣсъ. Вы помните, можетъ быть, его инымъ, и онъ говоритъ, что при жизни Пушкина, Дельвига, Гнѣдича и другихъ онъ былъ не тотъ. Однажды онъ сказалъ: „Вотъ я сталъ теперь каковъ! прежде я тотчасъ бы повезъ Васъ къ Пушкину, къ Вяземскому, а теперь и не думаю“. Его молчаливый, открывающійся только для немногихъ, характеръ совершенно пришелся по моему вкусу, и мы сердечно одинъ другого полюбили. Когда мы молчимъ, или говоримъ, или читаемъ вдвоемъ, намъ больше никого не надо. Со стороны можно бы подумать, что мы скучаемъ безъ общества, а мы всегда и такъ рады, когда въ урочные часы воскресенья и середы у П. А. нѣтъ никого! Тогда является на сцену какой-нибудь поэтъ, и мы перечитываемъ его, какъ студенты. Такъ провелъ я весь мой досугъ въ Петербургѣ.

Я очень радъ, что Костомаровъ будетъ въ числѣ Вашихъ университетскихъ оракуловъ. По крайней мѣрѣ, теперь Вы будете имѣть въ словесномъ отдѣленіи хоть одного профессора не ремесленника. Это душа благороднѣйшая, руководимая чистѣйшими побужденіями, и если только хотя нѣсколько студентовъ уразумѣютъ его и пойдутъ его дорогою, благо имъ будетъ! Можно ли ждать чистаго энтузіазма къ наукѣ въ студентахъ, когда ихъ профессоры не похожи нисколько на пророковъ? Личность профессора—великое дѣло! Я знаю не одного юношу, въ которомъ Вашъ Новицкій сегодня поселялъ возвышеннѣйшіе помыслы философіею Сократа, а завтра уничтожалъ ихъ своимъ ничтожнымъ, мелочнымъ, чуждымъ всякаго самопожертвованія характеромъ. Какую же пользу могутъ принесть юношеству Иванишевы и другіе, холодные и на каѳедрѣ, и въ жизни? Странно! Эти господа воображаютъ, что довольно профессору ясно изложить свой предметъ, и просвѣщеніе возьметъ свое. Онъ много сдѣлаетъ для Вашего университета!

О Чуйкевичѣ (котораго нужно перевесть, если можно, старшимъ учителемъ латинскаго языка), о Хильчевскомъ (котораго нужно сдѣлать, и достойно, штатнымъ смотрителемъ) и о Красковскомъ (котораго нужно сдѣлать инспекторомъ или улучшить какъ-нибудь иначе его финансовое положеніе) до тѣхъ поръ не перестану Васъ просить, пока у меня будетъ перо или голосъ. Въ Кіевѣ я стану повторять Вамъ каждыя 5 минутъ свою просьбу. Я куплю попугая, выучу его кричать: Хильчевскій, Чуйкевичъ, Красковскій! и подарю его Вамъ.

Такъ какъ есть надежда, что Бѣлозерскій поѣдетъ заграницу, то Чуйкевича я увольняю отъ пожертвованія для меня тремя годами службы; почему онъ и будетъ ожидать въ Ровно ниспосланія Вашей милости.

Глубоко Васъ почитающій Вашъ покорнѣйшій слуга П. Кулѣшъ.

1846 г., іюля 8. Новая-Деревня.

18.

М. Г., мой незабвенный благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Будучи въ Кіевѣ, я не нашелъ случая открыть Вамъ одну тайну, именно, что я женюсь на сестрѣ извѣстнаго Вамъ Бѣлозерскаго, съ тѣмъ, чтобы взять её съ собою за границу. Впрочемъ, это къ лучшему. Вы, конечно, стали бы бранить меня, а это очень непріятно въ такомъ дѣлѣ, котораго я ни за что въ мірѣ перемѣнить не согласился бы. Теперь же, обдумавши дѣло, какъ оно есть, Вы безъ сомнѣнія найдете лучшимъ—осыпать меня похвалами, какъ и добрѣйшій Петръ Александровичъ, отъ котораго я получилъ три письма, одно другого милѣе. Это дѣвушку я люблю три года и женюсь на ней, какъ истинный романистъ, т. е., безъ всякаго разсчета. Впрочемъ, у нея есть 10 тысячъ, которыя могутъ, еслибы понадобились, пригодиться намъ за границею. Съ нами ѣдетъ также и братъ ея, которому изъ дому будутъ высылать по 2

тысячи въ годъ. За 6 тысячъ, кажется, можно прожить троимъ. Какова моя новость?

Вѣнчанье и жертвоприношеніе Гименею будетъ 19 числа, а черезъ недѣлю мы выѣдемъ въ дорогу. Если Вамъ не въ тягость, покорнѣйше прошу писать ко мнѣ въ Борзну на имя ея выс. Матроны Вас. Бѣлозерской [1]).

Аннѣ Максимовнѣ мой почтеннѣйшій поклонъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть, м. г., Вашъ покорный слуга П. Кулѣшъ.

1847 г., января 14. Борзна.

19.

М. Г. незабвенный мой благодѣтель, Михайло Владиміровичъ!

Благодарю Васъ за вашъ привѣтъ и за наставленія. Въ Кіевѣ я буду около 15 февраля. Извините, что пишу кратко. По случаю женитьбы я такъ запустилъ свою корреспонденцію, что теперь едва успѣваю отписываться. Не нужно и говорить, что я теперь по шею окунулся въ счастье.

Теофипольскій смотритель Люба выѣхалъ въ Кіевъ съ намѣреніемъ не возвращаться. Ради Бога, дайте его мѣсто моему Хильчевскому!

Аннѣ Максимовнѣ мой почтительный поклонъ.

Письмо Ваше получено въ день свадьбы, черезъ часъ послѣ вѣнчанья. Жена моя свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.

Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь быть, м. г. Вашъ покорнѣйшій слуга П. Кулѣшъ.

1847 г., января 29. Хуторъ Матроновка, близъ Борзны.

20.

Мнѣ нужно было написать къ Вамъ только два слова, почтеннѣйшій другъ моей юности, Мыхайло Владиміровичъ, но я пишу къ Вамъ длинное посланіе.

---

[1]) Мать Бѣлозерскихъ.

Какъ то дико было бы обратиться къ Вамъ съ письменною рѣчью безъ предисловія, послѣ столь долгаго молчанія. Предисловіе мое будетъ заключаться только въ томъ, чтобы выразить, какъ легко у меня сдѣлалось на душѣ послѣ того, когда между нами возстановились прежнія отношенія. Можетъ быть, Вы никогда не испытали, какъ тяжко отвергнуть отъ души человѣка, съ которымъ связаны святыя воспоминанія юности. Мои горестныя обстоятельства оправдываютъ меня въ моемъ ужасномъ заблужденіи касательно Васъ, и мнѣ остается только радоваться, что у меня съ души свалился, наконецъ, тяжелый камень.

Теперь буду говорить о дѣлахъ текущихъ. Потрудитесь передать цензору предисловіе къ „Черниговской лѣтописи“ [1]). Авторъ его на третьемъ полулистѣ говоритъ, что получилъ отъ П. А. Кулиша выписку изъ одной лѣтописи. Я думаю, цензоръ не получалъ инструкціи, чтобы вычеркивать изъ рукописей слово „Кулишъ“, и потому долженъ пропустить его. Въ статьѣ Д. Костенецкаго (№ 11-й Москвитянина) напечатаны же слова: „Украина, сочиненіе П. К.“. Пора, мнѣ кажется, пробовать справедлива ли пословица: „Не до поросятъ, колы свыню колють“. Впрочемъ, не бѣда, если цензоръ и вычеркнетъ мое имя.

Прилагаю 50 руб. серебр. и покорнѣйше прошу достать мнѣ на нихъ въ Вашихъ кассахъ звонкой монеты. Не могу ничего купить, потому что всѣ мои покупки вертятся около 1 р. сер.; ни у кого нѣтъ сдачи. Купцы безъ церемоніи говорятъ: если есть у Васъ 40 коп. сер., такъ извольте, а то не продамъ. Съ извощиками та же возня. Я теперь у Грабовскаго и пробуду у него часа два; можетъ быть, можно прислать сюда звонкую монету.

Вашъ по прежнему П. Кулѣшъ.

1855 г., октября 29. Кіевъ.

---

[1]) Напечатанной Н. М. Бѣловерскимъ въ его книжкѣ „Южнорусскія Лѣтописи“.

Може, вже Вы довидались и одъ кого иншого, добродію Михайло Владимеровичу, що „Чорна Рада“ вже печатаетця. Зъ давныхъ давéнъ вы залюбкы помогалы мини у моихъ кныжныхъ дилахъ; то маю добру надію, що й теперъ не одкажетесь. Безъ сорома̀ казка: грошей катмае! Будьте ласкави, роздайте добрымъ людямъ оци 20 билетивъ, да прышлить мини пидмогу. Хто визьме билетъ, той не платытыме за пересылку. Тилько потурбуйтесь пидпысатысь на кожному, щобъ знало всяке, одъ кого ёму ждать „Чорнои Рады“. А я вже Вамъ заразъ, якъ напечатаю, то й вышлю скильки треба экземплярив.

Другый томъ „Записокъ о Южной Россіи“ выйде посли „Рады“, бо не всяка друкарня згидна печатать по нашому. Тымъ-то й неможно назначать дешевои ціны моимъ кныжкамъ, що зъ мене самого беруть дорого. Оттіи ксіи коштуютъ мини багато грошей и праци. А що жъ робыть, колы землякы забулы чытать по своёму? Уже колы я ихъ не навчу, то не научыть и лысый дидько. А що щыро працюю, то нехай мини Богъ такъ у царстви небесному заплатыть! И поты буду працюваты, покы снагы моеи стане. Абы мини Богъ помогавъ, а покажу я всю нашу старовыну, якъ на картыни, почавшы одъ львовського братства да ажъ до Калныша и Головатого. Колы вже славыть Русь передъ чужоземцями, то оттутъ іи славыть!..

Ну, да то ще якъ Богъ поможе, а отъ поможитъ мині выпхать у свитъ изъ „Чорною Радою“.

Анни Максимовни мое ушанованне.

Щыро прыхыльный землякъ П. Кулишъ.

1856, дек. 2. С.-Петербургъ.

22.

Спасыби Вамъ, высокоповажный пане земляче, за грошы, що прыслали на „Чорну Раду“, а ще бильщъ за добре слово,

котре Вы до мéне обернулы [1]). Хоть Вы пышете и не по нáшому, да не зовсимъ же й по чужому; бо мы Московською Землею не ворогуемъ и любымъ московськую словесность, якъ и свою руськую. Сохрани насъ Боже Московськои Земли одбигаты! Се тилько москали насъ одбигалы, кыдавшы насъ то орди, то ляхамъ на поталу. Разъ одцуралысь воны насъ, якъ уломывся Батый у Золотіи Ворота, а въ-друге—по ганебному Андрусовському договору.

И нихто вкраинцивъ не рятувавъ,
Нихто за ихъ Богови молытовъ не посылавъ;
Тилько Святый Богъ нашыхъ не забувавъ,
Только Винъ тее знавъ,
Що Винъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ невзгóдыны на Вкраинську Землю посылавъ...

Знавъ Господь, що зъ намы діе и на якы учынкы, на яки подвыгы готуе. Загартовалось наше серце въ бидахъ и напастяхъ и сіяе душа наша, „яко злато седмерицею искушенно“. Шукáй чого иншого по тыхъ Суздаляхъ, Псковахъ, да Тамбовахъ, а щырого серця, а души святои не забувайсь шукаты на чужыну́,—не знайдешъ нигдé такои, якъ дома. Не про едыныцю веду я ричь, а про велыкіи сонмы; бо що казать про едыныцю колы „Господь можетъ и отъ камене воздвигнути чада Авраамовы“? [2]) Сонмы, сонмы велыке дило роблять, якъ настане велыка годына! Сонмы рождають изъ себе велыкихъ чоловиколюбцивъ, велыкыхъ граждáнъ, велыкихъ мудрецивъ. Изъ сіеи то рилли благодатнои выростае насыщающее и плодотворящее жныво; а нигдѣ не родыть духовного жныва бильшъ, якъ на Вкраини,—тилько що женцивъ мало, и треба намъ благаты Бога, щобъ вывивъ бильшъ женцивъ на ныву свою. А пóкы що, будемъ чыныты такъ, якъ чынылы нашы предкы. Москва

---

1) Двадцать билетовъ на Ч. Раду, о которыхъ говорится въ предыдущемъ письмѣ, найдены при немъ и теперь въ видѣ тѣхъ же бланковъ, какими они были присланы Юзефовичу, изъ чего слѣдуетъ видѣть, что полученныя К—шемъ за „Раду“ деньги присланы Юзефовичемъ изъ собственности...

2) Выбачайте, колы помылюсь у Евангельскому тексти, бо за суетою мырською ридко въ его й заглядаю.—

ихъ одбигае, а воны до Москвы горнутця, наче той братъ, що покынули ридни браты на самарськыхъ степахъ; Москва ихъ цураетця, а воны славлять царя и бажають пиддаться пидъ ёго руку; Москва роздырае Вкраину ризно и одву часть кыдае Ляхамъ на поталу, другу Турчыну на наругу, трейтю сама обдырае, а воны за зло платять добромъ и заступають іи одъ шведа, такъ якъ заступылы хрыстыянськый мыръ одъ мусульманъ, а православный одъ католыкивъ. Докоряе намъ Шевченко „овечою натурою"; отъ же, якъ поглянешъ на всю історію, то есть у того сонму народнёго якыйся вышчій розумъ, и не дармо сказано: „терпы козакъ—отáманомъ будешъ!"

Прыйде годына—и, може, вже скоро, що „кротцыи наслѣдять землю". Насъ обдыралы, насъ зневажалы не съ чого иншого, якъ зъ дурного розуму, да й самы мы до того прычыпялысь черезъ своихъ недолюдкивъ панивъ да гетьманивъ. Отъ же й память злочинцивъ и здырщыкивъ погибла, а сонмы люду украинського сіяють душевнымъ багатствомъ надъ уси народы и збагащають Московську Русь що року. Чы дякуе вона, чы ни; чы знае вона тее, чы ни—нужды мало; а що дано, те дано, и вернетця намъ колысь сторыцею. Посіе пахарь зерно, да й те не погыбае безплодно; а то жъ зерно добра святого! якъ ёму не вернутьця, якъ не возродытьця сторыцею? Тымъ то, шановный мій земляче и друже, будемъ труждатьця на Божій рилли, якъ хто зможе. Одынъ оре, другій сіе, третій жне, а четвертый змоловъ, испикъ и людей годуе—хто жъ туть передъ Богомъ достойнійшый? Може, Гоголь, пройшовшы плугомъ по цилыни, бильшъ заслужывъ передъ Господомъ сылъ, нижъ мы, що вже скородымо и зерно засиваемо; а хто пожне и зложыть у жытныцю, то ще краще дило зробыть. А коваль, що лемишь ковавъ? а тесля, що плугъ спорядывъ? Хиба воны не прыслужылысь до велыкого дила? Да й мала дивчынка, котра вынесе стравы пахареви на ныву, и та вже прыспорыть святому дилу. Такъ и Вы, добродію, пышыть соби хоть по нимецьки, абы съ добрымъ розумомъ и щырымъ серцемъ, то може, сами того не знаючы, выкуете

„.... до старого плуга
Новый лемишъ и череслó..."

Колы Вы, идучи мымо, сказалы трудящому хлиборобови: „Боже поможы"! то й за се Вамъ спасыби; и сымъ однымъ словомъ Вы обтерлы питъ на ёго чоли и прыспорылы до ёго праци. Спасыби жъ Вамъ за Ваше добре слово, котре Вы до мене обернулы, спасыби й за гроши, котри для мене зобралы. Чы велыка мени нужда, можете съ того вже пораховаты, що пыльнуючы свого любого и дорогого дила, узявъ я оце издать сочиненія Гоголя, пійшовъ у наймыты до Гоголевого небожа, который недугуючы, йиде у чужи земли. Звирывъ на мои рукы все дило, и мени теперъ

„Николы борщу хлебнуты,
Николы у смакъ заснуты",

якъ казавъ той Котляревськый.

Отъ же допысавсь до краю, а тобѣ ще пысавъ, бо любо мени й весело зъ землякамы розмовляты, и не за трудъ, а за одпочынокъ соби маю пысати лысты въ ридну сторону. Бувайте жъ здоровы зъ добрымъ Вашымъ подружіемъ и диточкамы.

Щыро прыхыльный зъ ушанованнемъ землякъ Вашъ П. Кулишъ.

Р. Б. 1857, стычня 19. С.-Петербургъ.

Приписка. Плетневъ живе и доси у чужыхъ земляхъ. Вернетця по весни. Перекыдаемось инколы лыстамы. Пани ёго, якъ недуговала, такъ и недугуе. Горе намъ чоловикамъ изъ сымъ скудельнымъ сосудомъ,—и бережы, то не збережешъ. И моя пани недугуе. Дывуюсь, якъ мене Господь держыть на свити.

23.

Навздогинъ зъ недавнимъ моимъ лыстомъ, пышу до Васъ ище лыстокъ, высокоповажный пане земляче и друже Мыхайло Владымеровычу. Бувшы въ Кыёви, чыталы мы вкупи съ паномъ Грабовськымъ универсалъ гетьмана Остряныци и мизковалы надъ нымъ—винъ польскою и шляхетською, а я южно-руською

и козацькою головою. Посли мы спысалы свое мизкования на папиръ, и теперъ ёго цензура, посли довгои волокыты, пропустыла. Тилько отъ яка бида. Панъ Судіенко не выпустывъ и доси 3-го тому литопыси Велычка, у котрому сей универсалъ надрукуетця, а я на нёго зсылаюсь. То чы не буде ёму обидно, що универсалъ явится въ мене скорійше, нижъ у ёго? Будьте ласкави, шановный добродію, помырите насъ якъ-небудь. Скажить ёму, що рукопысь була въ мене въ рукахъ, не йшовшы ще до друку, то я й выпысавъ соби, що мени треба; а зсылаюсь на ёго съ политыкы, щобъ зналы добри люде труды пана Судіенка; а тобъ я й промовчавъ про ёго выдання. Зробить що знаете; у Васъ и въ самóго голова велыка. Може, треба мини напысаты лыстъ до пана Судіенка, а бо що: то я все зроблю, якъ скажете. Тутъ не въ универсали штука, а въ тому, що пышуть польскій панъ и украинськый козакъ въ *девятнадцятому* вику про гетьманській универсалъ *симнадцятого* вику [1]). Що пропустыла цензура наше послання, то се велыкій фактъ, добродію мій любый! Не дурно я ждавъ сёго пропуску изъ другимъ томомъ „Записокъ" мисяцивъ зб тры. Ось прочытаете, то побачыте самы до чого дило доходыть. Панъ Грабовській мого пысання не знае, а прочытавшы (се нехай буде мижъ намы) може й винъ носомъ закрутыть...

Годи, бо дуже николы!

Щыро прыхыльный землякъ зъ велыкымъ ушанованнемъ П. Кулишъ.

Р. Б. 1857, стычня 23. С.-Петербургъ.

24.

1860 г., ноября 7. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ!

Петербургскій кружокъ работящихъ земляковъ Вашихъ, къ которому принадлежу и я, постоянно занимается исторіею

---

[1]) Объ этомъ универсалѣ см. Кіевск. Стар. 1897 г., май, отд. II, стр. 55.

Украины во время своихъ вечернихъ сходокъ [1]), и вотъ ужъ нѣсколько разъ встрѣтилась намъ настоятельная надобность въ 4-мъ томѣ лѣтописи Величка, которая, Богъ знаетъ почему, не является въ продажѣ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите намъ хоть не полный экземпляръ на братію, да не всуе будемъ мы ломать голову надъ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ.

Я, между прочимъ, занимаюсь исторіею XIV вѣка на пространствѣ земель, занимаемыхъ древнею Русью, Литвою, Польшею и другими тогдашними нашими сосѣдями. По мѣрѣ возможности, я стараюсь относиться къ каждой массѣ народа одинаково симпатично, переносясь въ понятія XIV вѣка и въ побудительныя причины поступать такъ, а не иначе. Не взойдя къ источнику явленій позднѣйшихъ, мы никогда не увидимъ ихъ въ истинномъ свѣтѣ, потому что каждый вѣкъ имѣлъ свои пристрастія и запутывалъ взаимныя отношенія массъ и партій все болѣе и болѣе. Въ настоящее время болѣе, нежели когда либо сгустились вокругъ насъ недоразумѣнія, и самые спокойные умы невольно раздражаются, уясняя истину по своему. Ни на XVIII, ни на XVII, ни даже на XVI вѣкѣ успокоиться духомъ не возможно: все это еще какъ будто вчера происходило. XV вѣкъ имѣетъ значеніе только въ связи съ XIV; вотъ почему я и обратился къ этому отдаленному отъ насъ времени, которое уврачевало старыя наши раны и не нанесло еще намъ новыхъ, такъ какъ намъ тогда и не снилось еще протестовать противъ силы, которая потомъ сдѣлалась анахронизмомъ. Изображая старый русско-польскій міръ во всей его законности, мы имѣемъ возможность вглядѣться въ составные его элементы sine ira, а когда отроемъ въ землѣ старый фундаментъ, тогда уже легче будетъ возводить разрушенное козаками зданіе прошедшаго, каково бы оно ни было. Но все это не болѣе, какъ великодушныя мечты. Богъ знаетъ, хватитъ-ли силъ все это исполнить, что задумываемъ, хотя въ мой планъ входитъ не одна только моя дѣятельность. Я разумѣю себя только вспомо-

[1]) Полагаемъ, что этотъ *кружокъ* ограничивался Костомаровымъ, Кулишомъ и отчасти—В. М. Бѣлозерскимъ. *Ред.*

гательною частью великой души, работающей надъ уясненіемъ нашего прошедшаго и настоящаго, безъ чего никакой шагъ впередъ не возможенъ.

Что дѣлаете Вы въ своемъ мыслящемъ обществѣ? Что нашъ почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михайло Антоновичъ [1])?

Весь Вашъ П. Кулишъ.

25.

Почтенный Михайло Владиміровичъ!

Отъ всей души благодарю за гостинецъ. Сюрприза никакого не бойтесь: мы и сами народъ друкованный. Отвѣчаю Вамъ, не видавшись съ Василіемъ Михайловичемъ [2]) и не читавши Вашего письма, котораго содержаніемъ я заинтересованъ очень. Я не перестаю и не перестану работать для образованія массы, и какъ не трудно мнѣ проходить чрезъ наши мытарства, но и нынѣшней зимой выпущу кое-что въ родѣ *Граматки*, которая разошлась уже въ 5,000 экземплярахъ, кромѣ тѣхъ, которые задержаны кн. Васильчиковымъ, Г. П. Галагановъ и еще однимъ господиномъ, такъ какъ я имѣлъ неосторожность продать имъ по нѣскольку сотень, въ увѣренности, что они предоставляютъ каждому свободу убѣждаться и разубѣждаться въ чемъ угодно,—единственно разумный путь къ образованности.—Но эти господа больше вѣруютъ въ свои политическія соображенія, чѣмъ въ стремленіе массы.

Пусть и такъ будетъ. Если они не даютъ намъ свободы, то дадимъ хоть мы имъ. Пускай и въ наше время существуютъ Вишневецкіе и Кисели, если жизнь нуждается въ ихъ противудѣйствіи, какъ въ отрицательномъ стимулѣ; я же и мнѣ подобные будемъ идти своей дорóгой, а сила вещей поможетъ кому слѣдуетъ. Вотъ основаніе моихъ поступковъ, на которомъ я, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, остаюсь такъ спокоенъ, какъ будто все идетъ, какъ по маслу.

---

[1]) Грабовскій.

[2]) Бѣлозерскимъ.

Вашимъ Лукомскимъ [1]) мы съ Костомаровымъ заинтересованы очень. Ради Бога, скорѣе печатайте, а еще лучше, еслибъ прислали хоть на недѣлю къ намъ, чтобы сообразить, что это такое. Въ Публичной Библіотекѣ есть только Continuatio діаріуша Окольскаго, и самаго діаріуша нѣтъ. Поэтому Селинъ [2]) своею медленностью дѣлаетъ уголовное преступленіе противъ науки.

Мы имѣемъ теперь въ рукахъ драгоцѣнныя рукописи отъ 1600 года до XVIII вѣка, которыя разубѣждаютъ насъ во многомъ и придаютъ исторіи Украины совершенно новый интересъ. Костомаровъ порывается даже оставить каѳедру, чтобы всего себя отдать литературѣ и исторіи.

Съ этою почтою посылаю Вамъ гостинецъ—мои повѣсти [3]), перепечатанныя изъ журналовъ.

Душею преданный Вамъ П. Кулишъ.

1860 г., декабря 5. С.-Петербургъ.

26.

Какъ Вы любезны и обязательны, почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ! Лукомскаго Вашего я еще не успѣлъ показать Костомарову, за множествомъ неотлагательныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, но сказалъ ему и посылаю Вамъ нашу общую благодарность, а къ ней присовокупляю экземпляръ новой „Грамáтки". (Повѣсти мои въ 4-хъ томахъ посланы Вамъ давно). Въ концѣ этой книжицы приложена коротенькая исторія Украинскаго на-

[1]) Рѣчь идетъ о рукописи, заключающей лѣтописную компиляцію по исторіи Малороссіи, составленную въ 1770 г. отст. полк. обознымъ Стеф. Лукомскимъ. Она издана въ 1872 г., въ приложеніи къ Лѣтописи Самовидца.

[2]) Проф. Кіев. Ун—та и членъ Кіев. Археографич. Коммиссіи. Онъ принималъ въ то время участіе въ приготовленіи къ печати дневника Окольскаго, изданнаго потомъ Коммиссіею.

[3]) Экземпляръ этихъ „Повѣстей" (4 т.) теперь находится въ Кіевской публичной библіотекѣ, куда поступилъ вмѣстѣ съ библіотекою Вл. Мих. Юзефовича. На первой книгѣ имѣется надпись: „Михаилу Владиміровичу Юзефовичу вѣчно признательный за юные свои годы авторъ".

рода, которою Костомаровъ восхитился до зѣла и будетъ о ней писать статью. Интересно знать Ваше мнѣніе. Не приложите-ли попеченія о распространеніи сей пятикопеечной книжицы? Я помню Ваши мысли о простомъ народѣ. Судя по нимъ, „Грамàтка" придется Вамъ по душѣ, да и властямъ нашимъ сердиться тутъ нечего. Я открываю народу нашему широкую будущность, но на основаніи просвѣщенія массы—только. Слѣдовательно, что жъ тутъ обиднаго для нынѣшняго порядка вещей? Ахъ, какую славную вещь сказалъ Костомаровъ на публичныхъ чтеніяхъ о Выговскомъ!—„Въ XVII вѣкѣ еще не знали что для будущихъ поколѣній нѣтъ и быть не можетъ никакихъ условій"- Этого еще и теперь не знаютъ, и изъ-за незнанія своего дѣлаютъ непріятности дѣятелямъ свободной мысли. Прочитайте-ка, Михайло Владиміровичъ, мою статью о чтеніяхъ Костомарова въ IV № „Вѣка". Что Вы скажете о нынѣшнемъ состояніи историческихъ понятій объ Украинѣ?—Мы теперь заняты превосходнымъ трудомъ: у меня печатаются акты Московскаго Архива Иностранныхъ дѣлъ на счетъ Археографической Коммиссіи, вотъ гдѣ наша исторія, вотъ она гдѣ! да еще въ рукописяхъ Публичной Библіотеки, которыя я переписываю для себя, да въ центральномъ архивѣ, надъ которымъ трудится неоцѣненный Н. Дм. Иванишевъ. Исторіи до сихъ поръ не было, и Костомаровъ отрекается отъ своего „Богдана Хмѣльницкаго".

Душею Вашъ П. Кулишъ.

1861, января 23. С.-Петербургъ.

27.

Почтеннѣйшій Мыхайло Владиміровичъ!

Получивъ отъ Васъ дозволеніе,—о которомъ и просить не мыслилъ,—издать здѣсь Лукомскаго, возрадовахся зѣло и тотчасъ началъ изыскивать потребныя для того средства. Я думаю, что Археографическая Коммиссія издастъ эту лѣтопись на свой счетъ, съ приложеніемъ собранныхъ мною актовъ, относящихся къ тому же самому времени. Вмѣстѣ съ 3-мъ томомъ „Актовъ

для исторіи Южной и Западной Россіи", который мы печатаемъ, это будетъ превосходный запасъ для историка. Акты эти изображаютъ именно внутреннюю жизнь Москвы, Украины и Польши. Остается только воспользоваться ими искуснымъ людямъ—и старина наша явится во всей своей выразительности. Въ синодальномъ архивѣ также открыты нами заброшенныя и не имѣющія описи бумаги 15, 16 и 17 вѣковъ, относящіяся къ уніи. Мы еще только понюхали ихъ, но уже знаемъ, что свидѣтельство Ерлича о неистовствахъ Петра Могилы подтверждается вопіющими жалобами на его грабежи и разбои. Со временемъ наша старина польско-украинско-московская представитъ матеріалы для историческаго романа, никакъ не блѣднѣе тѣхъ, какими пользовался Вальтеръ-Скоттъ. Статью мою о чтеніяхъ Костомарова таскаютъ по мытарствамъ, и, кажется, придется перечеркнуть её самому окончательно.

Душевно радуюсь, что Михаилъ Антоновичъ Грабовскій, лучшій и независимѣйшій критикъ изъ всѣхъ, являвшихся въ нашемъ обществѣ, обращаетъ вниманіе на мои повѣсти. По старой дружбѣ, я похвалюсь Вамъ, что я теперь пишу лучше, потому что сдѣлался разборчивѣе въ выборѣ и обработкѣ предметовъ. Жаль, что мнѣ не пришло на мысль прочесть Вамъ въ Кіевѣ свою повѣсть „Тайна", которую долго еще не пропуститъ цензура. Мнѣ хотѣлось написать такую вещь, которая бы ничего не потеряла, будучи переведенною на языкъ Боккачіо, Сервантеса, Гёте, или Маколея, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Костомаровъ очень доволенъ ею. Да, я люблю таки русскій языкъ, не смотря на свое ратованье за украинскій, но онъ очень книженъ,—это меня въ немъ возмущаетъ, и не хватаетъ у меня силъ вырваться изъ общей филологической манеры русскихъ писателей. Украинскій хорошъ тѣмъ, что изъ него можно еще дѣлать, что угодно,—только не тѣмъ способомъ, какъ въ плохой, крайне плохой, повѣсти Марка Вовчка: „Три долі". Это профанація святыни народнаго вкуса; это—жалкое исчадіе денежнаго вдохновенія! Я крѣпко не доволенъ на „Основу" за помѣщеніе подобной прозы и стиховъ. Развратъ всего губитель-

нѣе въ юности. Имѣя возможность выражаться на языкѣ великорусскомъ, мы должны съ крайней осторожностью дѣлать шаги впередъ въ украинскомъ, чтобъ изъ нашей юной словесности не вышла польско-московско-французская горничная, которой народъ нашъ не захочетъ знать. Но Василій Михайловичъ обрадовался, что бумага все терпитъ, и величаво шествуетъ по слѣдамъ пакостной русской журналистики.

Вашъ душею П. Кулишъ.

1861 г., февраля 8. С.-Петербургъ.

Адресъ: въ собственной типографіи, и только.

Оканчивая здѣсь печатаніе писемъ Кулиша къ Юзефовичу, замѣтимъ, что писемъ послѣдняго къ Кулишу не сохранилось; только въ бумагахъ покойнаго Д. С. Каменецкаго сохранилось одно изъ нихъ и то лишь въ копіи и безъ даты, съ надписью «М. В. Юз.» Какъ извѣстно, Д. С. К—ій былъ однимъ изъ близкихъ людей Кулиша и можно думать, что настоящая копія письма сдѣлана К—имъ въ то время, когда онъ имѣлъ доступъ ко всей корреспонденціи Кулиша [1]). Приводя здѣсь копію этого интереснаго письма, остается пожалѣть, что не сохранилось другихъ писемъ къ Кулишу М. В. Юзефовича. *Ред.*

Любезнѣйшій Пантелеймонъ Александровичъ!

Ваше дружеское вниманіе къ моимъ совѣтамъ меня искренно тронуло и вмѣстѣ порадовало: значитъ, мы не такъ чужды другъ другу на почвѣ нашего національнаго вопроса. Меня радуетъ и то, что наши громады, какъ явленія жизни, имѣютъ громаднѣйшую силу: онѣ успокоятъ у насъ горячечныя увлеченія, какъ успокаиваютъ ихъ въ Петербургѣ нелѣпые утописты.

Теперь имѣю сказать вамъ вотъ что: я прочелъ вашу повѣсть въ „Вѣстникѣ“ [1]). Она замѣчательна, какъ и все, что вы

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., май, 222.

[1]) Не знаемъ о какомъ *Вѣстникѣ* здѣсь говорится, такъ какъ кромѣ *Русскаго Вѣстника*, былъ еще и *Вѣстникъ Юго-Зап. и Западной Россіи*, изд. Говорскаго. Въ *Русск. Вѣстн.*, въ 1859 г. (янв. и февр.) была напечатана повѣсть К—ша „Майоръ“, но здѣсь „малоросс. словъ“ почти нѣтъ. А въ *Вѣстн. Ю.-З. и Зап. Р.*, въ 1862 г., былъ напечатанъ „Отрывокъ изъ историч. романа нач. XVII в Вѣтрѣна“, въ которомъ оч. много „малороссійскихъ словъ“. *Ред.*

создаете; но, разумѣется, по началу судить о ней еще не позволительно, какъ о художественномъ произведеніи. Но она навела меня на мысли, которыя считаю не лишнимъ сообщить на ваше соображеніе. У васъ мѣстами вводятся малороссійскія слова, какъ *вставки* въ разговорную рѣчь, мнѣ бы казалось, лучше вести по малороссійски всю разговорную рѣчь, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ эта рѣчь запечатлѣна мѣстнымъ колоритомъ. А такая смѣсь, какъ у васъ, какъ-то неестественно отзывается въ умѣ читателя и тревожитъ покой въ его представленіяхъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что введеніе мѣстной разговорной рѣчи въ литературно-русскую повѣсть, т. е. сопоставленіе рядомъ въ художественныхъ произведеніяхъ нашей рѣчи съ литературнымъ нынѣшнимъ языкомъ, ведетъ къ разрѣшенію вашей задачи: сопоставленіе это рукою мастера, напечатлѣвая въ умѣ читателей элементы нашей рѣчи, будетъ мало-по-малу вводить ихъ въ словесную практику и прививать къ художественному слову, а такимъ образомъ всего лучше будетъ способствовать тому воздѣйствію другъ на друга двухъ коренныхъ русскихъ нарѣчій, изъ общаго источника которыхъ, по моей вѣрѣ, долженъ вылиться великолѣпный, образцовый нашъ литературный языкъ, какъ изъ воздѣйствія другъ на друга нашихъ коренныхъ соціальныхъ элементовъ: великорусской земельной общины и южнорусскаго духовнаго братства должна вылиться великолѣпная, образцовая наша христіанская общественность. Вотъ та задача, которую, по моей глубокой вѣрѣ, задала намъ исторія, и та связь, которую она установила между нашими обѣими племенными личностями. Въ области слова эта задача теперь принадлежитъ вамъ, и чуть ли не вамъ одному. На этой точкѣ зрѣнія мы можемъ стать твердо; съ нея мы въ правѣ смотрѣть *требовательно* на нашу народность и громко заявлять свои требованія.

„ОБОРОНА БУШИ“

Исторычня драма въ V діяхъ и 6-ты одминахъ

(зъ часивъ Хмельныщыны).

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

1. Сотныкъ Зависный—середнёго вику, зализнои вдачи. Волосся на-пивсыве, пидголене.
2. Верныгора—здоровенный козарлюга; носыть косу. Байдужый, мовъ камьяный, не усмихается. Литъ сотныка.
3. Шрамъ—уже дидъ сывый; зубыци нема. Веселый, все зъ смихомъ и зъ жартамы.
4. Денысъ Хорунжый—молодый, стрункый.
5. Марьяна Зависна—дочка сотныка; литъ 20-ты. Глыбокои, думнои вдачи. Ходыть бильше у темному.
6. Баба Палажка—маты іи покійнои матери; поважна бабуся, у стародавнёму строи.
7. Степаныда Свырыдыха—сыва баба, але бадёра, завжды розъятрена, мовъ нависна, чы божевильна.
8. Катря—жинка Деныса;—молода, але запекла.
9. Мелася—сестра іи; жвавый пидлитокъ; весела, безжурна.
10. Унукъ Свырыдышынъ, молодый юнакъ.
11. Кобзарь—слипый дидъ.
12. Дидъ—кволый, старезный.

13. Странныкъ—въ довгій, чорнечій одежи; сывый, зъ бородою.
14. Антось—князь Порецькый: молодый, осьвиченый, палкои вдачи, высокыхъ порывань.
15. Сапига—дядько ёго, магнатъ.
16. Грушецькый—панъ пидстаркуватый.
17. Яскульскый—молодый шляхтычъ: жвавый, брехунъ, похабный.
18. Опацькый—дуже товстый панъ, зъ гуморомъ, веселый.
19. Ясь и Стась—молоди панычи.
20. Пробощъ—строга, поважна фигура.
21. Грохольска—поважна, горда пани.
22. Юля—весела вдова.
23. Ядвыга—дочка Грушецького, небога Грохольскои; пышна панна, зъ гедзомъ.
24. Чарнецькый—региментарь; ще молодый, сухый и лютый.
25. Панны, панычи, драбанты, козакы, хлопци, молодыци, жинкы, бабы, диты, челядь.
26. Прохожій. Дякъ. Сурмачи. Полякы. Татаре.

Діется въ 1654 р.

I и II діи—въ сели пидъ Бушою. III дія—у Порецькыхъ, черезъ мисяць; IV и V діи зъ шостою картыною—въ замку Буши.

Дія перша.

Майданъ въ Подольскимъ сели, блызько Буши. Село въ садкахъ и тополяхъ край пьяты крутыхъ скель та гиръ, яки по-надъ Днистромъ сынiють. Далеко бовванiе на скели замокъ Буша. На переднимъ кону, праворучъ хата сотныка: на третимъ пляни тежъ праворучъ церковный парканъ зъ'дзвиныцею. Лива сторона — дерева, тыны мижъ садкамы поодыноки хаткы. Ранокъ.

Я в а I.

(На кону тры группы: а) праворучъ — коло цвынтаря, б) одна коло кобзаря, якый посередыни, и в) злива на предкону коло Свырыдыхы и другыхъ за нею сыдухъ. Багато люду ще вештается по майдану, пидходять то до однiеи, то до другои купы. На переди жвавый рухъ, а коло цвынтаря люде стоять безъ шапокъ, богобiйно).

Б) Кобзарь (*спива*)

Гей, сыны мои люби, дитки мои мыли,
Орлы сызокрыли!
Зъ клекотомъ дужымъ злитайтесь одважни, весели,
Бо ворогъ вкрыва ваши скели!

Писля куплета кобзарь прыграе; тымъ часомъ розмова иде въ ризныхъ мисцяхъ и до его сходятся люде.

В) Свырыдыха (*до гурту*). Спысы сталёви, шабли дамаськи, пистоли турецьки! За свои виддаю!

Одни. Спасыби, билоголово, що назбирала: надиляй чесный людъ!

1-ша Сыдуха (*за Свырыд.*). Пырогы, кныши, хлибъ!

2-а Сыдуха. Поясы, саквы! (*Народъ розгляда*).

Б) Кобзарь. Ой, укрывають знову шульпикы,
Хотять заклювать насъ навикы...
То-жъ не шульпикы, а галичъ та крюкы,
Не даймося-жъ, диткы, жывцемъ имъ на мукы!

Унукъ. Це вже старецъ нашъ нову зложывъ думу.

1-й слухачъ. И все до прыкладу... ажъ голосыть, та словомъ тымъ такъ и цвяхуе у серце.

2-й слухачъ. Бо слово у ёго видъ Бога!

В) Свырдыха. Зброя влучна та зручна! Гартована моимы проклёнамы: жодному ворогу пощады не дасть! Купуйте до помсты!

Одынъ (*осторонь*). Що вона, мовъ божевильна?

Другый. Ни, вона тильки розъятрена, розсатанила видъ горя.

Одынъ. Навнущалысь, знаты, допеклы до жывыхъ печинокъ?

Диты (*перебигають по майдану*). Мы тежъ пидемо! А ну поцилям! А я волога ось якъ!! (*стриляють зъ лукивъ*).

Б) Кобзарь. Ой чого стогнешъ, земле ридна, кривава,
То жъ чынытся військова справа;
Що и слухачамъ, и мырянамъ,
И лыцарству, и поспильству, и всимъ хрысті-
янамъ,
Во викы вичніи слава!

Одни. Спасыби, старче Божый!

Други. Колы-бъ твое слова та Богови въ вуха.

Третій. А намъ у серце! (*кыдають ему гроши*)

А) Прохожій (*коло цвынтаря*). Що се за знакъ: будень, а въ церкви одправа?

Левенецъ. А ты, чоловиче, здалеку?

Прохож.. Та зза Прута.

Левен. (*показуе на голову*). Выдко, що не вси у васъ тута.

Прохож. А то чого?

Левен. Та хиба вамъ позакладало? Не чулы, що гетьманъ нашъ славный Богданъ склыка зновъ всихъ своихъ дитокъ на криваве докинчення, на бенькетъ!

Прохож. Невже! А була-жъ згода?

Левенець. Гай-гай! Глухый у васъ край: докы не станемо въ своій хати панамы, доты не буде й згоды мижъ намы.

Прохож. Та такъ-то, такъ.

Левен. То жъ-бо й йе: ото-жъ де-яки козакы и наши левенци зибралы загонъ, та й выступають оце у походъ: ну, въ церкви й иде имъ подорожня одправа.

Прохож. Онъ воно що! А чы не можна, козаче, й чужымъ до загона прыстаты?

Левен. А чому-жъ ни? Чужый у насъ тилько ворогъ... а хто грецькои виры та коха Украину,—той свій.

Ява 2.

Ти-жъ, Меляся й дви дивчыны.

(*Гоминъ на майдани трохы затыхъ, вси захрестылысь*).

Меляся (*выбига зъ двома дивчатамы, пидлиткамы*). Ой, весело якъ! Ой, якъ я люблю, якъ вси метушатся, бигають, бентежутся... и рухъ такый, и страшно... и сама на мисци не встоишъ, а серце тилько трипъ-трипъ, трипъ-трипъ!

Дивч. 1-ша. Що-жъ то за весело, колы страшно?

Меляся. Ого бо й йе,—саме втиха! Отъ, якъ пожежа... гыскры летять... полумья гогоче... чорный дымъ такъ и котыть. такъ и котыть... а тутъ гвалтъ, лементъ... кыдаются, одынъ одного давлють... Ухъ, славно!

Дивч. 2. Божевильна! Якъ я забачу вогонь, такъ у подушку уткнусь, та й репетую...

Меляся. А я бъ у саме пекло ускочыла: и гасыть весело, и ратувать радисно... и втишно, ой Господы!

Дивч. 1. Та постыдайся людей!. Тутъ смутокъ, а вона выгадуе невить-що!

Мел. Якый смутокъ? Онъ заразъ військо выйде, шыкуватысь буде; хоруговкы замають, сурмы засурмлять, коныкы забасують... чы то-жъ не весело? га?

Дивч. 2. И вси заплачуть: бо хто зъ батькомъ, хто зъ братомъ, а хто зъ чоловикомъ розстается навикы...

Мел. Чого жъ заразъ на викы? Нагадай кози смерть...

Дивч. 1. Та цыть, шалена! [*затесалысь зъ реготомъ мижъ юрбу*].

Ява 3.

(*Выходять дви жинкы*).

Старша жинка. Двохъ, серденько, выряжала—брата та дядька, а це прыходытся третёго—старшого сына, а двое пидлиткивъ ще тутъ гасають...

Молодша. А я—чоловика... рикъ тилько, якъ побралысь... Боженьку мій, Боженьку!

Старша. А це немовля?

Молод. Третій мисяць пишовъ... А—а! А—а! Цыть, ще наплачешся...

Старша. Або навикъ втыхомырышся... Охъ, таке теперъ наше жыття: день мынувъ,—то й твое, а на завтра и слиду нема... [*Проходять*].

Свырыдыха. Гартована зброя! Заклята зброя!

2 Сыдуха. Сидла, ретязи!

1 Сыдуха. Прыпасъ, харчи!!

Ява 4.

(*Два хлопци и унукъ Свырыд. зъ Меласею*).

Мелася [*выбига зъ реготомъ*]. Ха, ха, ха! Насупывся... похнюпывся, якъ понура въ дощъ...

Унукъ Свыр. Чого жъ ты сміешся? Що за тобою нудно... серце болыть?

Мелася. Ты ще заплачъ...

Унукъ. Эхъ, та й каторжна жъ!

Мелася. Чы ба?!

Унукъ. Дерево!

Меλася. Оттакои!

Унукъ. У—у! Краще було-бъ тебе николы й не бачыты...

Мелася. Дывысь, якый!

Унукъ. Ну, якъ убъють, нарочыто що-ночи снытымусь...

Мелася. Цуръ тоби!

Унукъ. И плакатымешъ... та ба!

Мелася. Эгъ!

Унукъ. Пропадай усе пропадомъ! (*Пишовъ*).

Мелыся (*збентежена*). Та чого жъ бо ты? Грыцю! (*За 'нымъ*).

2 хлоп. (*Свырыдыси*). Бабусю, продайте намъ хочъ невелычки спысыкы.

Свырыд. А скилько маете грошей, мои люби?

1 хлоп. У ёго тры шагы, а въ мене лыше два.

Свырыд. Берить, диткы, дурно оци спысы, а на гроши краще купить харчивъ... та не жалуйте ворога: сыроты вы черезъ ёго, такъ за батька й за матиръ оддячте!

1 и 2 хлопци. Спасыби, бабусю,—абы попався! (*Видбигають. Чуты дзвоны*).

Ява 5.

Ти-жъ и Палажка.

Палажка. О! Дзвоны? Здоровеньки, Свырыдыхо! (*Пидходыть*). Що се? На достойну, чы обхождевіе?

Свырыд. Лыбонь на достойну... а що, пониматко, и вы кого выряжаете?

Палажка. Ни, Свырыдыхо, нема вже кого. Хочу роздаты печево юнакамь на дорогу... все уже й готово, а помогты нікому... Марьяна, унука, певно въ церкви; ій одно тилько: або молытысь, або другымъ помогаты! И молода, и хороша,—про себе-бъ теперъ и думаты, та веселытысь, а іи молодіи лита мовъ за водою пишлы... журытся, та й журытся.

Свырыд. Чого жь то?

Палажка. Та побывается за Антосемъ... Кохалысь, ну а теперъ зныкъ... вбыто певно... Охъ, и я ёго дуже любыла!

Свырыд. Убылы? Якъ и моихъ всихъ? О, я имъ готую гостынци! (*трясе спысамы*) Помсты! Я тилько про неи й молюся, щобъ сподобытысь.

Палажка. Охъ, лютисть—тежъ лыхо!

Мелася (*проходыть блызько*). Зныкъ... зчезъ, и не знайшла! Отъ, Господы!

Палажка. Меласю, дзыго! То ты?

Мел. Я, бабусю... а то хто-жъ бы?

Палажка. Побижы лышень хутенько, та вынесы зъ Горпыною у рядни пырогы, кныши, паляныци й перепичкы... Будемо обдиляты загинъ. Отутъ коло бабы Свырыдыхы станете, а я пиду ще до церквы. (*Пишла въ цвынтарь. Мелася побигла).*

Ява 6.

Ти-жъ и дякъ.

(*На стовпи ще ранишъ прыбылы гетьманськый универсалъ. Юрба скупчуется: вси цикави послухаты, що тамъ напысано).*

Прохожій. Слово—еръ... сымъ... о,—зело, нашъ, азъ—ознай... мыслите, укъ—ознайму...

Дехто. Чорты-батька-зна що бубоныть.

Други. Геть, на бикъ!

Левенець. Пустить мене, панове! Я часословъ колысь... я у дяка вчывся.

Де-хто. Пустить, пустить! Ось ученый.

Левенець. Одступиться тилько... не застуйте!

Други. Та одійдить же одъ свиту! Не штовхайтесь! Ну, чытай; теперъ просторо.

Левен. Гм! гм! Кахы!! (*одкашлюется*) Высоко прыбыто... не выдко гараздъ... Пиднимить мене блыжче до паперу.

Де-хто. Ну, злазь; ставай на плечи!

Левен. (*злизъ, прыдывляется и мымрыть*).

Де-хто. Чытай же! Ну!

Други. Та голоснише, щобъ на весь майданъ було чуты.

Левен (*зусыльна кашля, мовчыть*).

Одны. Чытай же! Чуешъ?

Други. Заципыло, чы що?

Левен. Гм! гм!! Не розберу... Часослова колысь... а це щось не тее... (*Смихъ*).

Де-хто (*що державы*). Геть зъ плечей! Отъ идолъ!

Други. Накласты бъ ще по-никуды, щобъ знавъ!

Де-хто. Онъ дякъ иде,—самъ навчытель: тягнить ёго мерщій!

Дякъ (*опынается*) Чего ради?

Вси. Чытай универсалъ.

Дякъ (*чыта повагомъ, одкашлюючысь*). Ознаймуемо сымъ нашымъ универсаломъ всимъ въобець и кожному зъосибна, же сьмо постановылы зъ усимъ Войскомъ Запорозькымъ стануты мужно, пры всемогущій помощи Божій, супроты ляхивъ, нашыхъ розорителей, озлобителей и супостатовъ, а стануты усима сыламы до сконання (*кашля*). Кому зъ васъ люба свята вира и отчызна, той всякъ, яко зычлывый сынъ матери Украины, мае пидъ Камьянець до наказного гетмана Томиленка неоткладне прыбуваты. Бо колы Ляхы насъ подолають, то видайте певне, же и села и городы ваши и святи церкві Божи, подлугъ давнёго злого намиренія свого, огнемъ и мечемъ спустошать и зруйнують и васъ всихъ въ горшую неволю повернуть. Лучше теды намъ за виру благочестыву и за отчызну головы свои положыты, нижъ якъ безсловеснымъ ворогу пиддатысь.

Де-хто. Такъ якъ-же воно и що?

Дякъ. Щобъ загоны справлялы пидъ Камьянець до Томиленка, або у Баръ до Богуна: ворогы, рече, ополчишася на насъ всима сылами, чего ради згромадымо и свои имъ на одсичъ!

Блыжчи. Спасыби, паве дяче! За виру, за благочестя!

Други. Чуете? Батько насъ клыче! Слушный часъ наставъ!

Дальни. Гей, уставайте и старе й мале, и дивчата й билоголови! Ворогъ зновъ пиднявсь хмарою!

Вси. На погыбель ворогамъ! Гынь усе, намъ на славу!

(*Обуриння охоплюе весь майданъ; пиднимаются вгору кулакы, мыгочуть шапкы, крыкъ зростае до реву*: „Вси повставай. Бый! На погыбель!“)

Свырыд. (*ажъ бига, роспатлана*). Всихъ до ногы! Тельбухы! Тельбухы!

Хлопець [*выбига изъ цвынтаря зъ репетомъ*]. Гей, рушылы зъ церквы! Цытьте! Обхожденіе!

(*Дзвоны*)

(*Гвалтъ стыхае; вси розступылысь и знышклы*).

Ява 7.

Ти-жъ и старець.

Старець [*выходе зъ цвынтаря зъ мысочкою*]. Подайте за упокой родытеливъ, за спасення душъ вашыхъ, подайте на видновлення зруйнованыхъ Божыхъ доминъ, на вызволення бративъ вашыхъ зъ тяжкои неволи!

Кобзарь. Пидведить мене, люды добри, до ёго... Де той святый збирачъ? [*Колы пидвелы*]. Не бачуть мои очи свита Божого, сонця красного, не бачуть и тебе, старче Божый; але вуха мои чують твій поклыкъ спасенный... На, визьмы все! На благе дило! Хай помолятся вызволенци и за мою гришну душу!

Стар. Благословы Боже такыхъ незрячыхъ!

(*Вси товплятся, скыдають старцеви гроши; дали винъ выходыть зъ Кобзаремъ*).

Ява 8.

Марьяна и Катря [*выходять зъ цвынтаря*].

Катря. Куды бъ питы? Нудьга!
Марьяна [*идучы*]. Заходь до мѐне.
Катря. Та швыдко жъ тутъ... прощатыся... Охъ, смѐрть!
Марьяна. Чого жъ то смерть? Крый Боже!
Катря. Ой, Марьяно,
Я чую смерть...
Марьяна. На Бога уповай:
Не нѝдовго зъ малжонкомъ розстается...
Катря. А въ серци нижъ... Не знаю, що и якъ
Соби й чыныть?

Марьяна. Та цей походъ звытяжный
Не лыхо намъ, а славу прынесе!
Катря. А покы що—страхъ навернутысь въ хату.
Марьяна. Всимъ такъ... Мени жъ...
Катря [*перебыва*]. Тоби? Та батько жъ твій
Не йде въ походъ... Хиба хто другый, може?
Марьяна. Опричъ отця, никого бильшъ нема...
Катря. Ты крыешся словамы лышъ, голубко,
А гляне хто—и не пизна тебе:
Замыслена разъ-пô-разъ, мовчазлыва:
У очихъ згасъ огонь, що перше гравъ;
Краса-зоря зъ блидого лычка збигла...
Де твій дзвинкый та жартовлывый смихъ,
Де ти писни?
Марьяна. Въ могыли, въ домовыни...
Катря. Хиба Антось...
Марьяна. Цыть, сестро! Не вражай!
Катря. Невже ёго ты й доси не забула?
Марьяна. А ты бъ свого забула черезъ рикъ?
Катря. То жъ чоловикъ...
Марьяна [*палко*]. А то—юнàкъ зъ юнàкивъ,
Мій другъ, и братъ, и лыцарства краса!
Катря. Та де жъ пакъ винъ?
Марьяна. Въ могыли... въ домовыни...
Катря. Ой, Господы! Ты певна въ тимъ?
Марьяна. А вже жъ,—
А то бъ давно давъ звистку...
Катря. И давно пакъ
Розсталысь вы? Бо якъ торикъ сюды
Перевеслысь, то не було жъ Антося...
Щось чула я... та ты мени й разý—
Хочъ пôдруга,—про те не прызнавалась...
Марьяна. На щô жъ було чужый полохать смихъ?
Катря. Такъ я чужа?
Марьяна. Ни, ни—кохана, ридна..
А тилько, охъ...

Катря [*обнима іи*]. Твоя журба—моя,
Розважъ іи на двое—легше буде.
Марьяна. Бачъ, якъ почать, зъ чогỏ—не зважу я:
Одлынулы думкы мои далеко...
Я, бачъ, тоди ще пидлиткомъ була,
Якъ прывезлы Антося въ нашу хату:
Десь у бору безпамьятнымъ знайшлы...
Спочатку я ховалася видъ хлопця:
До мене винъ,—а я навтикача,
Промовыть що—зъ страхў й не розумію...
А пỏтимъ вже нешвыдко изійшлысь,
Та щыро такъ, якъ ридный братъ зъ сестрою.
И бавылысь, и вчылыся у-двохъ.
И радощи, и горе вдвохъ дилылы...
Та такъ уже любылысь, що й на часъ
Манесенькый не розлучалысь: вкупи
Ото й рослы... якъ дви тополи...
Катря. Та й
Зрослысь, сплелысь и серцемъ, и душею?
Марьяна. Такъ, винъ вбыравсь у сылу, у красу,
Наукою лыцарською втишався,
Озброювавъ одвагою іи,—
И зъ славою ставъ знатыся... Ой, серце!
Не счулась я, якъ дитське почуття
Перелылось у чаривне кохання...
Катря. Здается, ты й заручена була?
Марьяна. Насправжнье—ни; але мій тато видавъ,
Що любымось, и натякавъ не разъ,
Що радъ бы бувъ на рушныку насъ бачыть,—
Якъ боротьбы гарячый часъ мыне...
Ну, отъ... Антось и вырушывъ у-перве,
Якъ гетьманъ нашъ до зброи всихъ пиднявъ,
Якъ всихъ збудывъ его орлыный клекитъ,—
Въ походъ пишовъ, та й не вернувсь...
Катря. Що жъ зъ нымъ?
Марьяна. Лыбонь полигъ...

Катря. А може бранцемъ взято?
Марьяна. Ще гиршъ тоди: скатовано на смерть!
Катря. Колы ёго навикы поховала,
То не весь викъ тужыты жъ: ранокъ нашъ
Тилько почавсь...
Марьяна. Зійшло у мене сонце
На мыть одну, та й скрылося у мли...
У серци—нижъ, нима, глуха могыла;
Але въ іи, въ ту тышу дорогу
Я не впущу ни шарварку людського,
Ни радощивъ зрадлывыхъ...
Катря. То жъ—нудьга?
Марьяна. Сестра моя и пôдруга найщырша!
Але тривай,—вже выступа загинъ.
[*Катря побигла вглыбъ*].
Марьяна. [*Пидійшла блыжче до ганку, замыслылась. По паузи*].

Такъ, серцемъ я для себе скамъянила;
Садочокъ мій, не цвившы, помарнивъ...
Якыхъ жадать мени веселыхъ днивъ,
Колы кругомъ могыла та могыла!
Мынулося... мовъ не було весны,—
Вона жъ назадъ николы не вертае...
Одлынулы вси золотіи сны,
Ни сподиванъ, ни навить мрій немае...
Свое нудне, спустошене жыття
Давно вже я охвировала Богу:
Сховать свій жаль, и тугу, и тривогу,
Знайты для ныхъ въ молытви забуття,
У келіи, захованій видъ мыру;—
Мою любовъ и виру мою щыру
Тамъ виддала бъ Царыци въ небесахъ
И душу всю омыла бъ у слёзахъ...
Але й тіи не маю я порады:
Не можу я другымы нехтувать,

Не можу я ихъ горя занедбать,—
Уныкнуты видъ слизъ—для сѐбе-рады!
Не можу я й спочыты, колы знов
Польется скризь людська, братерська кровъ...
А батько мій? Невже бъ далась я лыху—
Пограбыты останню въ ёго втиху?
Себе жъ цилкомъ винъ людови оддавъ,
За волю бывсь, за щастя ёго дбавъ,
И отъ теперъ дае за ёго душу...
Ни, зъ горемъ я своимъ занышкнуть мушу!
Тилько, чого жъ це серце такъ болыть,
Чого ёму сказать не зважусь—цыть
И занимій на викы? Въ тимъ и горе,
Що мукъ ёго нихто не переборе! [*Пишла тыхо до юрбы*].

Ява 9.

Ти-жъ и Сотныкъ, Шрамъ, Верныгора, Лобода, військo.

[*Старшына йде попереду; за нею загонъ и шыкуется*].

Сотныкъ. Витаю васъ, зборонци Украины!
Вы несете за неи свою жызнь,
И за дитей вона благае Бога,
Заплакана, скривавлена, блага:
А що то есть та мàтерня молытва?
Одъ куль и стрилъ вона обороня,
Изъ полумья, изъ пекла вызволяе,
Зъ морського дна выносыть на цей свитъ!
Эхъ, юнакы, орлята, мои диты!
Я заздрисный, що зъ вамы не лечу
На бенькетъ той, на чесне погуляння,
Бо часъ якый на чатахъ мушу буть,—
А тобъ, диткы, мы наварылы пыва!
Эхъ, що жъ чыныть, летить уже сами
За сывымы, бувалымы орламы:
Верныгору даю вамъ въ ватажкы!

Вси. Вернытори и Сотныкови слава
Во викъ викивъ! Спасыби, батьку нашъ!
Сотникъ. Ну, крый васъ Богъ одъ лыха и напасты:
За славою васъ посылаю я,
Такъ прынесить и намъ іи залышокъ!
Верныг. Прынесемо!
Вси. Подилымось, а вже жъ!
Сотныкъ. Ну, попрощайсь хто зъ кôтрымъ, та й до лавы!
(*Вси помишалысь, обнимаются, хрестять одынъ одного*).

Ява 10.

Ти-жъ и надбига зъ хатъ ще жонота й диды.

(*Чуты гоминъ, зитхання: зридка—слёзы*).

Свырыд. Гей, юнакы! Все дарма виддаю!
Тнить ворогивъ! Гей, разбырайте зброю!
1 Сыдуха. Берить харчи безъ !
2 Сыдуха. И сакзы,
И весь прыпасъ!
Вси (*розбыраючы*) Спасыби вамъ, спасыби!
Палажка. Гей, диточкы! Пидходьте лышъ сюды!
Мелася. Ось пырогы й кныши вамъ на дорогу!
Де-хто (*бере*) Бабусенько! Спасенна въ васъ душа!
Палажка. Храны Господь васъ, молодята, въ сичи!
Баба. На кого жъ насъ лышаете, диткы?
Молод. Хто захыстыть видъ ворога насъ дома?
Баба (*зъ плач.*) Пропащи мы безъ лыцаривъ-орливъ!
Шрамъ. Эй, бабо, грихъ! Нехтуешъ, бачу, намы!
Хиба-жъ пакъ мы не лыцари? Гай, гай!
Що жъ, що рука утята? И цурпалкомъ
Недобыткивъ локшытыму!.. Щей то
Лышается насъ, лыцарства чымало:
Слипый кобзарь, безногый воротарь,
Безрукый я, та баба Степаныда... (*Смихъ.*)
Свырыд. Я—надъ уси!—То правда! Най идуть!..
(*трясе спысомъ*) Не ощажу ни пса, а ни щеняты...
Когтямы впнусь, зубамы..

Верныгора. Що кать-ма?
Шрамъ. У коваля позычыть!
Де-хто. Ну, та й баба!
Други. О, оджахне! Хто гляне—й дропака!
Марьяна. Рахуйте й насъ до війська, дядьку любый:
Мы зъ радистю дамо свое жыття
Й одвагою не осоромымъ въ сичи,—
А пры орлахъ и гòрлыци страшни!
Шрамъ. Фу, пышпо якъ!
Верныгора. Орлыця, що й казаты!
Шрамъ. По батькови!
Сотныкъ. Спасыби, доню!
Шрамъ. Эхъ,
Тай військо-жъ въ насъ! Не то—панамъ, татарамъ,
А и чортамъ мы утнемо хвоста!
Верныг. Хе, на чортивъ жиноча сыла—перва!
Сотныкъ (*обнима Верныгору*). Ну, не барысь, Верныгоро шыкуйсь!
Верныг. Готуйтеся! До лавъ!!
Сотныкъ. Браты и друзи!
Не нàдовго розстаемось,—на часъ;
Не на загынъ прямуете—на бенькетъ—
Кинчаты лышъ недобыткивъ-панивъ...
Такъ мы за васъ тутъ веселытысь будемъ,
А сумувать не будемъ,—такъ, чы ни?
Марьяна. Молытыся мы будемъ,—не тужыты!
Жонота. Й втишатыся звытягамы сынивъ,
Та славою здобутою квитчатысь!

(*Почынается хаплывый рухъ: прыхваткомъ обнимаются й бижать до лавъ; кланяются, проходячы, Сотныку и Марьяни. Чуты урывчасти покрыкы*).

„Храны Господь"!... — „Крый Матирь Пресвятая,
Одъ стрилъ и куль"! ..— " Не кыдайся-жъ въ огонь

Хочъ бслипъ“...—„Эхъ, колы вмыраты въ сичи,
То, сыну, вмры, якъ батько твій умеръ!“

Унукъ [*Меласи*]. Ну, прощавай... пидъ тры чорты!

Мелася. Шаленый!
Я жъ не сміюсь?

Унукъ. Этъ, годи! Гынь усе!! [*Махнувъ и пишовъ до бабы Свырыдыхы*].

Катря [*хорунжому*]. Хочъ вистку дай! Видъ тугы я зивьяну...
Та бережысь—за береженымъ Богъ!

Хорунжый [*обнима*].
Богъ мылостывъ! Неволя жъ гирше смерты...
Не побывайсь!

Катря [*прыпада до его*]. Не сыла!.. Але я
Въ другый загинъ прыстану незабаромъ
Изъ сестрамы... Мы стринемось въ бою
И пидемо, зъ тобою, друже, пбпличъ! [*Хор. до лавъ*].

Свырыд. [*унуку*]. Ну, внуче мій едыный, памьятай,
Що весь твій ридъ—теперъ въ одній бабуси:
Я мала трёхъ сынивъ, якъ соколивъ,
И дочокъ пьять—красунь на всю Вкраину...
Благословывъ Господь ихъ и дитьмы:
Гойдала вже унучокъ та унукивъ...
И всыхъ каты поризалы, спеклы
Жывцемъ въ огни... до немовляты навить!
О, прокляти! Бодай увесь вашъ ридъ,
Все кодлыще гадюкъ и жабъ смердючыхъ
Пропало въ-пень! Гляды,—всихъ рижъ и ты!
Та не давай ощады ни дытыни,
Ни дидови! Хочъ въ свити насъ двойко,
Але несы цилкомъ жыття на помсту!

Онукъ. О, не зхыблю! Умыюся въ крови,
Та и кативъ въ ій потоплю!

Свырыдыха. (*обнима й благословля его*). Такъ, сыну,
Благословы-жъ тебе Господь на бій!

Ява 11.

Ти-жъ и сурмачи, та товарышъ Хорунжого зъ стягомъ.

(*Військо шыкуется, сурмачи попереду; стягы по бокахъ*).
(*Чуты виддалекы глухи пострилы*).

Шрамъ (*до Сотныка*). Що то за знакъ? Стриляють десь
блызько!...
(*Стоять на предк.*) Пидъ замкомъ мовъ, пидъ Бушою?
Сотныкъ (*набыва тютюномъ люльку*). Эге!
Шрамъ. Якъ? Хто-жъ тамъ сивъ? Адже паны изъ Буши
Зъ надворными командами втеклы?
Сотныкъ. Одни втеклы, а други малы замиръ
Засисты тамъ... Такъ я ото й посдавъ
Охотныкивъ, щобъ оджахнуть... (*Креше вогонь*)
Шрамъ. Такъ знаты,
Тамъ сича йде?
Сотныкъ (*запалюе люльку*) Лыбонь, що йде...
Шрамъ. А намъ.
И байдужѐ? Пидъ носомъ харцызякы,
А мы звидсиль ось вырядымъ загинъ,
И на одчай зостанемось зъ бабамы?
Сотныкъ (*смокче*). Этъ, що й казать...
Шрамъ. А якъ бува...
Сотныкъ. Дарма!
Шрамъ. Якъ то дарма? А ну, якъ переважать.
То щò тоди?
Сотныкъ (*выпуска дымъ*). Ха, ха! Куды имъ, бра!!
Колы-бъ що зле, то заразъ-бы звистылы...
Верныгора. Шыкуйтеся! Хорунжый на крыло!
А сурмачи попереду! Готуйтесь!
Розвыньте стягъ, хай мають корогвы!!
(*Військо шыкуется. Решта люду розступается шпалерамы: диты, хлопци спынаются на тыны, на дерева*).

Ява 12.

Ти-жъ и странныкъ (зъ кропыломъ)

Стран. О Господы, благословы дитей!
Хай янголы ихъ крыламы укрыють:

Зане гряде се воинство Твое
За хрестъ святый, за край, Тобою данный,
За братію—и душу поклада...
О, будь ёму Ты мылостывъ и ныни,
И присно, й викъ—викивъ—аминь! (*Кропыть и благословля Прыхыляють передъ нымъ стягы. Чуты дзвоны. Поблагословывшы, заходыть у цвынтарь*).

Верныгора. Цыльнуй
Готуйсь въ походъ! Рушай! До зброи! Гайда!!
(*Музыка. Сурмы.*

Гуртъ (*походомъ*). Вылитае быстрокрылый сокилъ,
Поглядае звысока надокилъ,
Де та галичъ по нызахъ шугае?
Стережися, гей ты чорна зграе!
А надъ військомъ короговкы маютъ;
Гайда-жъ въ поле, братья мыли, друзи,—
На погыбель ворогу—катюзи!

(*Війско проходыть зъ глыбыны впередъ, заверта на бикъ, и дали зъявляется на заднимъ кону, пидъ горою, и зновъ здіймается по ій два разы ключемъ. Писня и сурмы зтыхають тежъ вмиру*).

(*Люде вси посуваются на задній плянъ, махають рукамы, хусткамы, шапкамы.*

Де-хто. Щасты, Господь, и бороны въ дорози!
Вертайтеся жъ здорови! Слава вамъ!!

Свырыдыха. Всихъ до ногы! Хай по крови плазують
И корчатся!

Катря. Я буду швыдко! Жды!!

Ява 13.

Сотыкъ и Марьяна.

(*Війско зныкло. Де-хто стоитъ въ глыбыни; тамъ-же по середыни Шрамъ. Жинкы розійшлысь по хатахъ*).

Единая моя утихо, доню!

В) Сотныкъ. (*Марьяни коло своеи хаты*). Въ тоби лыше—
усе мое жыття—

И радощи, и гордощи, и слава...
Господь мене посыротывъ давно—
Замучылы паны нещасну Галю,
Мою жону, а твою матирь... Охъ,
Якымъ бычемъ упало тоди горе
На голову похылую мою!
Виддячывъ я... та силькысь; але люде,—
Ограблени, прыныжени браты—
Развтажылы те горе своимъ лыхомъ,
Що на вази перетягло й мое...
Та ще тебе Господь лышывъ на втиху...

Марьяна. Мій таточку коханый, дорогый!
Люблю тебе, кохаю и пышаюсь
Тобою лышъ: голинный лыцарь ты
И велетень душею,—всимъ заслона!
Для мене-жъ ты едыный проминь, свитъ
У темряви, у пустци непрозорій...

Сотн. Риднесенька, чого ты все смутнà?
Все чынытся по Божій воли, доню:
Винъ прозыра въ викы викивъ, а мы
Слипуемо, и реметвуемъ, и плачемъ,
Не знаючы, що въ суженій биди
Ховается часамы наше щастя...
Ой, донечко, и пòглядъ твій ясный
Ставъ крытыся журлывою сутинню...
Що жъ діяты? Всимъ тяжко... И мени
Не легше, вирь: любывъ ёго, якъ сына,
Бо всимъ узявъ—и вродою, й умомъ,
И звагою, и серцемъ... але може
Ще винъ жывый?

Марьяна [*лама рукы*]. Охъ, ни, мій тату, ни!

Сотн. Не побывайсь, дытыно моя люба,
А уповай на Диву пресвяту,
И батькови не наваншажуй тугы:
Слёза твоя вогнемъ по серцю бье!

Марьяна. Що зможу—все, а що надъ сылу...

Сотн. Доню,

Поглянь округъ—скризь стогинъ, слёзы...

Марьяна. Такъ,—

Сушыты ихъ—едына мени втиха!

Ява 14.

Ти-жъ и ляхъ, та тры левенци и Палажка.

(Пры кинци розмовы чуты шабельный дзвякъ).

1 хлоп. [*зъ дерева*]. Генъ звирь у насъ... Загналы...
Ось... Пыльнуй!

За мною, гей!

2 и 3 хлоп. [*пидбигають зъ вылами*]. Куды? Кого локшыты?

1 хлоп. Та ось сюды, за вербы... Переймай!

Въ потылыцю!

2 хлоп. Та винъ одынъ—на трое...

3 хлоп. И зраненый... Такого быты грихъ!

1 хлоп. Эхъ, бабіи! Вже й жалощи обсилы!

(Показуется шляхтычъ; за нымъ тры левенця.)

1 Левен. Здавайсь мерщій!

Шляхт. Не здамсь, покы жывый.

2 Левен. Такъ на шматкы жъ посичемо!

Шляхт. [*бьется*] Чувалы!

3 Левен. Кынь шаблю, гей!

Шляхт. Свою мицниш трымай! [*Выбыва*].

3 Левен. Чы ба?! [*оторопивъ*].

2 Левен. [*бье*] Такъ ось!

Шляхт. Не такъ же, дурню! [*Ранытъ*].

2 Левен. [*выпуска шаблю*]. Проби!

1 Левен. До помочы!

Шляхт. На одного—усп?!

Шрамъ. Марцёвый звирь!.. А ну, стара, бебехны! [*стриля*].

(Шляхтычъ выпуска шаблю и точытся майже до сотныка, що пидийшовъ на середычу).

1 Хлоп. Теперъ смалить, лупить кійкамы!

Марьяна [*выбига, зупыняя рукою*]. Стій!

На одного, беззбройного? Брыдота,

Злочынство то!

Сотн. [*пиддержуе ляха*]. Ой, лыхо! Гвалтъ! Це нашъ!

Шляхт. Охъ, батьку... вы? Марьяна? Боже! [*зомливъ*].

Марьяна [*несамовыто*]. Хто-то?

[*глянувшы*]. Антось! Антось! [*Прыпала*].

Зависа

Дія друга.

На третимъ пляни розложысте дерево; пидъ нымъ пивколомъ зъ дерну сыдиння, передъ якымъ нызькый стиль. Праворучъ и ливоручъ мижъ кущамы идуть стежечкы до грушѝ й до яблуни, пидъ якымы по ослинчыку. Посередыни, на краю—грядкы квитокъ. Мисячна ничъ

Ява 1.

Сотныкъ, Шрамъ, Марьяна, Антось, Палажка.

(*Вечеряють. Баба то подасть страву, то прысяде; Марьяна тежъ помага порядкуваты, частуе всихъ, упада, зовсимъ зминылась — щаслыва, весела*).

Палажка [*Антосю*]. Що жъ ты не йисы? Хиба не добри вареныкы?

Шрамъ [*запыхаючысь*]. Ой, ой! Сами въ ротъ лизуть.

Марьяна [*тыхо Антосю*] Я й липыла...

Антось. Чудови... Тилько не хочется...

Марьяна. Не до смаку́?

Антось. Ба ни! Найився...

Палажка. Гай—гай! Хиба такъ йидять? Що бъ ажъ за вухамы лящало!

Сотн. Эге! Не вытребенькуй!

Марьяна. Може хворый? Не доведы Боже, якъ зновъ пропа̀сныця...

Сотн. Чого ій до доброго юнака чиплятысь?

Шрамъ. Часъ и по потылыци! Ты отъ смыкны оковытоп, то й шкура заговорыть до йижи.

Ант. Не знаю, якъ и дяковаты за вашу ласку гойну...

Мар. [*кокетуючы*]. Та цыть уже зъ ласкою!.. [*До Шрама*] Дядечку, лебедыку... прызволяйтесь... Я ще пидложу...

Шрамъ. Охъ, ще коло мене й упада?..

Ант. Едыный хиба Богъ...

Сотн. Отъ, Ему едыному й дякуй, що пидвивъ тебе зъ смертельного лижка... А мы що? Яки булы, таки й есьмо, не миняемось..

Ант. То щастя... А якъ доля часамы зминыть шкуру...

Сотн. У вужа, або у гадюкы... а мы, хиба що зминымось на риднийшыхъ... то вже не здывуй!

Ант. Батьку... чы жъ я... чы жъ мени...

Мар. Таточку ридиесенькый! [*Обнима*].

Сотн. Утихо моя! А не казавъ я, що писля хмаръ ще яснишъ сонечко, а писля слизъ—радисть? То-то! Колы бъ тилькы заверюха мынулась... А ты, Антосю, и ты, Марьяно, здавенъ сыдыте въ однимъ кутку мого серця... а теперъ воно й не одризня васъ...

Палажка. Не одризня, не одризня... якъ два ока!

Шрамъ. А я, старый песъ, трохы не скоивъ вамъ горя, а соби—гриха... Пробачъ, сыну!

Ант. Та въ чимъ же? Вы жъ тоди, дядьку, не козака стрилялы, а ворога?

Шрамъ. Та такъ то воно, такъ... а якъ бы часомъ ты вмеръ, то я бъ соби утявъ и правыцю: разъ—на свого зпялась, а вдруге—дала маху, не влучыла въ серце.

Сотн. Ха, чымъ грызе себе!

Палажка. Дяка Богу, що помылывсь,—а то бъ я на тоби й рушныцю побыла: де жъ, на кого пиднявъ?

Марьяна. На найщыршого козака и найкращого лыцаря!

Автось. Охъ, не хвалить.

Сотн. Не бійсь, не перехвалымъ; а що намучылысь воны надъ тобою,—то такъ.

Палажка. Тры мисяци й очей не стулялы.

Марьяна. Ой, Боженьку! На ножи серце кыпило...

Ант. [*роспачлыво*]. А я!..

Сотн. Теперъ уже молиться Богу, та й годи! А збигай Марьяно, та вточы меду: за ёго ливыцю, за невлучный цурпалокъ той выпьемо! [*Марьяна весело побигла*].

Шрамъ. Та я й самъ смыкну и за неи, и на загынъ рудому чортяци,—щобъ ёму втялы хвоста! То жъ винъ мене пидбывъ,—винъ, винъ! Дывлюсь—ляхъ, а бьется, якъ сокилъ, якъ орелъ: у одного шаблю выбывъ, другого проткнувъ, а третёму лагодытся голову зняты... Ну, такому завзятцеви треба було бъ воздаты ясу, а мене куцый пидъ руку—штовхъ!

Сотн. Та що й казать, нечыста сыла безъ капосты не проживе й дня.

Шрамъ. И то скажы: кому бъ спало на думку, що то свій братъ, тилькы въ лядськії шкури?

Сотн. Ловко, ловко ты ихъ одурывъ!

Палажка. О, спрытный!

Шрамъ. Та розскажы справди, якъ те сталось, що тебе ляхы ощадылы, та ще й одяглы въ таки кунтуши?

Сотн. А справди, якъ воно?

Ант. [*змишався*]. Та не вартъ... и языкъ не тее... Звисно—прыгода, скрутъ... Эхъ, бодай и не згадувать!

Палажка. Охъ, крый Боже всякого! Напасть!

Ант. Та якъ и що... я не знаю й самъ... Писля...

Ява 2.

Ти-жъ и Марьяна.

Мар. Ось и медъ! (*Ставыть пляшкы, налыва въ кухли*).

Ант. (*набикъ*). Охъ, очи си! Языкъ не повертается...

Сотн. Отъ и гараздъ,—йе чымъ промочыты горлянку... А ти ляхы ёму певно ввирылысь... И згадаты не хоче! (*Налыва всимъ*).

Шрамъ. Ге, дисталось певно сыни й иншому...

Сотн. Звисно, неволя: чы у кателыка, чы у невиры, а для нашого брата все йидно! И славный нашъ гетьманъ мылывся...

Шрамъ. Та й вси крычалы пидъ Зборовымъ: „кинчай ляхивъ!"... Ну, а Богданъ короля вшанувавъ... А воно на те йде: або намъ, або имъ не буты на свити...—тисно у двохъ, та й уже!

Ант. Выбачте, пане, за слово: намъ увярылысь не ляхы, а паны... а це не все йидно. Польскый наридъ такый же нещасный харпакъ, якъ и наше посполитство; давно уже винъ на панивъ тыхъ запродавсь, якъ вилъ пидъяремный... а до насъ винъ не тилько не ворогуе, а спрія́ и не зазиха на наше добро: та у самый же Польщи и въ Мазовіи було повстання... тилько що перемогла ёго панська сыла, а прыйды мы,—то пиднялась бы и тамъ заверюха....

Мар. (*тыхо*). Братикъ мій любый!

Сотн. Маешъ рацію, бо й самъ гетьманъ засылавъ туды зазывни лысты.

Шрамъ. Та зъ посполитствомъ ихнимъ можна бъ и побрататысь, колы бъ не вира: а то жъ тоби—кателы́къ на кателы́ку!

Сотн. Наврядъ, а чи й будемъ колы дружытысь!

Палажка. Та й грихъ!

Ант. Эхъ, батьку й бабуню! Хрыстосъ зниявся на хрестъ, щобъ зъ ёго проректы всёму мырови про любовъ та братерство, а мы объ той хрестъ ножи гострымо!

Палажка. А хиба кателы́ки не ворогы намъ? Хиба воны не гнитуть нашои виры?

Марьяна. Палють церквы...

Ант. Зновъ такы—кателыкы паны, зъ другымы панамы—езуитамы...

Шрамъ. Паны, бо мають сылу, а дай сылу кателыцькій голоти, то тежъ на насъ сяде болячкою.

Ант. Чого-жъ то? Католыкивъ йе багато на свити, и воны по другыхъ панствахъ обстоюють и волю и правду, навить суть и ксёнзы, яки чужу виру шанують и дбають про людську освиту, про спильне добро...

Сотн. Та видкиля ты знаешъ це все? Де выдавъ? Де чувавъ?

Шрамъ. Та таке що й не второпаю...

Марьяна. О, винъ здатный,—за всихъ розумнишый!

Сотн. Спасыби, доню! Ха, ха, ха!!

Шрамъ. Що жъ, свате, часъ намъ и на бикъ.

Марьяна. Тату! Дядечко! [*цилуе обохъ*].

Сотн. Бачъ, яка?

Марьяна. То невзначай...

Шрамъ. А прямо въ око! Тилько я все такы скажу, що... чы ляхы, чы паны... а згоды мижъ намы не буде...

Ант. То буде невсыпуще горе й загынъ.

Сотн. Та хиба отой панъ зминыть колы шкуру? Николы въ свити! Ворогомъ винъ намъ бувъ, ворогомъ и зостанется.

Ант. Та може-жъ и паны ти, хочъ де́-яки, а додумаются, що ро́збрать зныщыть и русына й поляка, а що тилько въ згоди—спильный рятунокъ...

Сотн. Не додумаются.

Палажка. Покы свитъ сонця!

Шрамъ. Та я бъ имъ и не повирывъ! Тилько въ шаблюци наша сыла и правда!

Ант. Эхъ, шаблюка та шаблюка! Та воно-жъ тилькы руину чыныть, а не будуе щастя...

Сотн. Та що се ты?

Марьяна. Годи краще! Винъ ажъ розъятрывся видъ суперекы... а ще слабый...

Палажка. Такъ, такъ, цуръ ёму!

Ант. Та я годи!

Сотн. И то краще: выпьемо! [*налыва*].

Марьяна [*тыхо*]. Не змагайся, не рвы себе, голубе: зъ усихъ козакивъ ты найрозумнищый и найкращый: я тоби вирю! [*Видійшла*].

Ант. Вирышъ? Горлыце моя! Охъ!! [*Видійшовъ на передкинъ*].

Ява 3.

Антось—самъ.

Ант. [*иде впередъ и сида пидъ грушою наливо на ослони*].

Все лжа и лжа! И отъ теперъ що дали,

То бильше ще крывлю душею я...
И передъ кымъ? Передъ найщыршымъ серцемъ,
Та чыстою душею, якъ крышталь!
Вона коха самозабутнье, щыро,
Вважа мене за козака, а я....
Ворожый сынъ, чужого роду, виры...
Й не прызнаюсь! Я нышкомъ потайно,
Мовъ злодій той прокрався ій у серце!..
Якъ я лежавъ безпамятнымъ мерцемъ,
То першый свитъ въ безладній огневыци
Мене пронявъ—видъ чаривныхъ очей..
Зъ любовію воны зорилы тыхо...
И лыченько хороше та яснѐ,
Якъ ранокъ той, якъ сяйво янголы́не,
Схылялося надъ камьяны́мъ чоло́мъ,
А рученька торкалась ёго чуло,
Якъ неньчына колысь-то въ часъ ясный...
О, въ хвыли ти каламутно̀го сону
Я спочувавъ себе въ раю... мій духъ
Скрылявсь, шыривъ и лынувъ въ высокости,
Роскошамы небесными впывавсь...
Очу́нявъ я—и сонъ змынывсь у правду:
Я покохавъ... шалено, гаряче,
Безъ памьяты... и що́ чыныть—не знаю!
[*Гирко всмихается*] Не крытыся було бъ ранишъ... а якъ
Я мигъ сказать, що я полякъ, като̂лыкъ?
„Ляхъ, кателы́къ?"—Це жъ ворогъ знаты, злый,
Зъ якымъ нема й не може буты згоды,
Хоть бы за ныхъ винъ перепавсь цилкомъ!
Лыхѐ слипы́ть та сіе скризь нена́высть,
А боротьба озвирюе людей....
Нихто, нихто не хоче зрозумиты,
Що пипъ и ксёнзъ для себе сварють насъ,
Що русынъ, ляхъ повынни побрататысь,
Бо въ тимъ корысть, бо въ тимъ рятунокъ ихъ,

Ни, не збагнуть и тутъ ціеи правды,
Якъ бачу я;—іи-жъ, мою зорю,
Ця звистка вбье!.. Вона жде шлюбу, щастя,
И я ёго не зражу... Такъ на що-жъ
Маню людей, брудню свою святыню
за все добро лукавымъ зломъ плачу!..
[*схоплюется*].
Яке-жъ слабе, никчемне я створиння!
Гыдую самъ собою, соромъ, лжу
У кожнимъ слови, въ кожнимъ вчынку чую
И доси все сказать не можу: „стій!
Ты за межу и гонору и честн
Переступывъ!"... Я у тенета впавъ
И плутаюсь, а розирвать ти пута,
Лыбонь, ни сылъ, ни звагы не стае!
Тону въ быстри и не одынъ—а подло
Ще другого, коханого тягну,
Щобъ кынуты у пекло мукъ катовныхъ!..
[*Хапается за голову*] О, ни! Пора ци пута розирвать! [*пишовъ*].

Ява 4.

Ти-жъ, безъ Антося, й Мелася.

(*Ця сцена йде разомъ. Старши розмовляють на прызьби, а молоди щебечуть на переднимъ кону*). (*Мижъ звиздочкамы розмовы идуть вкупи*).

Марьяна (*выйшла й розгляда, де Антось*). (*Баба до столу за обрусомъ.*)

Мелася (*за перелазомъ*). Марьяно, гу!!

Марьяна (*здригнулась*) Мелася?

Палажка (*струхуючы обрусъ*). Вже-жъ не хто!

*Шрамъ. Отъ тилько що, бра, негараздъ: хочъ-бы тоби хто теленькнувъ зпидъ Камьянця!

Сотн. Э-жъ, якъ одійшлы, мовъ хвыля попяла.

Пал. (*складуючы обрусъ*). Охъ, рятуй Божа Маты!

Шрамъ. Татаре, чувъ, перейшлы... уже за ляхивъ.. Лышылы за собою кривави шляхы та пожарыща...

Сотн. Оттакъ и вирь невири! Эй, не до смаку була мени й перпіъ спилка та зъ бусурменомъ!

Шрамъ. Скрутъ бувъ... Безъ помочи не здолалы-бъ: та гетьманъ же те и досвидчывъ, славою вкрывъ Украину...

Сотн. Розбуркавъ всихъ—то такъ: а довивъ не туды справу... Эхъ, що й казать! (*Махнувъ рукою*). Ходимъ ще до коней, або-що! .. (*пишлы*). *

Мелася (*пидбига радисно*). На сылу я, моя ты дорога,
Ось вырвалась!

Мар. (*цилуе ii*). А що, все не пускають?

Мел. То се, то те... А дома-жъ нудно—страхъ:
А ни гукны, а ни засмійсь.. а писни
Й не затынай!

Марьяна. Ой, бидна ты!

Мелася. А то-жъ.—
Я такъ люблю сміятысь и спиваты,
А тутъ мовчы, та крадькома ступай,
И не бижы...

Марьяна. То мука-жъ задля дывы?

Мел. Та ще й яка!

Марьяна. Чого-жъ така напасть?

Мел. Эть, мама все та Катря... мовъ чорныци,—
Зитхають знай, та молятся въ-ночи,
А въ день блиди, якъ тини сновыгають,
Та все мовчать... У насъ, мовъ у труни,
На цвынтари: ни гомину, ни згуку...
Забудешся—ну вразъ и нападуть,
Що я й така, й сяка—и нечуственна,
И камьяна... Хиба всимъ смерть?

Мар. Чого-жъ
Таки думкы имъ въ голову прыходять?
Крый Господы! Преславный нашъ Богданъ
Зъ одвагою не розлучывсь...

Мелася. А наши
Збентежени; а що нема вистòвъ,

Ну й сердются, що я соби весела...
А що жъ мени, сестрыченько, чыныть?
Насуплюся, и губу накопылю,
И наклыкать почну сумни гадкы,
Щобъ плакаты... а слизъ—дасть-Би... Ще регитъ
Пидкотытся... а чобиткы—брязь, брязь!
Чы-жъ грихъ ото? Невже я деревьяна,
— Чы камьяна?

Мар. Ты жвава, молода,
Та радисна, бо сонечко для тебе
Лыше встае, а ранокъ—благодать!
Радій, спивай, тилькы й твого тепера,
Безжурни дни не вернутся назадъ:
А замисть ихъ пидкрадется зла туга
Изъ мукою, зъ кривавымы злизьмы,
Тоди й зитхнешъ, наплачешся... А покы—
Радій, спивай, танцюй...

Мел. *обнима іи, пидскакуючы*). Такъ то не грихъ?
Риднесенька, мылесенька, голубко,
Якъ я тебе кохаю, якъ я люблю!
Чы-жъ вынна я, що весело на свити?

Марьяна. О, весело! То Богъ дае намъ рай
И мусымо мы ласци тій радиты!

Мел. Ой, Боженьку, якъ рада я! А ничъ
И зоряна й ласкàва, наче маты,
А соловейко тёхъ та тёхъ...

Мар. (*зазыра ій у вичи*). А ну,
Поглянь сюды: чы другый соловейко
Не залетивъ часамы въ твій садокъ?

Мел. (*сором.*). Ни, такъ соби... Ха, ха, ха, ха!! Ой, смишно!
Свырыдышынъ онукъ... (*сміется*)

Мар. О, то юнакъ!

Мел. (*потуп.*). Гарненькій винъ... але смишный, похмурый...

Въ останній часъ немовъ прыбытый бувъ,
Чогось зитхавъ, втопывшы въ землю очы...

Мар. Хиба не жаль?

Мел. Не знаю (*заговорыла иншымъ тономъ*). Хогила-бъ я...

[*озырается*] Чы можна тутъ... хочъ трошкы заспиваты?

Мар. Спивай, спивай!

Мел. Якои-бъ же? Ага!

[*Меласся спива ad libitum закохану писню... Марьяна слуха, невзначай вступа дуетомъ*].

Меласся. Якъ хороше! А ось ще краща,—слухай!
[*Почына веселои й прытанцёвуе*].

Мар. [*нарешти*]. Ой, ластивко! Щебечешъ, дорога, [*обнима*].
А серцеви й надбытому—утиха!

Ява 5.

Ти-жъ и Катря.

Катря. О, такъ и есть; якъ уродылась тутъ!
Уже й спива... у, камьяна!

Марьяна. Ты... прыкро:
То не вона, а молода гра кровъ,
И серденько радіе свитомъ Божымъ...

Катря. Не ти часы: не втиха, а слёза
У кожного...

Меласся. Хиба я що?

Катря. Эгъ, годи!
Знайды мерщій Свырыдыху.

Мел. Чого?

Катря. Вона це знову по вулыци ходыла
Зъ проклёнамы... а то вже не дармà!
Бижы жъ, спытай!

Меласся [*кынулась*] Я духомъ справлюсь, сестро!
[*Побигла*].

Ява 6.

Катря й Марьяна.

Марьяна. Ты, серденько, бентежышся дармà,
Себе грызешъ и дру́гымъ дорикаешъ...
Терпиты тра...
Катря. Ты жъ видаешъ сама,
Яка тяжка розлука зъ мылымъ?
Мар. Знаю,—
Натèрпилась, настрàждалась...
Катря. Не вкрай,
Бо дивчына не може такъ кохаты,
Якъ замижня!
Мар. Чому?
Катря. Бо не була
Ще звязана навикы передъ Богомъ,
Не звидала ни бури, ни жагы́...
Мар. Не знаю якъ: я тилько чую радисть—
Не буйную, а тыху, лагидну́—
Мовъ въ серденьку журлыво-втошна писня
Дзвенытъ, тремтытъ та чулисть порыва...
И плачу я солодкымы слёзамы,
И цилый свитъ обняты бъ хтила я,
И Богови ласкавому молытысь,
Полынуты, де мріе лышъ блакить,
Де котытся шляхомъ прозорымъ сонце...
Катря. А мылого лышыла бъ на земли?
Мар. Ни, зъ нымъ...
Катря. У рай? А я пишла бъ и въ пекло!
Де бъ винъ не бувъ, чымъ бы не ставъ,—
пишла бъ!
Мар. Хочъ бы винъ ставъ харцызомъ, лыходіемъ
Чы й ворогомъ?
Катря. Хочъ дидькомъ бы!
Мар. О, ни!
Це бъ на шматкы порвало мени серце,

Але бъ воно не знадылось лыхымъ:
Въ дружыни я шаную вси достòты,
Люблю въ ёму душевніи красы...
Колы бъ же я зневярылась...

Катря. Ой, леле!
Дивочи то все прымхы, а якъ шлюбъ
Зъедна на викъ,—не те ты заспиваешъ:
Вся прыкыпышъ...

Мар. Спиватыму все те жъ!

Голосъ [*за хатою*]. Хай буде викъ похваленъ!

Голосъ [*зъ хаты*] Най во викы!

Катря. Хтось тамъ прыйшовъ: я побижу мерщій.

Ява 7.

Марьяна сама

Марьяна. Не доведы, Пречыста, щобъ Ангинъ
Зминывсь колысь! О, видхылы ци кары!
Бажала бъ я сама лягты на мары,
Згодылась бы, щобъ похоронный дзвинъ
Загувъ скоришъ надъ мылого труною,
Нижъ щобъ душа загынула, на жаль:
Вона ясна у ёго, якъ крышталь,
И тымъ една на викъ мене зъ собою...
Для серця жъ я—ни правды не змалю,
Ни зъ крывдою не помырюсь николы,—
Ни рады втихъ, ни рады вражинь кволыхъ,
Ни рады слизъ и тяжкого жалю!
Тебе циню, якъ перлы дорогіи,
Якъ самоцвитъ, якъ зироньку ясну,
Якъ сяево недосяжнòи мріи,
Якъ гоноръ нашъ, якъ славу голосну,—
Ой циню, люблю й кохаю...
Сове легкый, чаривный,
Шепотны ёму, благаю,
Про прыхылъ мій незрадный!

Соловейко, мій сусидо,
Ты не тёхкай у гаю,
А коханому повидай
Про любовъ святу мою,—
Про рожеви, свитли мріи—
Мого серця таину,
Про сподиванкы блидыи
Пидъ годыну нависну,
Про слёзу мою едыну—
За тымъ щастямъ чаривнымъ:
Що безъ мылого—я гыну,
Що жыву я тилькы нымъ!
О, мои яскрави зори,
Освитить мою весну:
Вы на Божому престоли
Рызу кропыте рясну,
Вы огныстою стягою
Шляхъ показуете въ рай...
Такъ спадить, скропить росою
Серце, змучене у-край!
Втыхомырьте давне лыхо,
Що сміется надъ людьмы,—
И мени пошлить утиху,
За пекучымы слизьмы!
Бо пóкы насъ одъ сонця крыють хмары,
Бо пóкы плачъ и лементъ скризь буя,
Не можу я жадать своеи пары,
Щаслывою не можу буты я...
Керуйте жъ насъ вы, провидньчи зори,
Мижъ хыжыхъ хвыль на збуреному мори
До прыстани, де запануе зновъ—
И воленька, й братерство и любовъ!

Ява 8.

Марьяна и Антось.

Антось. Ни, тра скинчыть... [*натыкается*] Марьяна?
Марьяна. Я, мій орле!

Ант. Замыслывся и якось невзначай...

Мар. Ты все чогось зажуреный?

Ант. Охъ, тяжко!

Въ мынулому... у тій прыгоди злій...
Зплелось таке—що все жыття ламае,

Мар. Забудь ёго! Не треба и вражать
Себе такымъ.

Ант. О, забуття у Бога

Я такъ благавъ! Але ёго нема,
Не може буть и до труны не буде!
Хиба розбыть сей черепокъ въ шматкы,
Щобъ зъ ёго геть розсыпалысь на пропадъ
Уси думкы, вси почуття, все те,
Що вьяже насъ тяжкымы ланцюгамы
Повынноствъ и гонора...

Мар. Чого

Ты, голубе, бентежышся? За мукы
Видпометымо!

Ант. Охъ, зиронько моя!

Пробачъ, що я... таивсь... не хтивъ вражаты...
Все розсказать: не повертавсь языкъ...
Давыло духъ... въ устахъ нимило слово...
Та и теперъ... охъ, сестро...

Мар. Боже мій!

Ты весь тремтышъ... пополотнивъ ажъ...

Ант. Серце!

Давно хотивъ... и отъ теперъ...

Мар. Трывай!

Ранъ не вразы,—ще гоятся...

Ант. Суть раны,

Яки лышъ смерть загоить...

Мар. Друже мій,

Не говоры такыхъ ричей—заплачу:
Ты знаешъ же, що твій найменьшый биль
Пронызуе мени ножамы серце...

Вже жъ туча та грядо̀ва перейшла
И сонце гра...

Ант. Моя голубко тыха,
Якъ глянешъ ты... Але мене гнитыть...

Мар. Що? Що гнитыть? Мій лыцарю, мій друже,
Яки думкы? Скажы мени, прызнайсь:
Адже нема щырщои людыны
И блыжчои, якъ я тоби?—Й сестра,
И по̀друга, и...

Ант. [*палко перебыва*]. Янголъ мій хранытель,
И проминь мій, и свитъ души, и все,
Що въ свити йе найкраще, найчыстише:
Въ тоби одній зъеднавъ, злучывъ Господь
Уси красы земли й ясного неба...

Мар. Антосю!..

Ант. Такъ, ты свитозорый храмъ,
Зыждытеля найкраще сотвориння...
Стій, не спыняй!.. [*на груды*]. Тутъ накыпило такъ,
Що вра̀жиння мене задавыть па̀ломъ...
Зь того часу, колы тебе спизнавъ,
Я все забувъ мынуле,—занимило
Потемрылось:засяявъ мени день...

Мар. Та й ты жъ мени ставъ найриднишымъ зъ малку!

Ант. О, чаривни, видрадисни часы!
Чы жъ вернетесь, чы одлетилы въ вырій?
Не зналося тоди ни хмаръ, ни бурь,
Ни забобонъ людськыхъ непогодымыхъ,
Що шарпають и серце на шматкы,
И рай души отрують злобою...
Охъ, все тоди яке було яснѐ,
Якымъ ключемъ кыпило й грало щастя!
Душа моя шырила до добра,
Любовію займалася до люду,
Братамы всихъ вважавъ я, а тебе
Веселкою, молытвою...

М а р. [*зъ слёзамы*], Ой, леле!
Такъ то було тилькы колысь?
А н т. Ба, ни!
Було, и есть, и буде!
М а р. Мій соболю,
Видъ щастя я... [*прыпада*].
А н т. [*обнима*] Все занялось вогнемъ,—
И въ полумьи вже я й не добачаю
А ни думокъ, а ни грызотъ тяжкыхъ,
Яки у край шматують серце... Зоре!
Зъ того часу, якъ розлучылысь мы...
М а р. [*цилуе*]. Не говоры, не згадуй, орле сызый,
И Господа докоромъ не вражай!
Мы знову въ двохъ—жывый ты и зо мною
Стоишъ рядкомъ, твій голосъ чую я,
Твоихъ очей свитъ чаривнычый бачу:
У темряви, у пустци—сонце зновъ...
Про що жъ тужыть?
А н т. Такъ, мы зійшлыся знову...
И небомъ цымъ клянуся, що тебе
Я покохавъ ще бильше, ще палкише,—
Вогнемъ занявсь и гыну у вогни!
И ты, моя святыне, ты, мій раю,
Не проклялa проклятого мене,
А ласкою, прыхыломъ надилыла,
И щастемъ ще оквичуешъ такымъ,
Якого тутъ, мижъ людомъ, не бувае,
Яке хиба на неби тилько йе,
Та й то наврядъ!
М а р. Кохаю я, кохаю!
Въ тимъ почутти злылось мое жыття:
У серци лышъ Украина й мій сокилъ...
А н т. [*прыгорта несамовыто*]
Жыття мое! И пекло мое й рай!
Ой, що чыню? Нема у мене воли...

Поламана: все биля нигъ твоихъ!
Охъ, гвалтъ якыйсь... щось тутъ крычыть и стогне,
И вопіе... Не чую! Сылъ нема
Розбыть таке непереможне щастя!
Моя, моя [*палко прыгорта*]

Мар. Твоя, твоя на викъ!

(*Занимилы*).

Ява 9.

Ти-жъ и Свырыдыха.

Свырыд. (*выходе злива*). Хто тутъ жывый?

Мар. и Ант. (*розскочылысь*). Свырыдыха?

Свырыд. Я, диты.
Де батько твій? Де Шрамъ? Де старшына?
Чуткы́ бижать лыхи...

Ант. (*радисно*). Не може буты?

Свырыд. Всёго бува на ныви кривьяній...

Мар. Господь святый—за правду, за бездольныхъ.

Свырыд. А сатана не насталыть сынивъ
На все лыхе? А зрада? А невира?
А, вси чорты!!... Де старшына?

Мар. [*побигла*]. Я вмыть!

Свырыд. О, всихъ невиръ тра вырязать теперъ
Безъ жалосты!

Ант. То лышъ злоба слипа:
Ляхы крычать, що мы есьмо невиры,
Що треба насъ всихъ выбыть до ногы...
То де-жъ кинець?

Свырыд. Тамъ хто кого? А жыда,
Ксёнза, ляха—чы пана, чы псаря
У пень товкты, рубыть, смалыть...

Ант. На решти
Всихъ вытнемо и самы ляжемъ вси...
А край ясный повернемо въ пустыню
Й достанется все хыжаку...

Свырыд. То-що?
Абы лышень не кателыку!

Ант. Добре
Кохаете свій край и свій народъ!
Не лютистю бисованого ката
Будуется те щастя на земли,
Бо катъ—все катъ, чы репаный, чы билый
За нымъ услидъ—неволя, гвалтъ и смерть:
У лàгоди, въ братéрстви тилькы сыла!

Свырыд. Щобъ кателыкъ та зъ благочеснымъ бувъ
Прыя́телемъ? Та зроду и до вику!
Колы не нашъ, то ворогъ значыть ты!

Ант. Чого-жъ то такъ?

Свырыд. Бо ворогъ, ворогъ, ворогъ!
Та цуръ тоби! Пиду лышъ до старыхъ!.. [*пишла*].

Ява 10.

Антинъ самъ.

Ант. Або ты нашъ,—або ты ворогъ... звири!
Що-жъ, колы нашъ, то ворогомъ ставай
Своимъ братамъ, ойчызни, кревнымъ, вири?
Всихъ тны у-пень, всимъ мукы завдавай?
Яка злоба, яка вироненàвисть!
И хто іи посіявъ на земли?
Попы й ксёнзы! И на людській рилли,
Замисть любвы зійшла ненатла зависть,
А зъ нею й вси пекельни нагаи́!—
Колы-жъ вогонь розжевреный погасне,
Колы кинець настане цій злоби́,
Колы браты спизнаются соби
И вже гуртомъ добудуть щастя власне?
Охъ, одумаймося, друзи,
Даймо вси на згоду рукы;
Хай не стогне людъ у тузи,
Хай не гыне край видъ мукы,—

Бо непатліи сусиды,
Знай чатують нашу зваду,
Наклыкають тилькы биды
И кують мижъ насъ розраду:
На корысть соби пыльнують
И на нашу власну згубу,
Щобъ загарбаты святую
Нашу землю й волю любу!
О, Господы, смыры Твоимъ сынамъ
Пыху лыху и серця злу гордыню,—
Даруй любовъ и згоду вичню намъ,
Да воспоемъ гуртомъ Твою святыню!

Я в а 11.

Сотныкъ, Шрамъ, Палажка, Свырыдыха, Катря, Антинъ (за деревомъ).

Ш р а м ъ. Такъ знаты жиноче військо? Згода! Тилькы прыймить и мене, и нимоту, й безногого...

С в ы р ы д. Не смійся! Жинкы вамъ тежъ покажуть, якъ ворога витаты, якъ умыраты! Тельбухы выпустымъ!

К а т р я. Колы не наважутся други—сама пиду!

Ш р а м ъ. Прысяй-би, не сміюся! А вкупи зъ вамы питы такъ весело, що ажъ выбрыкую!

С о т н. Годи, бра, не шуткуй! Краще похопысь озброиты Бушу, а я склыкъ гукну по хуторахъ, по селахъ, а ватажкомъ... [*до себе*] винъ чогось, але ни!.. такъ, ватажкомъ—Антось!

А н т о с ь [*за деревомъ*]. Я? Пекельный жартъ!

М а р. и П а л. Винъще не одужавъ.... слабый!

С о т н. Хвалыты Бога, пры сыли! А кращого доводця нема: и звагою, и розумомъ не схыбыть.. Скажы ёму—винъ буде радый... А пидъ Богомъ вси мы... Гайда-жъ до Степаныды—обрадымось! [*пишлы*].

Я в а 12.

Марьяна и Антось.

М а р ь я н а. Що-жъ, колы такъ—свята Господня воля! [*забачывшы Ант.*] Антосю, чувъ?

Ант. Доплутавсь.. ну й кинець
Всёму, всёму!
Мар. Чого-жъ то?—Богъ...
Ант. [*перебыва*] Для мене
Рятунку вже ни тамъ [*на небо*], ни тамъ [*у землю*] нема!
[*похопывшысь*] Ты не завважъ, що я боюся смерты:
О, я не разъ дывывся въ вичи ій,
И не мене кырпатій излякаты!
Мар. Чы я-жъ могла зневирыты тоби?
Ты сокилъ мій и вѐлетень коханый!
Охъ, якъ тебе кохаю...
Ант. [*обнима*]. Раю мій!
[*опамьятовшысь*] А, знову лжа? Яке шельмовство подле!
Ни, годи! Стій! Нехай мене убье
Огыдою твое презырство прàве,
Нехай мене зненавыдышъ,—а все-жъ
Мовчаты бильшъ не можу и не буду!
[*Марьяна видступа, збентежена*].
Мар. Не говоры! Ой, страшно!
Ант. Ни, вже—край!
Просты мене, пробачъ, колы здолаешъ:
Манывъ тебе, таився, наче вужъ,
И зъ розуму тебе, безвынну, зводывъ...
Мар. Що кажешъ ты, мій Боже?!
Ант. Я не той,—
Я не козакъ, не грецького закону!
Мар. Ой! [*вхоп. за серце*]. Хто жъ ты? Хто [*глухо*].
Ант. [*спустывъ и рукы, мовъ пидстреленый*]. Католыкъ и полякъ!
Мар. [*хап. за голову*]. Якъ? Що!?.. Ни, ни! Жартуешъ ты! Такого [*Довга пауза*].
Не може буть! Це щось пекельне... Ой,
Хочъ пошануй! [*зъ мольбою*].
Ант. [*лама рукы*]. Нещасна!! Я злодюга!!
Мар. Такъ правда то? Не пидступай!.. Ой смерть!

Антось. Марьяночко!
Марьяна. Земля схытнулась... Що се? [*Вхопылась за дерево*].
Антось. Просты мене!!
Мар. Ты зрадныкъ! Ворогъ нашъ?!
Ант. Не ворогъ я—прыхылецъ!
Мар. Не знущайся!..
[*Лементуючысь*]. Охъ, боляче! Кыпыть окропомъ кровъ...
Горыть... пече!..
Ант. [*кыдается обняты*]. Голубко! Моя зоре!!
Мар. Вельможный панъ! не насмихайсь!.. Не рушъ!
Лышы мене,—бо ворогу й я ворогъ!
Ант. Не дорикай: то доля зла моя!
Нещасный я... бидакъ—не выноватець...
Не вирышъ ты? Такъ ось же! [*выймае кинджалъ*].
Мар. [*зупыня, хапа за руку*]. Стій! Не рушъ!
Мене добый! [*одбера кинджалъ*].
Ант. [*зрушено*]. Загубленый мій раю!
[*закыда киндж.*] Послухай-же уважно й розсуды!
Колы мене маленькымъ хлопцемъ взято,
Я памьятавъ, що въ пышнимъ замку бувъ,
Де пéстылы мене, якъ паненятко...
Але татусь завирывъ твій, що я
Въ неволи бувъ, бо бранецъ, що мій батько
Изъ козакивъ... Я першъ мовчавъ, таивсь,
А потимъ часъ прымусывъ все забуты:
Я риднымъ ставъ оцій симьи святій,
Забувъ панивъ, пышноту, виру, гоноръ—
И ставъ цилкомъ правдывымъ козакомъ...
А серце се зрослось зъ другымъ, дивочымъ,
Яке цилкомъ всю душу поняло
И надало своеи ій святыни...
Мар. Святыни? Ой!!
Ант. [*не завважывшы*]. Якъ въ сичи я упавъ,
То вразъ прызнавъ магнатъ мене за князя,

Небижчыка Порецького Петра...
Я зъ малку бувъ католыкъ, дидычъ...

Мар. [*сплеснула рукамы*]. Леле!
И въ одну мыть поласывсь?

Ант. Не вражай,
Бо не скарбы купылы мою душу,
А почуття выхдване у васъ:
Надъ все любыть ойчызну й ридну виру,
Не зражувать ни рады чого ихъ,
А все жыття виддаты имъ на благо...
И гоноръ мій тежъ обизвавсь...

Мар. Чого-жъ
Не обизвавсь той гоноръ тутъ одверто,
И не прызнавсь, а все манывъ?.

Ант. Чого?!
Клянуся я и Богомъ всемогущымъ,
И матирью замученою, що
Не страхъ за жызнь мени вуста зацыпывъ,
А лыше страхъ, щобъ ты не проклята,
Бо серце се жыло й жыве тобою!

Мар. Про панське дбавъ, але про хлопське-ни?

Ант. Не додавай прызырствомъ мукъ: тутъ пекло!
Послухай-но, не вже я ворогъ тымъ,
Що не кляну ойчызны й виры предкивъ?

Мар. Такъ мусышъ-же й ненàвысть ихъ ховать!

Ант. О, навпакы: лыхе—не обовьязокъ...

Мар. Та ще й якый!

Ант. Тебе и весь твій людъ,
Украину, цю другу мою неньку,
Люблю!

Мар. Не вирь ты серцеви, не вирь,
Ойчызны сынъ, ясновельможный княже,
Бо гоноръ, честь прымусять ёго встать
На нашъ народъ оружною рукою!

Ант. Ни, зроду ни!

Мар. Ха! Ты забувъ? А тутъ
Кого рубавъ? Чы не сынивъ Украйны?
Тра зрадцемъ стать,—чы люду, чы панамъ,

Ант. Чого-жъ то такъ? Ще есть и третій спосибъ:
Опросвитыть и пана, й козака,
И харпака,—та й помырыть...

Мар. То байка!

Ант. Два рокы я по всихъ чужыхъ краяхъ
Шукавъ знаття и розуму: тамъ мудри
Домыслылысь, що щастя всихъ людей—
У лагоди, у братстви, у освити,
Що вира-но тоди святійша ричъ,
Колы вона любовъ и згоду сіе.

Мар. Не збутня ричъ: чы-жъ пана и раба
Помырыть хто? Панъ зъ рукъ чужыхъ жыруе
И рабъ ёму потрибенъ, якъ жыття,
А като.лыкъ за вси схызматськи слёзы
И гроши ма, и рай видъ папы...

Ант. Охъ,
Чого-жъ намъ свій пустошыты?

Мар. Бо зныкъ,
Бо винъ зоставсь лышъ въ спогади пекучимъ...
И якъ же ты хотивъ ёго втрымать?
Щобъ я зреклась и роду, й люду, й виры,
Щобъ зрадою купыла княжу честь?
О, ни, не дбай! Ймовирне мое серце,
А гордощивъ никому не продасть,
Якъ не продасть укоханого люду
И риднои Украины по-викъ!
Ни я тебе, ни ты мене до зрады
Прынажувать не зважуйсь.. Та й яке
По зради тій ще може буты щастя?

Ант. Не треба зрадъ, хиба, якъ мы есьмо,
Не можемо любытыся и дбаты
Про долю двохъ ридныхъ братывъ?

Мар. Ой, ни!
За намы-жъ хто стоятыме? Не друзи,
А ворогы запекли и слипи,
Що й насъ вйидять...

Ант. Те слово гирше смерти!
Да мыть хиба на цёму свити я,
Бо марю ще постаткувать Вкрайни,
Перемогты шляхетства злу пыху...

Мар. Якъ не текты вверхъ до Карпатъ Днистру,
Такъ шляхти вже зъ поспильствомъ не здружытысь!

Ант. Якый одчай! Речъ Посполыта гыне,
Въ руини весь пытымый, руськый край:
Обомъ братамъ у лагоди—рятунокъ!

Мар. Спасенна ричъ; але тому не буть!..
Ну, прощавай! Почаступавъ... Спасыби!
Вогонь—пытво!.. Було-бъ хочъ шляхетнйшъ
Ударыты, щобъ занимила зразу
Я на ножи... Але нихто, якъ Богъ:
Його була на те святая воля,—
И ій корюсь...[*тепло*]. Хочъ не збрудны жъ души!
Але прощай... не буты намъ у-купи:
Наши шляхы на викы розійшлысь
И полягла мижъ намы чорна прорва...

Ант. Надъ-сылу то: мы друзи кревни, вирь,
Коха тебе несамовыто серце! [*хоче обняты*]

Мар. [*гордо*]. Ой, видступысь, мій княже!... Прощавай!

[*Чуты гвалтъ*] [*на вулыци*]. Жинкы. Гей зрада зла! Пропащи мы! Погыбель!
Верныгора зъ десяткомъ лышъ вернувсь!

Сотн. [*голосно*]. Що сталося?

Верныг. [*голосъ*]. Козаче війско згыбло,
А наказный пидъ Камьянцемъ полигъ!

(***Гвалтъ зкамьяныгъ Марьяну и Антося***).

Антось [*сплеснувъ рукамы*] Звытяга!

Мар. Ха! такъ отъ яки мы друзи!

Зависа хутко спада.

Дія третя.

На другимъ пляни зправа частына пышного палацу; шырокый рундукъ зъ марморовымы сходамы, статуямы; въ палаци викна одчынени. Посередыни кону клумбы, водометъ, фигуры, садова мебель. На першимъ пляни злива альтанка. Навкругы роскишный садъ зъ дорижкамы и шырокымы проходамы. Дали ставъ, мистокъ, по якому ходять, и чудовый краевыдъ.

Мисячна ничь

—

(*Діется черезъ мисяць*).

—

Ява 1.

А) Грушецькый, Опацькый, Сапиа, Яскульскый, два шляхтыча (на рундуци пьють). Б) Грохольска, Юля, Ядвига (въ альтанци).

А) **Груш.** Добрый венгржынъ, панове!

Сапига. У Порецькыхъ лёхы знакомыти.

Яск. Досконалый, illustrissimi domini! Нижный, якъ кобита—и вабыть, и пестыть; запашный, якъ молодощи—и дурманыть, и розжеврюе кровъ, а смашный, якъ... якъ перша утиха!

Шлях. 1, 2. Ха, ха, ха!! Браво, браво!! Ньехъ жые!

Опацьк. Го, го, мій любый! [*Бье его по плечу*].

Яск. [*зъ келыхомъ*]. За втихы й за ласощи! Прысягаюсь св. Марцеломъ, шо кобита й выно, та якъ ще до ныхъ додаты панове добродійство, дукаты—найкращи утихы на свити! За Венеру-жъ, Бахуса та Меркурія! In hoc trinitario est veritas.

Опацьк. Пышно!

Шлях. 1. Виватъ! Виватъ! [*пьють*].

Ява 2.

Тѣ-жъ та Ясь и Стась (выходять зъ мистка).

Ясь. Куды ты, до паненокъ?

Стась. Э, ну ихъ—квасни! Залыцятысь на-дарма!

Ясь. Якъ на-дáрма? Такъ и скрутять!

Стась. А, брунь Боже! Втиха—для смиха, а воля—роздоля! Ходимъ липше, выхылымъ келыхъ мальвазіи, та спробуемъ фортуну на кости...

Ясь. И овшемъ! [*проходять за рундукъ*].

Б) Юля [*грала весь часъ, бильше брынькала на лютни*].
Эгъ, нудно такъ! [*озыраеться*].

Юзя. Чого намъ тутъ чекаты?

Грохол. Часъ и пора, моя кохана, дбать
Тоби уже про станъ малжонскій...

Ядвига [*на впивъ-жартлыво*]. Бусю!
Ты-жъ напередъ юнацьтво все кляла?

Грохол. Бо вси теперъ юнакы марнодумы:
[*строго*] Костёлъ святый нехтують за ковшемъ,
Розгублюють зъ сорóмныцями мужнисть,
Дають на глумъ ойчызну кревн-псій
И нивечать всю старопольску славу!

Ядвига. На Бога, ой! Якый таланъ мени
Бажа пры цимъ моя кохана буся?

Юля. За гостро то!

Грохол. [*глянула зіорда на неи*]. Цей уродзоный князь
Въ неволи бувъ у тыхъ ворожыхъ хлопивъ,
У козакивъ—схызмативъ... [*Юли*]. Не бренчы,
Добродійко, колы я мовлю... Врешти
Теперъ его тра залучыть въ симью
Побожную и збыть зъ его болото,
Въ яке убравсь у простыхъ поселянъ...

Ядвига. Не звыкла я до бруду и касатысь!

Юля. Що-жъ? Рукы-но помыешъ, та й уже!

Грохол. Ой, цихо тамъ! Здается князь и пробощъ?

(*Одійшла и пишла направо*).

Юля. Бабуня зла?

Ядвига. Бурчыть, а не куса...
Люблю ін посердыть... Грай що жваве!

(*Юля гра на лютни*).

А. Груш. А що-жъ нашого князя нема?

Сапига [*тыхо ёму*]. Шановный панъ мусыть радиты, що небижъ мій не сыдыть мижъ намы, а упада кола панны Ядвигы.

А) Груш. Ой, ясный грабье... воля Божа!

Яск. Я, панове, вамъ розскажу одну байку, але цихутко.

Опацьк. Го—го! Цикаво!

[Всі *насунулысь слухаты*].

Ява 3.

Б. *Ти-жъ и Грохольска.*

Грохол. Пройшлы туды... Ты май обачнисть, серце,—
Повернутся—зустринь и прывитай!

Ядвига. Нехай мене витають, а не я ихъ...
Цикавый шлюбъ зъ якымсь хлопыськомъ?..

Грохол. Цыть!
И не дратуй! Содома и Гомора!
Мале паня—и сміе мирковать
Про власный шлюбъ? це старшыхъ, панно, справа...
О, гыне все! Ламается законъ,
Якый трымавъ въ шанобі и святыни
Дитей, симью, шляхецтво й славну Речъ!

Юля. Що тамъ симья? Сваволя и неволя,
Піяцтво, гвалтъ, прыныження...

Грохол. Мовчы!
Згасылы вы у персахъ пломинь виры—

Пидвалыны шляхетськои симьи—
И безъ стерна майнулы въ море човномъ.—
Ну, такъ ёго й розибье хвыля вщепъ...
Не усмихайсь—я мовлю панни дило!
Розчахнется велычня Польска вкрай—
Пиднижесько престолу папъ найсвьентшыхъ,
Колы кобитъ охопыть вильный духъ:
Це ихъ повынъ натхнуты дитямъ виру
Патріотызмъ, ненàвысть до схызматъ!

Ядвига. Ну, а мени якъ разъ далы схызмата?!

Юля. Такъ ты обмый...

Грохол. [*глянула грізно до Юли*]. Винъ певный кателы́къ...
Въ чужыхъ краяхъ два рокы бувъ въ науци..!

Юля. Що жъ раджу й я: винъ багатырь и князь,
Юнакъ палкый, коханець невгасымый.

Грохол. Розумна ричъ... Ну, бавтесь—я пиду... [*пишла наливо вглыбъ*].

А) Опацькый [*спильный реготъ*]. Ой, не выдержу, лусну... якъ Бога кохамъ! Бодай тебе, мій пане! [*Регоче, за жывитъ хапается*].

Груш. [*потыра рукы*]. Хе, хе, хе!! Трошкы зъ набяломъ, але слично! [*Сміется*].

Шляхта. Го, го, го!! [*ажъ качаются*]. Досконале! Браво!.

Сапига. Скоромынка!

Яск. Перепрошую ёго ясныть...

Сапига. Богъ пробачыть, а чортъ подячыть...

Груш. Цуръ тоби, пане, ажъ плачу!

(*Яскульськый метушытся; выбига, правыть вына, пидлыва и т. и.*).

Б) Юля. Огъ реготъ! Ой, якъ весело тамъ знаты!
Ходимъ лышень шукать юнакивъ.

Ядвига. Не хочется...

Юля. Тамъ на ставку помарымъ...
Ачъ садъ якый, яка пышнота скрызь!
Ядвиго, зважъ! багацтва незлычыми...

Ядвига. Що въ ныхъ самыхъ?

Юля. Але й корона?

Ядвига. Що жъ,

Лышъ серцеви корюся я...

Юля. Ой, любко,

Хиба воно ще зъ княжымъ не злылось?

Ядвига. Лыбонь, що ни...

Юля. Такъ кынь ёму прынаду,

Та и на гакъ! На бабцю не вважай:
Малжонство намъ дае шыроку волю—
Натишытысь, насмаковать жыттямъ
И серцеви знайты свій рай... На неи—
Такъ вся симья йе кля̒шторъ, а вже мы
Пошытысь вси повынни у черныци?
Этъ, марна ричъ! Не двичи въ свити жыть,
И дурень той, хто часъ марнуе: панство
Генъ пье, гуля и рве жыття, а мы
Тежъ будемо! [*Гра шпарко краковьяка*].

Ядвига. Але чекай, ще може

Про мене князь и въ думку не кладе?

Юля. Менщызны— этъ,—уси дурни, мовъ мухы:
Абы тилько сякый-такый имъ медъ,
Хочъ зда̀леку, то вже и подурилы,
Якъ мотели коло квитокъ кружать.

Ядвига. А колы медъ не вабыть мухы часомъ?

Юля. Хиба перга, а то имъ все—за медъ!
То й раю я: вдавай святу та божу,
Тилькы таку, що въ любощахъ слаба̀
Передъ орломъ-коханцемъ; воны люблять,
Щобъ ихъ вважагь за вѐлетнивъ-орливъ...
А якъ жага̀ спьяныть цилкомъ имъ розумъ,
Тоди орла и боркай, и сидлай!

[*Забачывшы панянокъ*] Ходимъ туды—генъ юнакы й паненкы?

Ядвига. Не хочется...

Юля. Ну, марь на самоти! [*Пишла*].

Ядвига [*схыля голову на рукы и журно замыслюется*].

Ява 4.

Ти-жъ и дви панны (выходять видъ ставка).

Панна 1. Яки у насъ нудни звычáи, Боже:
Стари оиъ пьють, а молодь въ кости гра.
Панна 2. До правды! Ой, нудота! Знай, по стежкахъ
Лышъ шпацируй.
Панна 1. Та хочъ бы зъ кымъ!
Панна 2. То князь
Якыйсь ведмидь... Хочъ бы музыка й танци?
[*Пидходыть*].
Юля. Ще ждуть когось... Що, нудно?
Панны 1, 2. Все жъ сами...
Юля. А молодь де?
Панна 1. А пье и въ кости грае...
Юля. Ходимъ мерщій и бунтъ учынымъ тамъ:
Зъ юнацтвомъ тра поводытысь зухвало!
[*Пишлы хутко*].

А) Яск. А що жъ то буде, панове, колы мы повернемось у свою Палестыну—Украйну, Подоль,—де дукаты въ земли, де рички течуть медомъ, де ковбасы литають, де красунькы гуляють, де на кожнимъ кроку утиха...

Опацьк. Э, теперъ безпешно: татары зъ намы, Потоцькый и Чарнецькый розбылы до-щенту війско хлопське: вся Подоль и Украина у насъ пидъ ногамы.

Груш. О, благодать! Земля намъ поверне вси збыткы!

Яск. А все то я, панове!

Груш. и Оп. Якъ такъ? Невже?

Сапига. Ой, пане, не брешы!

Яск. И то вдячнисть? Не вважайте, панове, що на взиръ я не велыка горошына, а сикнысь хто, то и зубы полама!

Опацьк. Ого—го!

Яск. Пидъ Зборовымъ... Король злякався, а мени байдужé!—Пусты, кажу, мене найяснишый, такъ я всю справу переверну до горы черева: маву пущу, татарву забавшычу—и зйисть

той Богданъ дулю! Ну, що-жъ, панове, не сталося! А пидъ Берестечкомъ? Всихъ мавъ роздавыть отой песъ и проглынуть Польску, а я—хана купывъ, Ярему пидбадёрывъ, та въ Чыгырынъ! Богданову жинку до боку, а сынови-дурню... про зраду: а той мерщій мачуху—смыкъ на очкуръ!-Батько сказывся и въ військомъ провалывся!

Вси. Ха, ха, ха! Отъ зухъ! Невже такы й бабу?

Яск. А що мени кобита? Гляну—и квита!.. А Антось? Хто вырвавъ ёго у быдла? Владя! На всихъ святыхъ,—Владя! У дивкы, у простои выдравъ! Пидъ тры замкы ховала... Проте—мене вздрила й зомлила... Але й краса! А перса? (*щось шепоче*). (*Регитъ*).

Опацьк. Ой, на Бога!

Шляхта. У, шельмовство! Виватъ, виватъ!! (*пьютъ*).

(*Яскульскій, розглядаючы, побигъ по садку, а дали до ставу*.

Б.) Ядвига (*вставала, вызырала когось, и знову сидала въ роспачи*).

Ой, прыкро якъ, ажъ серце рве грызота!
Не мыслыть князь про мене, не займа
Моя краса: байдужый винъ до неи!
Невже снагы и чаръ у мене бракъ?
Невже мои невартъ ничого вȁбы?
И якъ на злисть, ще до вподобы винъ,
Озброеный всима жаламы знады:
И крȁсень самъ, и можновладный князь,
И багатырь баечный; але каминь—
Не займется!... Чы закохався бъ-то
У хлопську тварь?! О, тысячу перунивъ!
(*схоплюется*). Невже мене те быдло подола
И на вази у князя переважыть?
Прокляття зле! Не попущу во викъ!
О, чарамы вси сылы я напружу,
Щобъ хлопку ту звалыты пидъ пьяту!

(*Пишла въ гай*). Сапига (*Груш—у*). Ходимъ, проходымось... промнемось.

Груш. Правда, ажъ крыжи болять... и Язю-бъ побачыть.

Санига. А мени пробоща треба... (*сходять по сходахъ въ садокъ*).

Ява 5.

Яскульскій, дивчына, а потимъ Антось и Пробощъ.

(*На рундуци 2 шляхт. напоюють Опацького; колы винъ заснувъ— воны розійшлысь*).

Яск. [*вертается видъ ставка, назустричъ ёму йде до ставка дивчына по воду*]. Хе, пташка! [*обнима*]. О, моя яскулечко! Ципонько!!

Дивчына [*служка*]. Гетьте, паничу, не чипайте!

Яск. Хочешъ дуката?

Дивчына. Эй, на бикъ! [*штовха*]. Здійму гвалтъ!

Яск. А спробуй шельмо!

Дивчына. Не злякаешъ, пане! Нашъ князь не попустыть на знущання простоты! [*Пишла гордо*].

Яск. Ну, цёго хлопського князя часъ и прыборкаты [*заходыть въ садокъ*].

Проб. [*выходыть зъ Антосемъ збоку*].

Юнацькый твій я поважаю запалъ
И самъ циню высоки ти думкы,
Але до ихъ веде шляхъ ыншій, сыну—
Едыный шляхъ правдывый на земли!
Нашъ розумъ, бачъ, души корытысь мусыть,
Бо наши вси тилесни почуття
Лышъ слугы ій; а дай роспусту слугамъ,
То й промижъ ныхъ лышъ выбухне злоба
Й владычыцю воны загублять... Amen!

Ант. Але жъ хиба не розумъ и знаття
Дають добро и щастя людямъ?

Проб. Серце,—
А розумъ той слугуе й лютымъ псамъ...
И вири винъ непогодымый ворогъ:
Черезъ ёго сваволю вырыпа

Пыха, корысть, зневирья, заздристь, помста,
И ныщытся покора та любовъ...
Покы була неподилыма церква—
То доты й бувъ въ Хрыстовимъ стади рай,—
И зныщылы ёго пыха та розумъ:
Змагаться ставъ за владу Фотій першъ,
За нымъ пишлы—Кальвиній, Цвинглій, Лютеръ—
И полылась людська братерська кровъ!

Ант. Поводари дошукувалысь правды...

Проб. Але знайшлы—но крывду нависну:
На неби есть едынъ Хрыстосъ, сынъ Панськый—
И на земли тежъ мусыть буть едынъ—
Пленипотентъ Ёго святои влады!

Ант. Дезидератъ: чымъ дали—свары бильшъ...

Проб. О, сыне, вирь, що буде templum unum!
Не намъ, не намъ, забрудженымъ въ грихахъ,
Побачыты земли те раювання,—
Non possumus, але настане часъ,—
Схызматы вси зиллются серцемъ зъ намы...
Якый тоди величній буде храмъ,
Де прыпадуть уси земни народы
До стопъ святыхъ найсвентшого зъ владыкъ,
Безгришного въ суди и правди Папы:
Хто захыстыть окрывдженныхъ? Лышъ винъ.
Хто всихъ зривня и ласкою надилыть?
Едыный лышъ отець нашъ на земли,
Заступныкъ нашъ передъ Отцемъ Небеснымъ...
Яка краса, якый величній ладъ—
И лагоды, и правды панування!
Для того-то правдывый кателыкъ
Повыненъ все забуты за-для виры,
Молытыся и дбаты лышъ про те,
Щобъ цилый свитъ прызнавъ святого Папу.

Ант. Охъ, та невже жъ Ёго велебна Мосць
Цю унію криваву апробуе?

Проб. К иваву—non, а доброхитну—sic:
Вона веде до свитлого злучення!
Хиба костёлъ цей гвалтъ благословля?
Хиба ёму прыемни людськи слёзы?
То чыныть все сваволя та корысть,
Якымы-но обурено шляхетство...
Зруйновани ойчызна и костёлъ
Зовуть своихъ сынивъ незрадныхъ, ридныхъ,
Абы змоглы зъ лыцàрствомъ запалыть
У щырои правдоты й виры свиточъ.

Ант. О, колы бъ всимъ таки святи думкы́—
Наставъ бы мыръ, настало бъ раювання;
Але мое тутъ серце знемога,
Его пройма нудьгою зле зневирья—
Бо тутъ кругомъ не люде...

Проб. Въ кожнимъ йе
Хочъ крапелька небесного надання:
Лышь розшукай та допыльнуй; тебе
Зража пыха... ты сумырысь душею...
Повыненъ ты продовжыть славный ридъ
И прысвятыть его ойчызни й виры.

Антось. Охъ, отче мій...

Пробощъ. То щастя й вчынъ святый!

(*Проходять*: *пробощъ—до магнитеріи, Антось—вглыбъ*).

Ява 6.

Юля, Стась (*выходять збоку*).

Юля. То панови видпомщення за тее,
Що зацуравъ...

Стась. Упавъ до панськыхъ нигъ!
Але зоря моя була у хмарахъ...

Юля. До мисяца вона-бъ вырнула зъ хмаръ

Сталь. Такъ гынь усе!

Юля. А панъ програвъ багато?

Сталь. Эть, тамъ—програвъ, за тежъ тутъ—выгравъ скарбъ!

(*Пишлы до альтанкы, мылуются*).
Юля перебира струны на лютни.)

Ява 7.

Панна 1, 2 и Яскульскій, та тижъ.

Панна 1. Пождить и насъ! (*выбига*).
Панна 2. [*за нею вслидъ*] Не чуе и не бачыть!
Яск. [*на зустричъ имъ*]. Ой, що за гвалтъ! Я мыслывъ—сонце тутъ
Зійшло въ ночи, ажъ то панны яскрави!
Панна 1. То комплименть!
Панна 2. И навить дуже злый!
Яск. Перунъ забый, колы надъужываю!
Панна. 1 [*на бикъ*]. Пресличный панъ!
Яск. А панна Юзя де?
Панна 2. Тамъ марыть десь... Поклычъ-но, Франю, серце!
Панна 1. Вона й сама надійде.
Панна 2. Побижы!
Яск. Пшепрашамъ, я лечу туды...
Панна 2. [*бере его пидъ руку*]. И я зъ паномъ.
Панна 1. И я зъ нымъ тежъ!
Яск. [*пидставля другу руку*]. Рука ось до послугъ!
Панна 2 [*на бикъ до 1 п.*]. Стыда нема!
Панна 1 [*на бикъ до 2 п.*]. Якась моральна каличъ!
Яск. [*глянувшы прыкро на обохъ, пидходыть до альтанкы*].
Ахъ, пани тутъ? Музыка, щастя, рай!
Прыставъ бы вразъ до виры Магомета!
Юля. Панъ мае смакъ, але про себе дба,
А мы ёму лышъ маемъ слуговаты?
Э, ни! Другу я виру засную:
Въ моимъ раю мы будемо царыци,
А юнакивъ—на кожну до послугъ!
Стась. Мене, мене не выкынь, пани, зъ гурту!

Яск. Я до послугъ!
Панны 1, 2. А мы-жъ якъ? Знов сами?!
Юля. Ха, ха, ха, ха! Не бійтесь!
Яск. [*на одно колино пада*]. Чаръ музычнихъ!
Юля. Ходимъ въ палацъ,—тамъ арфа...
Яск. [*въ роспачи*]. Згынувъ я!!

Ява 8.

Ти-жъ и Ясь, та Антось.

Панна 1. А, ось и винъ! Поскаржытысь я мушу,
Що Ясь и Стась провадылы страшне:
Немовъ рабивъ не мусыть буты въ панстви!
Юля. Ой, Езусъ панъ, ой, матко свьента!
Яск. Гвалтъ!
И хто-жъ-то имъ,—господарь?
Панна 2. Князь Порецькый.
Стась. Що-жъ, Рымъ узять чы Спарту...
Ясь. Рымъ и впавъ
Черезъ рабивъ.
Яск. Безглуздя!
Ант. Пане, правда!
Яск. Та безъ рабивъ и панствъ нема!
Ант. Колысь
Появытся на неби пышне сонце
И проминемъ розвіе темный чадъ,—
Прозрять тоди невольныкы слипущи
И закують у пута хыжакивъ!
Яск. Яки думкы! Ого!
Ант. Шляхетни, пане:
Лышъ ривни всимъ—и воля и права
Й повынности—кують у панстви сылу.
Пани уси. Це гвалтъ якійсь!
Яск. И учни тыхъ думокъ?
Панна 1. И вы насъ всихъ ривняете до быдла?

Панна 2. И кажете, щобъ шыты намъ и прать?
Юля. Щобъ въ почуттяхъ шукалы мы простôты?
Ясь и Стась. Ни, мы такыхъ загострыхъ вже думôкъ
Не вызнаемъ...
Яск. Зрекаетесь?
Ясь и Стась. Бо, що-жъ пакъ...
Ант. Эхъ, я давно въ васъ виру загубывъ.
Вы лыцари за власни прывилеи,
Рабивъ то жаль...
Яск. Пры думци сій лышь князь!
Ант. Тымъ гиршъ для васъ; але, якъ шляхтычъ вильный,
Я на думкы тежъ маю прывилей!
(*Подавсь на передкинъ. Сивъ у альтанци*).
Яск. Ну, прôшу всихъ до втихы, до музыкы!
(*пишлы въ галасомъ*).

Ява 8.

Грохольска, Сапига и Пробощъ. (выходять зъ боку).

Грох. Такъ граба запевня, що эдукація чужоземня не навіяла небожу ёго марныхъ думокъ?

Сапига. Ничого такого не помичавъ, пани кохана.

Грох. А чы твердый у кателыцькій вири? То найпередъ, найголовниша ричъ!

Проб. О, въ тимъ имосць най буде певна: винъ непохыбный и щырый катôлыкъ... Я доклавъ вси сылы...

Грох. Тоди я даю згоду.

Сапига. Се буде велыке, патріотычне дило, а любій Юзи и щастя й почоть: вдача у нашого князя мъяка, зъ неи прывабна красуня зробыть, що схоче, а колы й зосталась у ёго яка крапля хлопськыхъ думокъ чы звычáивъ, то розумна кобита ихъ зныщыть...

Грох. За Юзю я певна. Ось рука моя! [*простяга*].

Сапига [*тежъ*]. На добру згоду й на щастя!

Пробощъ [*благословля*]. Nomine Dei, Amen!! [*идуть вси до рундука*].

Ява 9.

Ти-жъ и драбантъ.

Драб. Ясновельможный Региментарь надъизжа!

Сапига и Проб. Ходимъ... Поклычъ усихъ!.

Грох. Треба пышно зустриты! [*натыкается на пьяного Опацького*] Ой, на Бога! Розбудить ёго! Несвицькый соромъ и бешкетъ! [*пишла*].

Сапига. Пане! Пане!

Шляхт. 1 и 2 [*реготутся*]. Пыльнуй!!

Опацьк. [*схопл.*]. Ой, го-го-го-го!!

Пробощъ. Панове, жартамъ не часъ! Поможить пану! [*Выходять*].

Ява 10.

Антось (самъ).

Ант. [*седивъ зажуреный, раптомъ встае*].

Куды втекты? Податысь де видъ тугы?
За мною скризь слидкомъ, якъ тинь вона:
У серци нижъ, а навкругы—все звири,
Розъятрени, злобытели слипи!
Имъ цинна лышъ своя шляхетська шкура,
А решта—гынь! „Речъ Посполита—мы!
Вона—для насъ!“ крычать несамовыто...
И молоди надежнои нема:
И пробощъ мій байки-но пророкуе!
А я гадавъ, що думку засную,
Що чесный стягъ здійму у-гору зъ ными...
Гай-гай! И тутъ здается лышъ—мана́...
Хто зворухне ихъ зашкарублу душу?
Хочъ бы зійшовъ зъ небесъ святый пророкъ
И кынувъ имъ палке, огнысте слово—
Не проняло-бъ, не зрушыло... Що-жъ я?
И отъ стою надъ урвыськомъ глыбокымъ,—
Надія схне и навить мрій нема!

Одна лышылася, одна,
Якою й марыты не мушу,
Яка осяяла до дна
Мою отруеную душу...
Моя ты зирочко ясна́,
Моя ты квитко запашна́,—
Едына ты мени царыця!
Охъ, у души моій смутній
Не згасне голосъ твій срибны́й
Не згасне у́смихъ чаривный
И лагидны́хъ очей зирныця!
  Зорій-же зда́леку й свиты
  Въ моій пустыни-гробовыщи,
  Щобъ я справдывъ жадання выщи,
  Якимъ що-дня молылась ты!
Зъ тобою насъ и розлучыла
Необорыма, гризна сыла—
Непохыбны́й, святый повы́нъ:
Его зламать зъ насъ ни одынъ
Не мавъ ни сылы, а ни звагы,—
И отъ кайданы и ярмо
Видъ злои доли несемо
И безъ надій, и безъ розвагы..
И згасъ очей моихъ крышталь!...
  О, де-жъ ты, згубленый мій раю,
  Чы чуешъ пакъ, що я конаю,
  Що серце рве журьба—печаль,
    Що тутъ безъ тебе гыну й гыну...
    Ой, зазырны жъ въ мою руину
    Хочъ лехкымъ маревомъ хысткы́мъ,
    Хочъ сномъ прозорымъ, чаривны́мъ—
    Прылынь, прылынь хочъ на хвылыну
    До серця змученого вкрай
    И не промовъ ёму „прощай"! [*Замыслыося*].

Ява 11.

Антось и Ядвига.

Ядвига. Ахъ, ось-де князь! [*Надходыть збоку*].
Ант. [*кынувся*]. Пшепрашамъ!
Ядвига. Князь щось марывъ?
Ант. Ни, я шукавъ...
Ядвига [*радисно, жваво*]. Мене? Ахъ, щасна я!
Князь такъ скупый на ласку...
Ант. Панно люба,
Не звыченъ я до панськыхъ лебезинь:
Языкъ мій зна лышъ правдыве слово,
А серце зна лышъ щыре почуття;
Не вмію я мастыты слово медомъ
И нéпріязнь ухмилкою скрашать,—
Що на души—не крыю...
Ядвига. Досконале!
Що липшого й на свити може буть?
Я заздрю лышъ такій правдоти, княже,
Я ій молюсь...
Ант. А я й не сподивавсь,
Щобъ въ панночкы таку зустриты душу...
Я самъ тутъ, самъ... мій „лёсъ" якыйсь смутный...
Ядвига. Смутный? Яке жъ у князя мого горе?
Ант. Старе, старе...
Ядвига. То вже й забуты часъ,
Та у жытти знайты новитнье щастя...
Отъ, у цю мыть, яка щаслыва я!
Ант. Чого жъ въ цю мыть, моя крулево пышна?
Ядвига. Того... Хиба не чуе серцемъ князь?
Бо щастя—мыть... Отъ, налетило нóтай,
То й роскошуй цымъ часомъ дорогымъ,
Бо згыне вразъ, и зновъ огорне туга.
Ант. Якъ? Въ мыть одну замкнуты все жыття?
О, се було бъ миверно й необачно:
Ёго вырóкъ суворый и тяжкый—

За мало—втихъ, задуже—обовъязкивъ...
А щастя? Охъ, мого—то й не шукай:
Нове жыття ще бильше безнадійне,
Якъ мертвызнà на гробовыщи...

Ядвига. Ай,
Яки думкы! Мій другъ чогось сумуе?
Якась иржа на серци завелась?
Князь... прызнавайсь!

Ант. Не раю панни любій
И заглядать у пустку.

Ядвига. Якъ? Нихто
Й не зазыравъ у потайный той зáкуть?
(*бере за руку*) Прысядьмо тутъ въ альтанци (*сидають*).
Ничъ яка!—
И лáгидна, й ласкава, и журлыва!
А тыхо якъ, мовъ прытаилось все,
Лышъ тёхкае кохано соловейко—
И въ серци зновъ тремтыть чудовый спивъ...
Невже це все нагоныть князю смутокъ,
А не зрыва до иншыхъ почувáнь?
Мій другъ кохавъ? (*Антось зитха. Пауза*).
Мовчыть, не прызнается?
О, колы такъ, то вывидаю вмыть.
(*Прытуля руку до серця*) Эге-ге-ге!

Ант. Це серце знай болыть...

Ядвига. Такъ тра ёго загоить... (*кокетуючы*).

Ант. Лышъ могыла!

Ядвига. Чого-жъ то такъ? Невже не бачыть князь,
Що я ёму и серцемъ, и душею—
Якъ другови найщыршый другъ... Невже
Не бачыть князь, що вси ёго жадання,
Вси зáмиры, вси мріи и гадкы,
Нехай воны булы-бъ и надзвычайни,
Бодай смишнú...—для мене все-жъ воны
Святи, бо князь...

Ант. Такъ панна спочувае
Моимъ думкамъ? О, якъ бы радый бувъ
Знайты хочъ въ тимъ соби розвагу....

Ядвига. Друже,
И день-бы й ничъ найсвентшій Панни я
Молылася, щобъ князь пизнавъ це серце
Самôтнее, якъ сырота въ гурти...
Бо тутъ нихто ёго не розуміе...

Ант. О, вельмы радъ! Я сыротамъ всимъ—братъ!
[*Тысне руку їй*] [*чуты арфу*].

Ядвига [*по паузи*]. Ахъ, чуе князь, яки солодки згукы!

Ант. То арфа?

Ядвига. Такъ, кохання въ їй спива...

Ант. [*слуха*]. А не зруша: мелодія чужынна—
Не промовля до серця, якъ своя.

Ядвыга. Охъ, якъ своя! [*Схыляется*] Колы до серця серце
Застукотыть, то выразнище сливъ...

Ант. Туманъ налигъ... и сôлодко, и журно,
И мовъ струна надирвана дзвеныть...
Нагадуе кохану писню...

Ядвига [*прыпала*]. Княже,
Яка то мыть... О, щастя! [*занимилы*].

Ява 12.

Ти-жъ и дивчына служка.

Дивчына (иде зъ видромъ черезъ кинъ на другый бикъ, и пройшовшы, почына тыхо писню, яку спивала Марьяна у II д.; дали вона голоснище и смилище спива).

Ант. [*дочувшысь, кынувся*]. Хтось спива?

Ядвига [*удержуе*]. То гепъ въ садку... якась челядка панська.

Ант. [*пидводытся*]. Але цей спивъ... [*слуха*] винъ душу порыва!

(Схоплюется, одхыля лаекы Ядвиги, и стоить муромъ, слуха).

Цю писню тежъ спивала... Боже, Боже!
Пожежою занявся мозокъ мій,
Скыпила кровъ, разъятрылася рана,
Тьма тьмуща жалъ впъялась у серце се
Роздавлене, побыте...

Ядвига [*схопылась, якъ опечена*]. А! такъ онъ що!
У хлопку князь закоханый? Ха, ха!
Не стану я перешкожать быдлыську!

Ант. Я бымъ просывъ не зневажать...

Ядвига. Ха, ха!
Публика, глумъ! Прошу я князя-хлопа
Забуты все!

Ант. Радъ панни въ тимъ служыть!

Ядвига [*видходячы*]. У! Якъ я нымъ гыдую, Матко Боска!

(*Чуты сурмы. Маршъ. Музыка голоснища. Збираются цикави*).

Ява 13.

Ти-жъ и Чарнецькый; за нымъ магнаты й паны. (Панны до ганку посунулысь. Яскульскій—на ганокъ. Цикава челядь тежъ показуется полохлыво навдали).

Чарнец. Виньшую васъ: вже ворога нема,—
Прыборкано до щенту крыла хлопамъ!
Пидъ Камьянцемъ Томиленко полигъ,—
Вчынылося имъ друге Берестечко...
Хочъ былыся й скажено тіи псы,
Але ихъ всихъ мы вылущылы гойно...
Хиба якый утикъ, щобъ розсказать
Богданови про цю нову неславу:
Шельмовськый хлопъ подався до Москвы,
Щобъ розчахнуть на двое нашу Польшу,
Але ёму покажемо, хто мы
И плазувать заставымо псивъ—хлопивъ!

Вси. Виватъ, виватъ! Нехъ жые регментарь!
Яснійшому звытяжцеви викъ слава!

Яск. [*до слугъ*]. Венгржыну гей! Медивъ! [*кынулысь, налываютъ*].

[*Чарнецькому*] Упавъ до нигъ

Орлу зъ орливъ, звытяжцю надъ звытяжци!

Вси. Виватъ, виватъ! [*пьютъ*].

Ксёнзъ. [*до Яск.*]. Де жъ, пане, князь Антось?

Не выйшовъ винъ на вустричъ...

Яск. Посварывся

Зъ Ядвигою.

Ксёнзъ. Чого?

Яск. Бо нависный!

Сапига. Знайды ёго!

Яск. [*оглянувся*]. На ганку вже.

Вси [*за галасомъ не чутно, що Чарнецьк. гов.*] Виватъ!!

(*Сапига знаемыть зъ Чарнецьк. Антося. Ядвигу потишають панны*).

Юльця. Та цуръ ёму! забудь и залышы!

Ходимъ туды: прыйихавъ воевода,

Чы хтось старшый.

Панны 1 и 2. Ахъ, якъ цикаво!

Ядвига. Йдить,

Идить сами, а я лышуся тута!

Ява 14.

[*Антосю*] Ксёнзъ. Прошу тебе найсвентшымъ меннямъ Папы,

Не забрудны шляхетськый гоноръ.

Ант. Чымъ?

Ксёнзъ. Зобыдывъ князь Ядвигу. [*Иде зъ ганку въ садокъ*].

Ант. [*зъ нымъ пидъ руку*]. Я? Ядвигу?

А ни въ думкахъ! Та то жъ вона сама

Облаяла мене негиднымъ хлопомъ

И лышъ за те, що маю я думкы...

Ксёнзъ. Думкы ховай обачнише...

Ант. Ни, ксёнже,

Для чого жъ свитъ ховаты видъ людей?

Ксёнзъ. Щобъ часомъ винъ не затлумывсь...

Ант. Я певен:
Мои думкы ойчызни на корысть,
И нымы я не поступлюсь ни панни,
Ни лыцарській, задуреній пыси!
Ксёнзъ. Хто зъ намы—нашъ, а хто не зъ намы—ворогъ!
Ант. А, й тутъ одынъ Свырыдышынъ законъ!
Ксёнзъ. Horribile! Але Ядвига плаче...
Ходимъ мерщій, пробачься за вину:
Гостынность есть найпершый обовъязокъ,
А у вельможъ найсвентшый доброчынъ.
Ант. Я вельмы радъ поквитовать свій грихъ,
Колы винъ бувъ...
Ксензъ. Панъ-Езусъ! На ойчызну,
На гоноръ твій, на виру пресвяту,
Тебе молю: о, сумырысь, мій сыну,
Споглянь на ту, що такъ тебе коха:
Цей звязокъ дасть и мицъ тоби и сылу.
Ант. Не торгувавъ я серцемъ...
Кзёнзъ. Зновъ пыха?
Ант. Та згоденъ я потишыты Ядвигу—
Ксёнзъ [*Ядвизи*]. Ось лыходій! Прывивъ на карный судъ;
Але прошу, зъявы до ёго мылость...
Ядвига. Такъ болячé, що ясный князь до тыхъ...
Пшепрашамъ, я не хтила гостро...
Ант. Панно,
А я не мавъ и въ думци... Запалывсь
И може що не до ладу... Пробачъ-но!
Ядвига. Я князю ницъ... Це серце тилькы...
Ксёнзъ [*тыхо*]. Винъ
Збожеволивъ одъ панны: слово дàе!
Ну, звычаивъ шляхетськыхъ ще не зна,
Бо зрисъ, на жаль, мижъ дыкыхъ, грубыхъ хлопивъ...
Та то дармà: така красуня вразъ
Здмухне зъ ёго увесь той хлопськый порохъ.

Ядвига [*дае руку*]. Я князеви прощаю залюбкы,
Най и мени князь выбачыть.

Ант. [*цилуе руку*]. О, радо!

Ксёнзъ. Благословы, Панъ-Езусъ ихъ! Аминь! [*До Ядвигы пидходыть Грохольска*].

Ява 15.

[*Яскульск. пидбигавъ до пань, на рундукъ; дали его вызвавъ лёкай*]

Яск. [*Вбига*] Кобзарь зъявывсь... піймала челядь!

Ант. [*збентеженый*]. Знову?
Я наказавъ...

Яск. [*глумлыво*]. Що-жъ станется ёму?
Потишыть лышъ пресличныхъ пань, паненокъ...

Ант. Потишыть? А!! [*хапается за голову*].

Ксёнзъ [*тыхо*]. Не бешкетуй, молю:
Региментарь, сенаторъ и магнаты
У князя тутъ,—а ты пиднимешъ гвалтъ
Образлывый и Речи-Посполытій,
И гонору шляхетства, и гостямъ,—
Це може мать непогодыми скуткы...
Изъ-за дурныць...

Ант. Точить останню кровъ!

Ява 16.

Ти-жъ и Кобзарь (слипого прыводять).

Яск. Ну, похвалысь, спиваешъ що?—Глухый?
[*Кобзарь мовчыть*]. То клейтухомъ прочыстить можна вуха...
Спиваешъ що?

Кобзарь. А те, що Богъ пошле,
Що завелось и выкохалось въ серци.

Яск. Ге, спрытный зухъ! А ну лышъ, заспивай!

Кобзарь. Не для панивъ писни мои—для люду.

Яск. Цикаво й намъ.

Кобзарь. Щобъ назнущатысь?

Яск. Гей
Поговоры! поговоры!

Юльця. Мій пане,
Заставъ ёго!

Панни. Потишымось зъ смиху!

Де-хто [*зъ ганку*]. А ну, яки у ёго думы?

Яск. Хлопе,
Чы довго ждать? Спивай, колы кажу!

Опацьк. А за письни видплатымо мы гойно.

Кобзарь [*тыхо*]. Чы заспивать дурныцю имъ? Ой, ни!

Грох. Упартый несъ!

Яск. Спивай, не то на палю!

Кобзарь. Звычайно такъ! Ну, колы панськый зволъ,
То слухайте жъ мою найкращу думу:
Ось правда вамъ! [*тыхо*] О, Господы, прыймы
За братію катамъ виддану душу!

Діячи росположени такъ: посередыни глыбше Кобзарь; злива видъ зрытеливъ на передкони—Антось и ксензъ, за ными Ядвига и Грохольска; направо на ганку—вси магнаты; блыжче до Кобзаря злива Яскульск., Казим., Юльця, и де-яки пани; направо—Ясь, Стась Броня и панны; за кобзаремъ—всяка челядь.

Кобзарь. Якъ изъ день годыны
Счыналыся велыки здырства на Вкраини:
Що превражи Ляхы козакивъ за быдло малы,
На права ихъ наступалы,
Велыкы утыскы имъ вчынялы,
Край веселый у пень плюндровалы,
Народъ хрещеный у ярмо запрягалы,
Церквы Божи жыдамъ въ оранду виддавалы...

Впродовжъ (*цієи писни*). Панны. Ай, що спива!

Ксёнзъ. O, coelum.

Ант. Старець Божый!

[*на ганку*]. Вси. Зухвальство то!

Чарнец. Дослухаемъ до дна!

(*Ксензъ всю цю сцену зупыня Антося*)

Кобзарь. Тогди-то гетьманъ Хмельныцькый
До козакивъ лысты розсылае,

Зтыха сдовами промовляе:
„Гей, козакы, диты, друзи-молодци!
Прошу я васъ, добра дбайте,
Ляхивъ, преважыхъ сынивъ, у пень рубайте,
Кровъ ихъ лядську зъ жовтымъ пискомъ мишайте,
Виры своеи христыянськои у наругу не давайте...

Впродовжъ писни: Молодь. Га! Ризать всихъ?
Яск. [*показуе на князя*]. Новый псаломъ!
Грох. Мій Боже!
Не дамъ іи! [*захыля й одтяга Яю*].
[*на ганку*] Вси. Винъ про ножи спива?!
Чарнец. Дослухаемъ, подякуемъ за писню!
Яск. На палю пса!
Чарнец. На дыбу!
[*на ганку*] Вси. Катуваты!
Яск. Берить ёго!
[*Антось рвется*] Ксёнзъ [*удержуючы*]. На Бога!
Ант. [*вырвався, одипхнувъ слугъ*]. Не позволю!
Винъ у моимъ палацу... Я тутъ панъ,
И правъ моихъ нихто ламать не сміе! [*Яскульск.*]
Колы панъ „хце"—ось рукавыця! [*кыда*].
Ксёнзъ [*до Антося*]. Стій!
Проты чого, безумче, напастуешъ?
То ворогъ нашъ, бунтарь и злый схизматъ!
Сапига. Заступныцтво проты такыхъ,—повстання
На нашу Речъ, на нашъ шлехетськый станъ!
Други. То зрада есть!
Ант. [*выступа*]. Не зрада, а порада!
Що винъ вчынывъ? Прымусылы жъ спивать,
А винъ спива, що Богъ натхнувъ на душу,
Що назбиравъ по селахъ, хуторахъ,
По за̀ймыщахъ, по пущахъ несходымыхъ,
По те́мрявыхъ лугахъ, очеретахъ

И по степахъ шырокыхъ безберегыхъ:
Въ ёго словахъ нема краплыны лжи,
И въ кожному лыше лунае правда,—
Клянусь Творцемъ, клянуся Небомъ—такъ!
Не писня то, а стогинъ, гвалтъ и launchментъ,
Дытячый крыкъ, рыдання матерей,
Предсмертный крыкъ конаючого люду,
И пекло мукъ, що коятся здаве́нъ
Въ сплюндрованій, нещасній Украйни...

[*На ганку*]. Де-хто. То хлопськый круль!

Грох. Понивеченый князь

Всй. И слухаты шалени речи годи!

Ант. Послухайте! За що вы стоите?
Чы люба-жъ вамъ ойчызна?—Ни, не люба:
Про неи вамъ, оспалымъ, байдуже́!

Вси. Образа то! (*брязнулы шабли*).

Ант. Що вамъ до слизъ народа,
Що вамъ до ранъ, до стогону ёго?
А той народъ есть грунтъ и сыла Речи,—
До храма винъ—пидмурокъ дорогый,
А вы ёго руйнуете, слипущи:
Храмъ упаде и похороныть васъ!
Погляньте: скризь—руина, мотлохъ, попилъ,
И одъ крови шкарубытся земля;
Въ степахъ нимыхъ высоки лышъ могылы,
Де поляглы и сыла наша, й честь
И голосна, колышня спильна слава!

(*На ганку*). Вси. Шельмовство то! Винъ, якъ и хлопъ, бунтарь!

Ант. Не я бунтарь, вы—бунтари, панове!
Вы доконать ойчызну завзялысь,—
И згыне въ пень! Ярмо васъ жде, неволя...
Й нихто, нихто не обороныть васъ:
Зъ дитей своихъ—вы ворогі́въ вчынылы,
И виддадуть воны батькивъ зъ смихо́мъ,
Бо пану рабъ не буде оборонцемъ,—

Лышъ вильный братъ за воленьку стоить
И виддае за брата свою душу...
Вы—вороги, а я—ойчызни другъ,
Бо я іи люблю надъ все на свити,
За неи радъ виддать свое жыття,
А за дитей іи виддамъ и душу:
Проймить мечемъ ци перса,—и тоди
Не выбьете любовы зъ ныхъ до люду!

Яск. Стерявсь цилкомъ!

Стась. Винъ божевильный!

Ядвига (*до Грохольскои прыпада*). Ай!!

Сапига. Шаленый!

Опацьк. Шпигъ!

Чарнецьк. До ликивъ я визьмусь!

(*Сходыть зъ сходивъ до Антося*).

Чарнецьк. За звбленнямъ и короля и Речи,
Тебе теперъ до війська я беру!
Гей, хоруговъ військову сюды заразъ! (*Кынулысь*)

Ант. Якъ, гетьмане?

Чарнец. (*глузлыво*). Боится князь?

Ант. (*гордо*). О, ни!

Чарнец. То будь готовъ въ походъ, хорунжый, завтра.

(*Прыносять Чарнецькому хоруговъ*).

Ант. Куды?

Чарнец. Въ Подоль, змитать такыхъ-отъ псивъ.

Ант. На простый людъ, на бидаривъ незбройныхъ,
На бабъ, дидивъ, дитей? О, зроду ни!

Вси (*скупчуются*). Що-о? Що таке?

Чарнец. Рушення посполите!

Сапига (*пидход.*) Повынниcть всихъ и честь!

Ксёнзъ. Законъ святый.

Ант. Се не війна, а бійня...

Ксёнзъ. Езусъ!

Чарнец. Княже!
Такъ ты цей стягъ, клейнотъ нашъ не берешъ?

Сапига (*по паузи*). Цураешся ойчызны?
Ксёндзъ (*по паузи*). И костёла?! (*Пуаза*).
Грох. Публика то!
Вси. Зрадецтво!
Ант. Боже мій!
Зрадецтво... грихъ... зневага и неслава!
Чарнец. То князь куды? До зрады, чы пидъ стягъ?
Ант. (*несамов.*). Охъ, скрутъ и гвалтъ! (*Крокъ впередъ*).
Вамъ жызнь моя потрибна,—
Берить іи! Надъ тиломъ вы—паны;
Але души й думокъ вамъ не зигнуты
И не зламать: воны мои, мои!!

Зависа.

М. Старицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій и его мѣры къ исправленію духовенства.

Въ ряду кіевскихъ митрополитовъ XVIII в. трудно указать болѣе дѣятельнаго и просвѣщеннаго пастыря, чѣмъ былъ Рафаилъ Заборовскій, занимавшій эту каѳедру съ 1731 по 1747 годы. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить лишь съ величайшимъ изъ кіевскихъ іерарховъ, жившимъ ровно за сто лѣтъ предъ нимъ, знаменитымъ Петромъ Могилой. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на различіе времени и обстоятельствъ, когда они оба святительствовали, въ ихъ характерѣ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ было много общаго. Прежде всего оба они были ревностными поборниками просвѣщенія, и если Могила въ предсмертномъ завѣщаніи назвалъ основанную имъ кіево-братскую коллегію своимъ „единственнымъ сокровищемъ", то и для Заборовскаго это училище было такимъ же дорогимъ и близкимъ сердцу учрежденіемъ, предметомъ его всегдашнихъ заботъ и попеченій. И то, что сдѣлалъ онъ для преобразованной имъ академіи, справедливо напомнило ей заслуги ея основателя, и она въ своемъ титулѣ пожелала соединить оба эти дорогія ей имена и стала называться „*Могило-Заборовскою* академіею". Если мы обратимся къ церковно-административной дѣятельности Рафаила Заборовскаго, то и здѣсь найдемъ много чертъ, напоминающихъ того же Могилу: его непоколебимая энергія въ искорененіи церковныхъ нестроеній, ревностная заботливость о поднятіи

просвѣщенія въ средѣ приходскихъ пастырей и всяческія понужденія и поощренія ихъ къ отдачѣ дѣтей въ школы для обученія, его суровыя мѣры въ борьбѣ противъ пороковъ среди духовенства и въ то же время отеческая снисходительность къ раскаявшимся—всѣ эти и многія другія дѣйствія Заборовскаго невольно переносятъ мысль изслѣдователя въ эпоху церковныхъ преобразованій, предпринятыхъ приснопамятнымъ Могилою. Правда, предѣлы власти и личной инищіативы у кіевскаго митрополита въ XVIII ст. были далеко не тѣ, что въ первой половинѣ XVII в. Поставленный въ строгое подчиненіе синодальному управленію и жившій въ эпоху Бироновщины, Заборовскій ни въ какомъ случаѣ не могъ повторить собою Могилу, хотя бы и обладалъ его духовною мощью; но онъ, видимо, хотѣлъ быть продолжателемъ его преобразовательныхъ начинаній, прерванныхъ смертью Могилы и наступившими вслѣдъ за тѣмъ политическими тревогами. Переворотъ Хмельницкаго, междоусобія его преемниковъ, безпрестанныя смуты и войны, повлекшія за собою опустошеніе правобережной Украины—всѣ эти печальныя событія должны были губительно отразиться во внутреннемъ строѣ южно-русской церкви и до конца разрушить то относительное благоустройство, какое было достигнуто преобразовательными мѣрами П. Могилы. Смутное время способно было порождать архіереевъ—интригановъ, въ родѣ знаменитаго епископа Меѳодія, но ни въ какомъ случаѣ не церковныхъ реформаторовъ, тѣмъ болѣе, что кіевская митрополичья каѳедра въ теченіе почти тридцати лѣтъ (съ 1657 до 1686 г.) фактически оставалась вакантною, ибо ни Діонисій Балабанъ, ни Іосифъ Тукальскій, ни Антоній Винницкій не жили въ Кіевѣ, а два послѣдніе въ значительной части Малороссіи не были даже признаваемы въ правахъ митрополитовъ. Престарѣлый Гедеонъ Четвертинскій и болѣзненный Варлаамъ Ясинскій не много могли успѣть въ дѣлѣ возстановленія церковнаго благоустройства, равно какъ и ихъ злосчастные преемники Іоасафъ Кроковскій и Варлаамъ Ванатовичъ, печально окончившіе жизнь внѣ предѣловъ своей митрополіи. Такимъ образомъ на долю

Рафаила Заборовскаго преемственно досталась задача водворить порядокъ въ церковной сферѣ, давно нарушенный теченіемъ историческихъ событій. Какъ онъ исполнилъ эту не легкую задачу, какія именно нестроенія нашелъ въ средѣ подчиненнаго ему духовенства и какія мѣры употреблялъ для его исправленія—объ этомъ лучше всего могутъ свидѣтельствовать многочисленные указы Раф. Заборовскаго, какіе и нынѣ сохранились въ библіотекахъ многихъ церквей кіевской, полтавской и черниговской губерній [1]). Эти указы, благодаря богатству заключающихся въ нихъ бытовыхъ подробностей, уже не однократно служили матеріаломъ для изслѣдователей, интересовавшихся бытомъ малорусскаго духовенства или всего общества XVIII вѣка; подобныя изслѣдованія и замѣтки не разъ находили мѣсто и на страницахъ „Кіевской Старины". Дѣйствительно, указы Заборовскаго—это живая лѣтопись тогдашней церковно-общественной жизни Малороссіи. Какъ мѣстный уроженецъ [2]) и питомецъ кіевской академіи, Загоровскій былъ непосредственно знакомъ съ этою жизнью и потому, обличая извѣстные пороки, злоупотребленія или предосудительные обычаи, онъ необыкновенно мѣтко и рельефно изображалъ ихъ, нерѣдко рисуя мелкія бытовыя подробности. Кромѣ того, его указы—не сухія оффиціальныя предписанія, а по большей части живыя, одушевленныя проповѣди, иногда не лишенныя даже извѣстнаго драматизма. Вотъ почему мы не скупились дѣлать изъ нихъ обильныя выписки [3]).—Кромѣ указовъ, мы пользовались также

---

[1]) Нужно помнить, что во времена Рафаила Заборовскаго въ составъ кіевской епархіи входили: юго-восточные уѣзды нынѣшней черниговской губ., почти вся полтавская (за исключеніемъ уѣздовъ переяславскаго и частью золотоношскаго), и лишь незначительная часть кіевской (большая часть ея принадлежала польскому государству).

[2]) Точнѣе говоря, Заборовскій родился въ Галиціи, въ м. Заборовкѣ, отъ имени которой получилъ и фамилію. Учился въ кіевской академіи до класса философіи, а потомъ перешелъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію, въ которой былъ затѣмъ учителемъ риторики.

[3]) Но для удобства читателей, старинную славяно-малороссійскую рѣчь указовъ мы переводили на современную, удерживая лишь наиболѣе характерныя слова и выраженія.

нѣкоторыми дѣлами той эпохи, сохранившимися въ архивѣ кіевской духовной консисторіи.

Повидимому, болѣе всего поразила Рафаила Заборовскаго по вступленіи на кіевскую митрополичью каѳедру—чрезвычайная молодость нѣкоторыхъ священниковъ кіевской епархіи,—молодость, настолько смущавшая самихъ владыкъ—предшественниковъ Заборовскаго, посвящавшихъ этихъ юношей, что они находили нужнымъ на четыре, пять, шесть лѣтъ лишать молодыхъ іереевъ права исповѣдывать своихъ прихожанъ.

По этому поводу Рафаилъ Заборовскій въ своемъ первомъ (по вступленіи на каѳедру) указѣ протопопамъ и пресвитерамъ (3 ноября 1731 года) восклицалъ: „Какое дивное и достойное удивленія запрещеніе! Человѣкъ, при посвященіи во іерея, получаетъ всю власть, подобающую іерею; удостоивается совершать таинство евхаристіи, на которую безъ трепета не могутъ взирать и ангелы; а между тѣмъ ему запрещаютъ совершать меньшее дѣйствіе—исповѣдывать своихъ прихожанъ!“ И приводя цѣлый рядъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцовъ, онъ показывалъ, насколько такой утвердившійся въ епархіи обычай противенъ церковнымъ законамъ.

Обычай этотъ отчасти обусловливался тогдашней системой замѣщенія священнослужительскихъ должностей. Въ то время въ кіевской епархіи, какъ и во всей Малороссіи, кандидатовъ на священство въ извѣстный приходъ избирали сами прихожане. Избраніе производилось обыкновенно сейчасъ же послѣ смерти прежняго приходскаго священника, и лишь въ случаяхъ разногласія между избирателями затягивалось иногда на довольно продолжительное время, въ теченіе котораго богослуженіе и требоисправленія въ приходѣ исполнялъ священникъ-викарій, назначавшійся духовнымъ управителемъ (въ родѣ современнаго благочиннаго). Впрочемъ, оттягиваніе такихъ выборовъ, если оно происходило вслѣдствіе назначенія викаріевъ „по самоволію управителей, безъ архіерейскаго вѣдѣнія“, какъ вызывавшее

собою „не мало нерадѣній и нестроеній", Рафаилъ Заборовскій указомъ отъ 24 іюня 1734 г. запретилъ, предписавъ протопопамъ доносить ему о смерти священниковъ немедленно, съ немедленною же присылкою ему „презенты" (рекомендаціи, представленія) достойнаго кандидата на его мѣсто. Выборы происходили на общемъ собраніи прихожанъ, часто безъ участія священнослужителей, и дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ въ пользу того или другого кандидата. Прихожане руководились при подачѣ своихъ голосовъ соображеніями самаго разнообразнаго характера, иногда вовсе не касавшимися степени способностей и нравственныхъ достоинствъ лицъ, намѣчаемыхъ ими въ кандидаты на священство. Чтобы задобрить избирателей, имъ предлагались обильныя угощенія. Бывали случаи, что самые выборы происходили въ корчмѣ. Искателями іерейскихъ мѣстъ чаще всего бывали или сыновья прежнихъ священниковъ (состоявшіе съ отрочества причетниками при своихъ отцахъ), или мужья священническихъ дочерей, женившіеся главнымъ образомъ въ видахъ полученія тестевскаго прихода. Расположить прихожанъ къ выбору такихъ кандидатовъ старались всѣми силами заинтересованные въ устройствѣ ихъ судьбы родственники, попы и попадьи, усвоившіе себѣ (вслѣдствіе издавна укоренившагося въ Малороссіи обычая) твердое убѣжденіе, что церковные приходы должны преемственно, по наслѣдству переходить отъ отцевъ къ дѣтямъ. Противъ такихъ злоупотребленій выборными порядками боролся м. Рафаилъ. Въ указѣ отъ 24 ноября 1731 года, онъ, между прочимъ, предписывалъ, чтобы при собраніяхъ прихожанъ, въ домѣ честномъ, а не въ корчемницѣ, для рекомендаціи на пресвитерство какого-либо честнаго, учительнаго и постояннаго человѣка, непремѣнно присутствовали священники окрестныхъ селъ, числомъ отъ 7 до 5, а въ крайнемъ случаѣ не менѣе трехъ; эти священники собственноручно должны подписываться, послѣ подписи прихожанъ, на презентѣ въ томъ, что и они рекомендуютъ избраннаго „акколѣту", считая его „въ добронравіи и чтеніи искусна и священства достойна". Поэтому, если на такомъ избраніи, вслѣдствіе дальности

разстоянія или иной какой крайности, нельзя быть многимъ пресвитерамъ,—избраніе акколѣта должно быть совершено, по меньшей мѣрѣ, тремя пресвитерами, но правильно и праведно, безъ всякаго подкупа и лицепріятія, „чтобы не было того, какъ *намъ донесено*, что иные получаютъ письменныя рекомендаціи на священство *немалымъ искупомъ, какъ денежнымъ, такъ и другимъ даткомъ и чрезъ напоеніе прихожанъ*". За неисполненіе этого (какъ и другихъ) указа митрополитъ угрожалъ протопопамъ „непоблажнымъ штрафованіемъ и на тѣлѣ наказаніемъ".

Труднѣе было пошатнуть вѣками укоренившееся въ самомъ духовенствѣ убѣжденіе относительно его права передавать приходы по наслѣдству своимъ дѣтямъ и родственникамъ. Право это въ прежніе вѣка нерѣдко санкціонировалось королевскими грамотами; съ этимъ же правомъ считались и прихожане, избирая чаще всего сыновей или зятьевъ прежнихъ „пароховъ". Заборовскій хотѣлъ бороться съ этой традиціей и въ своемъ указѣ отъ 2 іюня 1732 г., между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Священники и попадьи своимъ дѣтямъ или другимъ родственникамъ никакимъ образомъ не смѣютъ утверждать и давать легацію (опредѣленіе, избраніе) или поссесію парафіи письменнымъ тестаментомъ. Намъ вѣдь извѣстно, что безчестные, скорѣе же безтолковые дураки попадьи и попы (говоримъ *не о всѣхъ*), вмѣсто денежнаго или другого какого имущества, въ вѣно за своими дочерьми отдаютъ парохіи, что и утверждаютъ даже своими дураческими письмами. Въ виду этого пусть будетъ извѣстно всѣмъ, что святыя церкви и парохіи не въ ихъ волѣ и диспозиціи, а въ нашей архіерейской, и что онѣ должны распредѣляться по нашему разсмотрѣнію, людямъ достойнымъ іерейскаго сана, ученымъ и незазорной жизни... Многія вдовствующія попадьи,—это не диво, но—что уже весьма удивительно—и попы дураки своихъ сыновей, дочерей и другихъ родственниковъ называютъ наслѣдниками парохій и думаютъ, что поссесія парохій непремѣнно должна принадлежать ихъ сыновьямъ, дочерямъ, внукамъ и правнукамъ. Мы такое безумное наслѣдіе отрицаемъ, а утверждаемъ лишь, что будемъ рукополагать во

пресвитеровъ тѣхъ поповскихъ сыновей, кои будутъ достойны этого сами по себѣ, постоянны и притомъ учены, равнымъ образомъ и тѣхъ только мужей священническихъ дочерей, которые окажутся людьми добрыми и учительными и будутъ являться къ намъ съ обычными презентами, и даже людей не изъ того прихода („отъ стороны"), лишь бы они были добрѣ учительны. Непостоянныхъ и неучительныхъ іерейскихъ сыновъ и другивъ родственниковъ мы отрѣшаемъ отъ наслѣдія парохій и усиленно принимаемся искоренять такое наслѣдство; а чтобы у разсчитывающихъ на такое наслѣдство и думки (мысли) не было о немъ, говоримъ одно: кто достоинъ парохіи, тотъ и наслѣдникъ ея".

Добиваясь помянутымъ образомъ избранія въ священническій санъ, малосвѣдущіе и малограмотные люди оказывались далеко не соотвѣтствовавшими высотѣ своего служенія. Не зная церковныхъ правилъ и узаконеній, они весьма часто отступали отъ нихъ, особенно если эти отступленія и нарушенія почему-либо нравились ихъ прихожанамъ и оплачивались со стороны послѣднихъ. Такъ, таинство елеосвященія нерѣдко совершалось надъ людьми, далеко не опасно и не тяжко больными (указомъ Рафаила отъ 7 октября 1734 года это было запрещено); таинство исповѣди, когда много бывало исповѣдниковъ, напр., во дни великаго поста, иные священники совершали *сразу* надъ двумя, тремя, четырьмя и даже большимъ числомъ простыхъ людей. Чрезъ это (разъяснялъ митрополитъ Рафаилъ указомъ 24 марта 1736 г.) исповѣдь не бываетъ совершенною, такъ какъ многіе кающіеся по чувству стыда утаиваютъ нѣкоторые свои грѣхи, и такимъ образомъ „лѣнивые, нерадивые и крайне несмысленные попы", вмѣсто освобожденія отъ грѣховъ, вовлекаютъ своихъ исповѣдниковъ-простолюдиновъ чрезъ самую исповѣдь, по ихъ невѣдѣнію, въ бóльшіе грѣхи, соблазняя и повреждая ихъ совѣсть. Указомъ предписывалось исповѣдывать всѣхъ порознь, кромѣ младенцевъ семи лѣтъ и моложе.—Часто изъ-за небольшой денежной подачки иные священники совершали требы для лицъ, пріѣзжавшихъ изъ чужихъ епархій и лишеныхъ

тамъ благословенія отъ своихъ архіереевъ (указъ съ запрещеніемъ этого 23 декабря 1733 г.). Кое-гдѣ священники („невѣжи“, какъ ихъ назвалъ митрополитъ въ указѣ 28 августа 1738 года) на литургіяхъ и другихъ богослуженіяхъ евангеліе читали не на престолѣ, а въ царскихъ вратахъ, обратившись къ народу, при чемъ подходившихъ подъ евангеліе покрывали по главамъ своими епитрахилями. Такой обычай, какъ противный чину церковному [1]), митрополитъ строго воспрещалъ. Во многихъ мѣстахъ священники дозволяли мірянамъ во время богослуженія стоять въ алтарѣ. Міряне тутъ часто разговаривали, шумѣли и смѣялись, вслѣдствіе чего священнослужителямъ, совершавшимъ богослуженіе, трудно было сохранять въ своихъ душахъ должное сокрушеніе и подобающее благоговѣніе. Митроп. Рафаилъ 22 февраля 1739 г. разослалъ по всей епархіи указъ съ разъясненіемъ непристойности этого обычая, при чемъ самый указъ предписалъ публиковать во всѣхъ церквахъ въ воскресные и праздничные дни.

Среди духовныхъ того времени нерѣдко встрѣчались люди лѣнивые и мало религіозные. Многіе изъ нихъ къ обычному (обязательному) богослуженію относились нерадиво, отъ панихидъ и молебновъ, кои обязаны были совершать безъ платы, (напр., о высочайшихъ особахъ) уклонялись; о благолѣпіи церковномъ мало заботились и къ самой святынѣ часто относились съ полною небрежностью. Такъ, митр. Рафаилъ замѣтилъ, что многіе священники св. миро и елей держали у себя въ домахъ, въ мѣстахъ не особенно пристойныхъ, „на лавѣ“ (скамьѣ) и даже подъ „лавою“ (указъ отъ 4 ноября 1731 г.). Къ исправленію требъ, мало оплачиваемыхъ, многіе священники относились лѣниво; напр., какъ писалъ митр. Рафаилъ въ указѣ отъ 22 октября 1739 года, многіе священники не ходили въ дома родильницъ и не читали имъ молитвъ, положенныхъ въ требникѣ—въ первый день женѣ, родившей отроча; имена же новорожденнымъ младенцамъ обычно давали чрезъ бабъ, приходив-

---

[1]) Сомнѣваемся, чтобы этотъ обычай, кое-гдѣ практикуемый и теперь въ Малороссіи, былъ противенъ чину церковному. *Ред.*

шихъ отъ родильницъ съ объявленіемъ о родившемся; этимъ бабамъ они прочитывали молитву и чрезъ нихъ объявляли назначенное имя младенцу, при чемъ случалось, что бабы забывали имена, пока возвращались къ родильницамъ, и называли новорожденныхъ совсѣмъ не такъ, какъ назвалъ ихъ священникъ. Митрополитъ, подъ угрозою лишенія сана, предписалъ всѣмъ священникамъ положенныя въ требникѣ двѣ молитвы читать въ слухъ родильницѣ, такъ какъ въ этихъ молитвахъ возносится благодарность къ Богу о ней и о родившемся; а третью молитву требника читать въ слухъ всего дома родильницы, какъ содержащую въ себѣ моленіе за всѣхъ обрѣтающихся въ этомъ домѣ и послужившихъ новорожденному. Крестить младенцевъ предписалъ въ 8-й день по рожденіи и непремѣнно въ церкви, за исключеніемъ младенцевъ слабыхъ, коихъ разрѣшилъ крестить и въ домахъ.

Крещеніе нѣсколькихъ младенцевъ иные священники совершали въ одной и той же водѣ, державшейся долгое время вмѣстѣ со вливаемымъ въ нее елеемъ, или же въ обыкновенной водѣ, вливъ въ нее „малую часть“ воды, освященной въ день Богоявленія или перваго августа и становившейся отъ времени мутною и испорченною. Рафаилъ Заборовскій (10 апрѣля 1739 года) строго, угрожая жестокимъ наказаніемъ на тѣлѣ, предписалъ священникамъ надъ всякимъ младенцемъ, приносимымъ ко крещенію, совершать все показанное въ требникѣ, освящая для каждаго крещенія новую воду, а затѣмъ, послѣ крещенія, выливая ее подъ церковь,—и никоимъ образомъ не крестить въ водѣ давней и освящаемой лишь чрезъ влитіе въ нее воды, освященной въ давнее время.

Въ угоду желаніямъ богатыхъ и знатныхъ прихожанъ священники часто допускали при крещеніи одного младенца по нѣсколько паръ воспріемниковъ, допускали быть воспріемниками ребенка его родителей и т. п. Митроп. Заборовскій, указомъ 24 ноября 1731 года, это запретилъ, но священники во многихъ мѣстахъ продолжали поступать по прежнему, почему митрополитъ снова повторилъ прежнее запрещеніе въ іюнѣ и

въ октябрѣ 1739 г., угрожая уже на этотъ разъ нарушителямъ его лишеніемъ сана.

Особенно много злоупотребленій допускали священники при совершеніи браковъ, потому что въ этихъ случаяхъ они получали съ брачившихся тѣмъ большее вознагражденіе, чѣмъ бо̀льшее для нихъ дѣлали нарушеніе церковныхъ правилъ и узаконеній.

Во-первыхъ, они вѣнчали молодыхъ безъ всякихъ свидѣтельствъ, часто въ близкихъ степеняхъ духовнаго и плотскаго родства, почему митр. Заборовскій поставилъ въ долгъ священникамъ настойчиво допрашивать поручителей о томъ, нѣтъ ли между молодыми такого родства, которое бы не позволяло ихъ вѣнчать, и допрашивать объ этомъ другихъ честныхъ и достойныхъ вѣры людей (указъ 24 ноября 1731 г. пунктъ 1), а затѣмъ, нѣсколько позже (указомъ 29 марта 1739 года) обязалъ священниковъ, чтобы они о каждомъ бракѣ за 2 или 3 недѣли до его совершенія объявляли всенародно въ церкви и разспрашивали, нѣтъ ли какихъ препятствій къ совершенію его. Нерѣдко вѣнчали молодыхъ нетрезвыхъ, почему митр. Рафаилъ предписалъ вѣнчать вообще послѣ литургіи, не выходя изъ храма, до обѣда (тамъ же, п. 3). Часто совершали браки въ дни, въ которые не разрѣшается правилами церкви; митроп. Рафаилъ, указомъ отъ 28 іюня 1743 г., запретилъ это, подъ угрозою „лютой казни“ и изверженія изъ сана.

Митроп. Рафаилъ, видимо, склоненъ былъ объяснять эти злоупотребленія корыстолюбіемъ священниковъ. Нѣкоторые „лакомцы“, въ особенности же, „безстыдные сребролюбцы“, какъ ихъ, негодуя, называлъ митр. Рафаилъ, брали дорого съ брачившихся не только за совершеніе надъ ними таинства, но и за самыя „вѣнечныя памяти“, выдававшіяся имъ. Надо знать, что эти „вѣнечныя памяти“ (т. е. метрическія записи и выписи о бракахъ) въ Малороссіи съ давнихъ временъ облагались извѣстною пошлиною въ пользу содержанія митрополита и его каѳедры. Такъ въ кіевской епархіи, въ половинѣ прошлаго вѣка, собиралось „вѣнечныхъ пошлинъ: съ первобрачныхъ по 24 копѣйки,

съ второбрачныхъ по 50 к., съ полувторобрачныхъ по 36, съ третьебрачныхъ по 60 к., а всего въ епархіи такого сбора бывало до 4700 рублей и болѣе въ годъ. Пользуясь этимъ, священники, подъ предлогомъ „вѣнечнаго“ сбора на митрополита, могли брать съ молодыхъ что хотѣли и деньги цѣликомъ присваивать себѣ, утаивая отъ епархіальныхъ властей самые браки, совершенные ими. Иногда же за одну вѣнечную память они брали по два, по три и по четыре рубля, обращая эту сумму, за исключеніемъ законной части, въ свою пользу. „Отъ этого (писалъ митр. Заборовскій въ указѣ 29 января 1732 года) бѣднымъ, нищимъ людямъ происходитъ непомѣрная тяжесть. Вѣроятно, затѣмъ и дьяки окаянные не идутъ на клиросъ пѣть брака. Іереи, похитивши хорошо, возглашаютъ: „благословенъ Богъ нашъ“..., а дьячки и не думаютъ произносить: „аминь“, пока у убогаго мужичка не выдерутъ таляра“. Митрополитъ строго воспрещалъ утаивать и брать лишнія деньги за вѣнечныя памяти, равнымъ образомъ совершать „здирство“ съ прихожанъ и въ другихъ случаяхъ; указомъ 19 марта 1732 года онъ потребовалъ отъ всѣхъ священниковъ выслать вѣдомости о числѣ браковъ за пять послѣднихъ лѣтъ, съ предупрежденіемъ, чтобы въ этихъ вѣдомостяхъ не было никакой утайки, потому что послѣдняя обличится при ревизіи; 22 марта 1732 года, узнавъ, что въ нѣкоторыхъ протопопіяхъ берется съ вѣнечныхъ памятей больше, чѣмъ положено указами (хотя эти сборы и цѣликомъ высылались въ архіерейскую казну) онъ предписалъ „по всѣмъ церквамъ, при всенародномъ собраніи“ объявить, сколько полагается взимать съ вѣнечныхъ памятей въ архіерейскую казну.

Не малые поборы съ прихожанъ брались священниками за погребеніе умершихъ. Митроп. Заборовскій 4 марта 1732 года въ своемъ указѣ духовенству по этому поводу писалъ такъ: „Во всю епархію разосланъ нашъ указъ съ повелѣніемъ, чтобы не брали лишняго съ вѣнечныхъ памятей... Но слышимъ, что въ епархіи нашей, какъ до нашего прибытія, такъ и теперь существуетъ другое „здирство, вящшее, мерзкое и весьма богопро-

тивное". Намъ приносятся жалобы, что попы мертвыя тѣла своихъ прихожанъ не погребаютъ по церковному чиноположенію, пока „не выдерутъ изъ мужика или жены (его) рублей 6, 5, 4 или 3". Въ случаѣ же бѣдный, нищій мужичекъ или жена (его) оказываются безъ денегъ, но имѣютъ лошадей, воловъ или коровъ, то не ожидая, пока добровольно мужикъ дастъ что-либо за трудъ, либо самъ попъ, либо, по его приказанію, пономарь изъ подъ навѣса „выдираетъ" лошадей, воловъ или коровъ, и уводитъ ихъ въ свой домъ, говоря: „тò не за погребеніе берется, але на сорокоустъ: душу надобно поминать умершаго и литургіи по небожчику отправлять!" Такъ, подъ предлогомъ заботливости о душѣ, ненасытные хищники насильно забираютъ себѣ коровъ, желая имѣть великій прибытокъ „отъ здирства"! Когда же мизерный мужичекъ или „невѣста" имѣютъ лишь единственную лошадь, или коровку, или бычка, и не хотятъ отдавать этого послѣдняго своего достоянія, вслѣдствіе своей крайней нужды; то попы „окаянные, безчинные, любители ненасытнаго грабленія, возъярившись" уходятъ въ свои дома; тѣла же мертвыхъ часто дня по 3, по 2 и еще чаще по дню въ домахъ или на улицахъ валяются безъ погребенія, отъ чего весною, лѣтомъ и осенью бываетъ смрадъ нестерпимый, отъ котораго распространяется зараза и безвременная смерть здоровыхъ. Чтобы не было послѣдняго, предписываемъ: ненасытнаго „здирства" не производить, и погребать умершихъ безъ всякаго торгу, какъ повелѣвается Духовнымъ Регламентомъ, въ особенности не торговаться за сорокоусты, за которые попы всегда домогаются великой цѣны, хотя ихъ и не просятъ служить таковые и сами они объ этомъ не думаютъ, а только подъ предлогомъ служенія ихъ истязуютъ большую плату, будто пошлину за смерть. Если намъ будетъ донесено на кого-либо за подобное насильное „здирство", то его мы заставимъ возвратить вдвое, жестоко накажемъ и запретимъ ему священнодѣйствіе".

Такой рѣзкій указъ митрополита все-таки не положилъ предѣла злу. Священники во многихъ мѣстахъ продолжали поборы, торгуясь съ прихожанами за каждую требу. 24 марта

1744 года Рафаилъ Заборовскій, чтобы хоть нѣсколько уменьшить такія явленія, разослалъ во всю епархію новый указъ по этому поводу. „Такъ какъ изъ производимыхъ въ консисторіи дѣлъ видно,—писалъ на этотъ разъ митрополитъ,—что нѣкоторые священники торгуются съ прихожанами за требы и совершаютъ вымогательства (за что на такихъ священниковъ подаются челобитныя, только затрудняющія насъ и прерывающія болѣе важныя дѣла), что, думаю, происходитъ вслѣдствіе того, что прихожане не опредѣляютъ имъ руги и прочихъ вознагражденій („датки") для ихъ довольства и пропитанія, то мы предписываемъ, чтобы въ презентахъ всегда точно была обозначаема руга, земля и прочее, что прихожане опредѣляютъ священникамъ за дѣло ихъ служенія. Протопопы должны брать отъ прихожанъ письменное обязательство въ аккуратномъ уплачиваніи ими священникамъ опредѣленнаго содержанія, и отъ ставленниковъ подписку, что они будутъ довольны назначаемымъ содержаніемъ.

Поставляя цѣлью своего служенія наживу и прибытки, многіе священнослужители кіевской епархіи часто обращали въ свою личную пользу и церковное имущество. Чтобы уничтожить это зло, митр. Рафаилъ 2 іюня 1732 г. запретилъ какъ священникамъ, такъ и ктиторамъ церковнымъ продавать церковные грунта (земли) и другое церковное имущество, безъ архіерейскаго вѣдома, подъ угрозою жестокаго истязанія. Узнавъ, что священники часто распоряжаются церковнымъ имуществомъ и деньгами по своему усмотрѣнію, безъ вѣдома ктиторовъ, а ктиторы въ свою очередь, безъ вѣдома священниковъ, митроп. указомъ 10 іюня 1735 г. предписалъ въ каждой церкви пресвитерамъ и ктиторамъ вести двойные реестры всѣмъ расходамъ церковныхъ суммъ, и хранить церковныя суммы въ сундукахъ за печатями священническими и ктиторскими.

Не имѣя возможности, послѣ митрополичьяго запрещенія, продавать церковныя земли, нѣкоторые священники стали сдавать ихъ въ аренду, а плату за нее брать себѣ, а не обращать въ пользу церквей. Отъ бдительнаго митрополита это не

укрылось; 5 іюля 1743 г. онъ въ своемъ указѣ писалъ: „Извѣстно, что нѣкоторые іереи корыстуются церковными грунтами; по смерти же этихъ іереевъ тѣми грунтами владѣютъ ихъ жены и свойственники; также ругу, которая при церквахъ бываетъ на содержаніе священниковъ, послѣдніе продаютъ или предъ смертью передаютъ въ пользованіе своимъ женамъ, дѣтямъ и свойственникамъ, не служащимъ при тѣхъ церквахъ. Грунтами, наданными церквамъ, іереямъ, а тѣмъ болѣе, по ихъ смерти, ихъ дѣтямъ и свойственникамъ—не корыстоваться, прибыль же съ этихъ грунтовъ употреблять на нужды церквей; руги никому не продавать, по смерти же священниковъ она должна переходить въ пользованіе ихъ преемниковъ по іерейству, а не въ пользованіе женъ, дѣтей и свойственниковъ".

Стремленіе священниковъ къ наживѣ дѣлало многихъ изъ нихъ совершенно равнодушными къ церковному благолѣпію. Все, что могло такъ или иначе способствовать улучшенію или увеличенію церковнаго благолѣпія, они старались всячески обратить въ свою собственность [1]). Поэтому многіе храмы не только не отличались богатою утварью, но и извнѣ имѣли жалкій видъ. Вотъ что, напр., писалъ митроп. Рафаилъ въ указѣ отъ 28 августа 1738 г.: „Намъ извѣстно, что многія церкви ничѣмъ не ограждены. Ограды же необходимы, такъ какъ не только при сельскихъ, но иногда и при городскихъ церквахъ ходитъ скотъ... Самыя церкви вслѣдствіе своей ветхости во время дождей текутъ, а пресвитеры должнаго старанія объ этомъ не имѣютъ. Повелѣваемъ священ-

[1]) Напр., синодальнымъ указомъ отъ 16 января 1723 г. было повелѣно при каждой церкви учредить церковныхъ старостъ, которые бы продавали свѣчи и вырученныя деньги употребляли на устройство и содержаніе богадѣленъ для нищихъ и больныхъ; между тѣмъ въ кіевской епархіи это не соблюдалось. „29 января,—писалъ митроп. Заборовскій въ указѣ 30 января 1732 года,—намъ объявлено, что при приходскихъ церквахъ кіевской епархіи продаются восковыя свѣчи—не церковныя, а священническія. Священники сами на свои деньги покупаютъ воскъ, дѣлаютъ свѣчи и продаютъ ихъ, употребляя вырученныя деньги на свои нужды... Надѣемся, что синодальный указъ полученъ вездѣ и въ нашей епархіи, но такъ какъ онъ, какъ слышимъ, не исполняется, то требуемъ отъ всѣхъ священниковъ прислать собственноручныя доношенія съ объясненіемъ причинъ, почему онъ не исполняется".

никамъ прилагать возможное стараніе о надлежащей починкѣ церквей и объ устройствѣ оградъ вокругъ нихъ, а начальникамъ неусыпно побуждать къ этому пресвитеровъ и ктиторовъ". (5 пунктъ указа) [1]). Въ 1739 г. митрополитъ запретилъ погребать умершихъ, за исключеніемъ важныхъ особъ, около церквей; но священники этого не соблюдали (вѣроятно, въ виду денежныхъ выгодъ для себя); поэтому 6 мая 1740 г. Рафаилъ Заборовскій снова повторилъ свой указъ о томъ же.

Алчность дѣлала священниковъ крайне неуживчивыми между собою, особенно если при одной церкви служило ихъ двое или трое. Въ такихъ случаяхъ между священниками почти не прекращались ссоры и раздоры и притомъ часто изъ-за ничтожныхъ поводовъ. Митрополитъ Рафаилъ во многихъ изъ своихъ указовъ вооружался противъ подобныхъ явленій. Такъ 6 октября 1733 года онъ писалъ: „Много труда причиняютъ намъ пресвитеры, которые, служа вдвоемъ при одной церкви, „на половинныхъ парохіяхъ", не могутъ жить въ мирѣ между собою, а безпрестанно ссорятся и враждуютъ и весьма часто изъ-за предстоятельства и первенства въ возглашеніяхъ эктеній. Мы предписываемъ духовнымъ начальникамъ крѣпко слѣдить за тѣми пресвитерами, которые затѣваютъ между собою вражды и раздоры, и о тѣхъ бездѣльникахъ, которые враждуютъ и ссорятся, немедленно и безъ всякой поноровки, праведно доносить намъ. Мы будемъ знать, какъ поступить съ этими бездѣльниками; для пресѣченія же ихъ вражды и раздоровъ, предлагаемъ къ тѣмъ церквамъ (гдѣ два враждующихъ между собою настоятеля) избирать и присылать къ намъ для рукоположенія во діаконовъ честныхъ и постоянныхъ людей". Въ іюлѣ 1735 года онъ писалъ: „Изъ присылаемыхъ по четвертямъ вѣдѣній о справахъ въ протопопіи мы видимъ, что пресвитеры, когда правуются и во враждѣ обрѣтаются, священнодѣйствуютъ. Приказываемъ, чтобы впредь іереи, враждующіе между собою или съ другими людьми и судящіеся, не дерзали священнодѣйство-

[1]) 1 апрѣля 1740 г. митрополитъ изъ всей епархіи требовалъ донесеній о церквахъ починенныхъ, построенныхъ и нуждающихся въ починкѣ.

вать, и чтобы такіе задорники, пока не примирятся и не получать христіанскаго прощенія, были безъ священнослуженія. Но конца жалобамъ и доношеніямъ со стороны пресвитеровъ другъ на друга не было. Митрополитъ Рафаилъ въ глубокомъ негодованіи, въ апрѣлѣ 1736 года пишетъ всему духовенству своей епархіи длинный указъ, съ самымъ точнымъ указаніемъ того порядка, слѣдуя которому священники могли бы избѣгать недоразумѣній, кои вызывали между ними ссоры и пререканія.

„6 октября прошлаго 1733 года,—говорилъ на этотъ разъ митрополитъ,—состоялся нашъ указъ въ томъ смыслѣ, чтобы къ тѣмъ церквамъ, гдѣ два настоятеля, избирались достойные кандидаты для рукоположенія во діаконы, для того, чтобы такимъ путемъ пресѣчь раздоры и вражды между священниками изъ-за возглашенія эктеній, которыя діаконъ по своей должности будетъ возносить безъ всякихъ поповскихъ междуусобныхъ споровъ, іереи же будутъ надлежащимъ порядкомъ совершать возгласы.. Но такому нашему архипастырскому велѣнію до сей поры протопресвитерами не дается исполненія. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ были присылаемы кандидаты для рукоположенія во діаконы, но весьма немногіе. Въ такомъ презрѣніи у васъ наши приказанія! Ваши дѣйствія—одно лишь противленіе намъ. Мы подлинно знаемъ, почему протоіереи и настоятели не желаютъ при своихъ церквахъ имѣть діаконовъ: имъ, по одной только любви къ скверному прибытку, чрезвычайно тяжело поступиться тою лишнею частицею дохода, которая могла идти діакону за трудъ его священнослуженія. Вѣдь между протоіереями и іереями есть нѣкоторые, такъ связанные лихоимною скупостью и такъ одержимые страстью къ богомерзкому сребролюбію, что они не иначе, какъ съ дрожащими руками и съ искажающимся (отъ сердечнаго волненія) лицемъ, какъ бы (Боже сохрани!) страдающіе лихорадкою, отдаютъ одну или другую гривну, кому слѣдуетъ за его трудъ!.. Можете видѣть изъ этого, какъ мерзко сребролюбіе; не прилѣпляйтесь же къ этому окаянству, а будьте довольны своими—хотя и малыми—оброками. Если хотите, чтобы довольствовали васъ, и вы довольствуйте слѣдуемою части-

цею своихъ подчиненныхъ или служащихъ съ вами. Для искорененія же скверныхъ вашихъ лихоимныхъ доходовъ, для благочиннаго церковнаго богослуженія и для прекращенія междуусобныхъ ссоръ и дракъ, происходящихъ у васъ изъ-за лишнихъ избытковъ, повелѣваемъ вамъ какъ и прежде: гдѣ при церкви два настоятеля, непремѣнно избирать туда людей, достойныхъ діаконскаго сана, и присылать къ намъ для посвященія. Надѣемся, что вы станете извиняться предъ нами за неприсылку ставленниковъ тѣмъ, что многіе изъ достойныхъ діаконскаго сана не были въ прошлыхъ годахъ приводимы къ присягамъ, а потому и не были высылаемы. Но отъ нашего указа до синодальнаго повелѣнія—не посвящать во іереевъ и діаконовъ лицъ, не бывшихъ у присяги и неподписавшихся на присяжныхъ листахъ,—прошло времени вполнѣ достаточно, чтобы успѣть выслать къ намъ людей, достойныхъ діаконской степени; да и по полученія синодальнаго повелѣнія вы, еслибы только хотѣли исполнять нашъ приказъ, могли бы сдѣлать намъ такого рода представленіе: по силѣ пастырскаго велѣнія, мы рады бы присылать въ катедру людей, способныхъ къ діаконскому служенію, но они не были у той или другой присяги, а потому и не высылаются. Но подобныхъ представленій мы отъ васъ не получали: вы молчаніемъ обходите наши приказанія, уничтожая наши предложенія. Если же и этотъ нашъ указъ не станете исполнять, то будете непремѣнно оштрафованы и лишены чести, а нѣкоторые будутъ непоблажно наказаны и на тѣлѣ". Далѣе въ указѣ слѣдуетъ самое подробное росписаніе, кому въ какіе дни и какія службы отправлять въ тѣхъ церквахъ, гдѣ одинъ, два и три священника, при чемъ даже указывается, кому и когда во время соборнаго богослуженія слѣдуетъ занимать предстоятельское мѣсто. Это для того, какъ поясняетъ самъ митрополитъ, чтобы „искоренилась богомерзкая, дьявольски надменная гордость между тѣми священниками, которые иногда уклоняются отъ соборнаго богослуженія и лишаютъ себя причастія св. таинъ даже въ великіе праздники изъ-за того только, чтобы избѣжать низшаго пред-

стоянія во время богослуженія съ другимъ священникомъ. Иной при этомъ гордо размышляетъ, что онъ старше другого лѣтами или по времени посвященія во іереи; но спесивый поповскій духъ забываетъ про то, что какъ въ старѣйшихъ, такъ и въ младшихъ пресвитерахъ дѣйствуетъ чрезъ архіерейское рукоположеніе одна и та же Божья благодать, что какъ тѣ, такъ и другіе пріяли и пріемлютъ единъ и тотъ же даръ пресвятаго Духа. Мы потому опредѣлили порядокъ священнослуженія какъ настоятелямъ такъ и викаріямъ, что намъ стало извѣстнымъ, что настоятели работаютъ своими викаріями, какъ волами, заставляютъ викаріевъ, какъ наемниковъ, служить возможно чаще, а сами разъѣзжаютъ по хуторамъ и прочимъ угодьямъ да только упражняются частыми питейными гулками"; все церковное служеніе, и все бремя („тяжарь") пастырства, лежащее на нихъ, они возлагаютъ на викаріевъ, какъ на верблюдовъ, а между тѣмъ викаріямъ-труженикамъ не отдаютъ своихъ доходовъ, а забираютъ ихъ себѣ сами и перста не двинувъ къ труду заработать ихъ, такъ что викаріи несутъ трудъ безмездно".

Всѣ священнослуженія митрополитъ предписалъ всѣмъ священникамъ отправлять неопустительно (кромѣ случаевъ ихъ болѣзни и законныхъ отлучекъ изъ домовъ), освободивъ отъ богослуженія лишь однихъ протопоповъ на время объѣзда ими своихъ протопопій для осмотра церковнаго благочинія. При этомъ митрополитъ сдѣлалъ въ своемъ указѣ такую характерную оговорку:

„Инымъ, а не всѣмъ, всечестнымъ протопресвитерамъ и честнымъ іереямъ можетъ войти въ умъ такое неразсудное раздумье: не знать-де, для чего опредѣлено такое частое священнослуженіе и для кого кто будетъ слушать богослуженіе, если въ будніе дни люди заняты работой и въ церкви не бываютъ?—развѣ стѣны? Такъ безсмысленно могутъ болтать нѣкоторые... Такому мнѣнію, если-бы оно безразсудно возникло, мы противопоставляемъ слѣдующее: хотя въ будніе рабочіе дни въ церкви не случится народу, однако церковь, какъ ча-

долюбивая мать, обязана молиться и молится не только за предстоящихъ, но и за ожидающихъ отъ Господа великія и богатыя милости. Разсудите только, что заключаютъ въ себѣ полунощница, утреня, всѣ часы, вечерня, повечеріе и въ особенности божественная литургія! Тутъ вспоминается вся жизнь нашего Спасителя, отъ Его воплощенія до вознесенія, и въ этомъ священнослуженіи при безкровной жертвѣ возносится моленіе ко всеблагому Богу о здравіи, спасеніи и прочихъ нуждахъ *всѣхъ* православныхъ христіанъ, прошеніе о вѣчномъ упокоеніи усопшихъ и пр!.. На что же церкви святыя, если въ нихъ не приносятъ Богу безкровной жертвы?"

Малообразованные, корыстолюбивые священники, разумѣется не находили для себя въ жизни никакихъ высшихъ интересовъ, а всецѣло погружались въ заботы о своихъ матеріальныхъ удобствахъ и удовольствіяхъ. И удовольствія эти были по большей части весьма грубыя: они состояли въ большинствѣ случаевъ въ сильномъ пьянствѣ. Митрополитъ Заборовскій весьма враждебно относился къ такому пороку духовенства и неоднократно (напр., 23 марта 1743 г., 30 апрѣля и 28 мая 1737 г.) разсылалъ по всей кіевской епархіи указы съ сильными угрозами пьянствовавшимъ священно и церковно-служителямъ. Вотъ, напр., указъ митр. Рафаила протопопамъ епархіи отъ 27 января 1732 года-

„Намъ извѣстно, что многіе пресвитеры, не прилежащіе своему пресвитерскому званію и не любящіе трезвости, до того возлюбили богомерзкое пьянство, что всякой годины дневно и нощно и чванцы (чаны?) руками и устнами съ великимъ невоздержаніемъ объемлютъ", и о томъ только думаютъ, чтобы вино или, проще, горѣлка отъ ихъ устъ не отходила; даже во время священнослуженія (если кому изъ нихъ случится за цѣлую четверть года одинъ разъ литургисать) о томъ лишь и помышляютъ, какъ бы пойти къ кому-либо съ просфорою да напиться горѣлки. При этомъ одною чаркою не довольствуются, но напиваются до помраченья ума и такъ, что падаютъ на томъ же мѣстѣ и засыпаютъ. Проснувшись же на другой день, они не помнятъ своего вчерашняго окаяннаго дѣйствія, а у дру-

гихъ, „живущихъ въ богоугодной трезвости", разспрашиваютъ о себѣ про то, что они вчера дѣлали; и какъ тѣ скажутъ мерзкое дѣло, то они, терзаемые совѣстью, снова бросаются къ горѣлкѣ, говоря себѣ: „охъ, якъ совѣсть біе по щекамъ!" и, снова напившись, опять на первое злое дѣло, какъ псы на блевотину свою, возвращаются. Вслѣдствіе такого постояннаго пьянства они во время богослуженія едва могутъ отъ дрожанія рукъ и всѣхъ членовъ перенести дары чрезъ церковь, чуть—чуть не падая; слѣдовательно, святыя тайны принимаютъ не во спасеніе, но на погибель себѣ. Такъ возлюбили пьянство, крайнее окаянство и безуміе, приносящее вредъ здоровью и сокращающее жизнь; такъ удалились отъ трезвости, приносящей тѣлу здравіе и душѣ спасеніе; забыли заповѣдь апостола Павла и наставленіе іерейскихъ (ставленныхъ) грамотъ! Временами, быть можетъ, разумъ, какъ добрый совѣтникъ, и увѣщеваетъ ихъ: „эй! не дѣлай: худо будетъ; казнь вѣчная постигнетъ тебя въ богомерзкомъ пьянствѣ"..., но необузданная воля влечетъ ихъ къ скаредному дѣлу, какъ бы говоря: „одинъ только разъ!" и такъ, увлекаемые своею страстью, какъ больные, неожиданно и умираютъ... Да не будетъ этого! Дай, Боже, чтобы во всѣхъ васъ всегда царствовалъ разумъ надъ волею—этого вамъ пастырски желаемъ... Мы разсуждаемъ: ежегодно большое число причетниковъ посвящается во іереи, а гдѣ они такъ скоро дѣваются? Отъ проклятаго лишь пьянства быстро умираютъ! Теперь предъ нашими глазами доношенія на многихъ священниковъ съ показаніемъ за ними самыхъ злыхъ проступковъ. И если спросить у котораго изъ нихъ: для чего такъ окаянный поступалъ? всякій отвѣтитъ: пьянство меня привело къ такому поползновенію... Пьяницами будучи, на пьянство свою вину слагаютъ! Потому-то и нужно всячески удаляться отъ пьянства, что пьянство—начало и причина всѣхъ злыхъ дѣлъ. Если же случится кому пить, то нужно такъ пить, чтобы это питье было во славу Божію... Вотъ почему мы съ кротостію васъ увѣщеваемъ и архіерейски вамъ, какъ нашимъ намѣстникамъ, приказываемъ: удерживать іереевъ отъ пьянства, наблюдать за ними,

наставлять и поучать на всякое доброе дѣло. Если же какой пресвитеръ будетъ замѣченъ въ корчемницѣ, или по улицѣ будетъ ходить въ пьяномъ видѣ, или напьется въ своемъ домѣ, а церковное служеніе опуститъ, брать съ него штрафу три рубля, во второй разъ—вдвое; за третій же разъ, отрѣшивши отъ священнослуженія и отъ всѣхъ доходовъ, оковать его и держать въ школѣ или въ шпиталѣ, пока не исправится. Вдовыхъ священниковъ за два пьянственныхъ поползновенія штрафовать точно такимъ же образомъ, а за третій разъ отсылать ихъ въ ближайшіе къ нимъ монастыри въ мужичью работу на воловнѣ, или въ поварнѣ дрова рубить, на ихъ же мѣста избирать достойныхъ. И вамъ, всечестные отцы протопопы, если вы станете укрывать поповъ, бездѣльныхъ пьяницъ, утаивать ихъ вины или прощать ихъ безъ взысканія штрафа, взявши себѣ за это выкупъ,—если мы узнаемъ про это,—будетъ назначенъ такой же штрафъ, съ лишеніемъ протопопскаго чина. О штрафныхъ деньгахъ вы обязаны присылать намъ вѣдомости каждую четверть года. Но лучше,—чтобы не было ни штрафовъ, ни наказаній отъ васъ, ни гнѣвнаго слова,—прекратить пьянство и жить трезво. На такое исправленіе васъ и всѣхъ пресвитеровъ да пошлетъ Господь Богъ Духа крѣпости, утверждающаго васъ во всю жизнь на всякое добро и да даруетъ вамъ въ трезвеніи миръ, здравіе, благополучіе, тишину и душеспасительное пребываніе, дабы, поступая по заповѣдямъ Господнимъ, вы достигли вѣчнаго блаженства. Сего желаемъ вамъ мы, при пастырскихъ нашихъ молитвахъ. Настоящій нашъ указъ протопопы, собравши священниковъ и причетниковъ, должны *опубликовать въ церквахъ* и дать подписку, что въ точности будутъ исполнять его".

Впослѣдствіи—и слишкомъ скоро послѣ разсылки приведеннаго указа—обнаружилось, что нѣкоторые протопопы были сами причастны тому же пороку пьянства, что они, какъ и попы, любили бывать на свадебныхъ пиршествахъ, тутъ брали на себя роль свадебныхъ старостъ, подпоясывались для этого особымъ образомъ и т. п., такъ что 6 октября 1733 г. митроп.

Заборовскій долженъ былъ въ особомъ указѣ разъяснять протопопамъ всю непристойность такихъ поступковъ для духовнаго чина...

Слабости протопоповъ сильно печалили митр. Заборовскаго. На нихъ онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ главныхъ помощниковъ въ дѣлѣ исправленія низшаго духовенства, имъ онъ (указомъ 18 декабря 1735 г.) поручилъ для наблюденія за духовенствомъ дважды въ годъ объѣзжать назначенные имъ округи церквей и приходовъ и обо всемъ замѣчаемомъ репортовать ему, а между тѣмъ многіе изъ нихъ сами не отличались отъ прочихъ священниковъ и не исполняли предписаній митрополита.

Напр., распоряженіе митрополита о высылкѣ кандидатовъ для посвященія въ діаконы протопопы исполняли лишь на первыхъ порахъ, а затѣмъ перестали. 28 августа 1738 г. Заборовскій по этому поводу писалъ имъ: „на первыхъ порахъ вы показали мнимое якобы ревностное стараніе къ исполненію нашего повелѣнія (1736 г.), а затѣмъ, надѣясь, что мы забыли свое приказаніе, бросили заботы о церковномъ благолѣпіи. Мы вамъ повелѣваемъ: до той поры не присылать къ намъ ни одного діакона, избраннаго во пресвитера, пока съ нимъ вмѣстѣ не будетъ представленъ избранный на мѣсто его новый діаконъ. Они одновременно должны присылаться къ намъ; если же этого не будетъ, то присланнаго для посвященія во іерея мы будемъ возвращать назадъ, а васъ, какъ плохую команду, подвергать штрафу. Въ дополненіе указа 1736 г. мы присовокупляемъ, чтобы не только къ тѣмъ церквамъ, гдѣ два настоятеля, но и къ тѣмъ, гдѣ одинъ, въ особенности къ градскимъ соборнымъ и приходскимъ, ради благочиннаго въ нихъ священнослуженія, присылать къ намъ кандидатовъ для поставленія во діаконы. Отъ прибавленія къ клиру діакона (гдѣ его до сей поры нѣтъ) священнику доходъ не уменьшится, а благолѣпіе въ богослуженіи увеличится“.

Затѣмъ, м. Рафаилъ запретилъ вдовымъ священникамъ, безъ особаго архипастырскаго благословенія, священнодѣйствовать, предписавъ имъ въ извѣстные сроки являться въ катедру

для исповѣди у каѳедральнаго духовника. Наблюдать за аккуратностью исполненія такого распоряженія обязаны были протопопы; они же должны были выдавать этимъ священникамъ и свидѣтельства объ ихъ поведеніи, для представленія митрополиту. Но протопопы, помимо митрополита, разрѣшали такимъ священникамъ служить въ теченіе года и болѣе. Это побудило митроп. Рафаила снова напомнить протопопамъ свой указъ и пригрозить имъ за нарушеніе его жестокимъ наказаніемъ (3-й пунктъ указа 28 августа 1738 года).

Къ вдовымъ священникамъ, замѣтно вообще, подозрительно относился митр. Рафаилъ и старался ихъ, по возможности, для избавленія отъ нареканій въ зазорной жизни, располагать къ постриженію въ монашество. Всякую отлучку вдовцамъ-священникамъ отъ мѣстъ ихъ службы онъ запретилъ безусловно, если они не получали на нее письменнаго разрѣшенія отъ своего начальства. Онъ даже освободилъ ихъ отъ путешествій въ Кіевъ для представленія отчетовъ и денегъ и поручилъ протопопамъ отбирать у нихъ тѣ и другія. Только для исповѣди у каѳедральнаго духовника вдовцы священники прямо обязаны были, какъ мы уже сказали, ежегодно пріѣзжать въ Кіевъ, при письменныхъ видахъ отъ своихъ протопоповъ (указъ 25 октября 1734 г.).

Наконецъ, протопопы не мало огорчали митроп. Заборовскаго своею небрежностью въ веденіи письменныхъ дѣлъ, возлагавшихся на нихъ. Часто нѣкоторые изъ нихъ при своихъ письменныхъ отношеніяхъ къ митрополиту препровождали особыя „цедулки"—маленькія добавленія на небольшихъ лоскуткахъ бумаги, включая въ эти „цедулки" дѣла болѣе важныя, чѣмъ въ самыя отношенія; напр., въ такихъ „цедулкахъ" иной разъ они сообщали митрополиту о лѣтахъ людей, присылавшихся для рукоположенія въ священныя степени. 20 января 1832 г. митр. Рафаилъ особымъ указомъ разъяснилъ протопопамъ, что ему непріятна подобная переписка, но протопопы по прежнему были малоисправными; такъ что 28 августа 1738 г. митр. Рафаилъ вынужденъ былъ снова подробно въ указѣ изло-

жить имъ, какъ они должны писать презенты ставленникамъ, въ чемъ необходима была самая строгая точность (4-й пунктъ указа), и т. п. дѣла [1]).

Помощь со стороны протопоповъ для митр. Заборовскаго въ его стремленіи поднять нравственный уровень духовенства кіевской епархіи не могла быть особенно надежною, потому что между протопопами бывали такіе люди, которые своимъ начальственнымъ положеніемъ пользовались лишь для своего прибытка, ничуть не заботясь о тѣхъ высокихъ цѣляхъ, для коихъ имъ вручалось это начальствованіе митрополитомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляется ихъ дѣятельность указомъ митр. Заборовскаго 8 апрѣля 1739 г. Мы,—писалъ онъ въ этомъ указѣ,—18 декабря 1735 года велѣли духовнымъ властямъ дважды въ годъ объѣзжать порученные имъ округи для наблюденія благочинія, не вымогая при этомъ ни у кого взятокъ, не домогаясь никакихъ излишествъ и не причиняя никому никакихъ отягощеній. Теперь же мы узнали, что многіе духовные командиры во время своихъ разъѣздовъ по ревизіи причиняютъ не мало обидъ священно и церковно-служителямъ, у однихъ безстыдно вымогая денежныя взятки, а у другихъ „ручники“ (полотенца) и полотна если не самолично, то чрезъ своихъ спутниковъ; у иныхъ же требуя „посуловъ“, съ выговорами и похвалками, причемъ, добиваясь, чтобы имъ устраивали обѣды, возятъ съ собою „непотребную ассистенцію, вымогая не мало излишняго пропитанія какъ для себя со своими спутниками, такъ и для лошадей. Мы повелѣваемъ, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не требовали взятокъ и никакихъ

[1]) Вообще все духовенство кіевской епархіи во время управленія ею митр. Заборовскаго было неаккуратно въ веденіи церковной и пастырской отчетности. По своей малограмотности оно часто представляло такіе отчеты, которые необходимо было ему возвращать назадъ для лучшаго составленія (что, напр., было сдѣлано 20 мая 1739 г.), а по своей небрежности оно всегда почти представляло ихъ несвоевременно (указъ митроп. 2 ноября 1740 г.). Все это значительно увеличивало работу для кіевской консисторіи, которой митр. Заборовскій за это постарался увеличить жалованье въ 1740 г. (его указъ о сборахъ по всѣмъ приходамъ на прибавку жалованья консистористамъ).

излишествъ, кромѣ „харчей“ для себя и своихъ лошадей, и притомъ, чтобы во время объѣздовъ своихъ округовъ не имѣли при себѣ ни лишнихъ лошадей, ни лишнихъ людей, что причиняетъ священникамъ напрасный убытокъ и разореніе, вмѣсто пользы. Объ обидахъ со стороны протопоповъ мы разрѣшаемъ священникамъ доносить намъ; мы же знаемъ, какъ нужно будетъ поступить“...

Преподавая такими указами духовенству своей митрополіи правила должнаго поведенія и благопристойности, митроп. Рафаилъ старался о томъ, чтобы духовенство само, наконецъ, сознало высоту и отвѣтственность своего положенія, какъ пастырей и учителей народа, и относилось къ своему служенію съ ревностнымъ усердіемъ, назидая своихъ пасомыхъ и дѣломъ жизни, и словомъ ученія. Глубоко скорбѣлъ митрополитъ, что быть учительными пастырями очень многіе священники его митрополіи не могли, вслѣдствіе собственной малограмотности. Помочь этому горю было трудно. Но и тутъ архипастырь не останавливался. Онъ по крайней мѣрѣ добивался того, что хоть нѣсколько заставлялъ священниковъ уяснять себѣ сущность христіанства и священнослуженія христіанскаго. Онъ каждаго ставленника, прежде посвященія его на приходъ, держалъ при своей каѳедрѣ до той поры, пока тотъ не выучивалъ катехизиса, подъ руководствомъ экзаминатора, и не пріобрѣталъ навыка къ толковому, сознательному и правильному совершенію богослуженія. Трудъ руководства ставленниками въ изученіи ими катехизиса и богослуженія, кромѣ каѳедральнаго экзаминатора, митрополитъ весьма часто возлагалъ на профессоровъ академіи [1]). Всѣхъ священниковъ епархіи онъ обязалъ имѣть въ своихъ церквахъ книги съ толкованіями заповѣдей и блаженствъ, и 26 октября 1734 г. сдѣлалъ особый запросъ всему духовенству митрополіи о томъ, исполнено ли его такое распоряженіе, и, если нѣтъ,—то почему? 31 января 1744 г. онъ предписалъ протопопамъ, чтобы они присылали ставленниковъ

---

[1]) См. многочисленныя дѣла о ставленникахъ митр. Заборовскаго, въ архивѣ кіевской духовной консисторіи.

не иначе, какъ по изученіи послѣдними букварей и катехизиса, чтобы такимъ путемъ избѣжать промедленія при посвященіи ставленниковъ, какое происходило, пока эти ставленники въ Кіевѣ изучали катехизисъ и проч...

Желая, чтобы богослуженіе отправлялось во всей епархіи съ благолѣпіемъ, по церковному чиноположенію и безъ собственныхъ измышленій священниковъ, митр. Рафаилъ въ указѣ 1736 года, между прочимъ, предписывалъ, чтобы они всѣ службы церковныя отправляли по новоизданнымъ служебникамъ, безъ всякихъ пропусковъ, а старинные служебники оставили совсѣмъ. Новопоставленнымъ священникамъ приказывалъ служить такъ, какъ ихъ обучили при митрополичьей каѳедрѣ, а протопопамъ запретилъ,—что они дѣлали, какъ дошло до свѣдѣнія митрополита,—„новообученныхъ порядочному священнослуженію при катедрѣ прелыщать къ своему старому и непорядочному", угрожая протопопамъ за отступленіе этого вызовомъ въ каѳедру на мѣсяцъ и болѣе, штрафомъ и жестокимъ тѣлеснымъ накаваніемъ [1]).

Разсылая не мало, какъ видимъ, указовъ по поводу нестроеній въ средѣ духовенства кіевской епархіи, митр. Рафаилъ Заборовскій весьма бдительно слѣдилъ за тѣмъ, насколько аккуратно и добросовѣстно исполняло духовенство его предложенія и повелѣнія. Отступниковъ и нарушителей своихъ распоряженій онъ каралъ строго денежными штрафами, заключеніемъ „подъ арестъ" въ консисторіи, сажаніемъ „на цѣпь", заточеніемъ въ монастыри въ „черную работу", „непоблажнымъ и нещаднымъ" сѣченіемъ плетьми, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ—продолжительнымъ запрещеніемъ священнослуженія и даже лишеніемъ сана. Все это оказывало должное вліяніе на

[1]) Архивъ Кіево-Подольск й Борисо-Глѣбской церкви, „Указы его священнѣйшаго величества Петра Великаго. ., отъ установленія духовнаго собранія, т. е. отъ початку Св. Синода .., имъ же послѣдуютъ универсала архіерейскіе", книга третья, л. 40 на оборотѣ.

духовенство, и мѣры архипастыря хоть медленно, но вѣрно вели къ своей цѣли. Объ этомъ, пожалуй, достаточно говоритъ уже то, что къ концу управленія Заборовскаго кіевскою митрополіею къ нему поступало гораздо менѣе разныхъ жалобъ и доношеній на духовенство, чѣмъ въ первую половину его кіевскаго архипастырства; по крайней мѣрѣ, въ архивѣ кіевской духовной консисторіи дѣлъ такого рода за первую половину правленія Заборовскаго митрополіею несравненно болѣе, чѣмъ за вторую. Читая эти дѣла, удивляешься, какъ внимателенъ, предусмотрителенъ и остороженъ былъ въ изслѣдованіи винъ духовенства митр. Заборовскій, какъ затѣмъ онъ былъ всегда готовъ помиловать виновнаго, если только послѣдній давалъ обѣщаніе исправиться. Но на ряду съ этимъ видишь, насколько велико было въ немъ недовольство, если священникъ, разъ давшій ему слово исправиться, нарушалъ таковое. Тутъ архипастырь становился непоколебимо вѣрнымъ своимъ угрозамъ и приводилъ ихъ въ исполненіе со всею точностью. Наконецъ, изъ этихъ же дѣлъ можно видѣть, какъ онъ цѣнилъ, одобрялъ и ставилъ въ примѣръ другимъ—іереевъ чистой и безукоризненной жизни, глубокаго благоговѣнія, аккуратной пастырской дѣятельности. Въ такихъ іереяхъ, разумѣется, не было недостатка и въ то время, и м. Рафаилъ всегда оказывалъ имъ вниманіе и благоволеніе, которое, по смерти ихъ, переносилъ на ихъ дѣтей, заботясь объ ихъ образованіи, помогая имъ въ нуждѣ и горѣ,— и на ихъ вдовъ, на пропитаніе которыхъ часто повелѣвалъ священникамъ, преемникамъ ихъ мужей, выдавать извѣстную часть доходовъ.

Д. В.

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

XXXII.

На другой день послѣ сватанья былъ праздникъ „Семена“ (Симеона столпника, 1-го сентября), и Машка отправилась въ церковь, надѣвъ поверхъ шелковаго головного платка вѣнокъ изъ дѣланныхъ лавочныхъ цвѣтовъ, занятыхъ у кого-то, пока Сохва на базарѣ въ Бемовкѣ купитъ новый. Вѣнокъ этотъ обозначалъ, что Машка „вже засватана“, и, разумѣется, обращалъ вниманіе всѣхъ односельчалъ на нее.

— Чія це?

— Оця, бачъ, не заседилась...

— А! це того „Попка“ сестра —и подобныя фразы слышались въ компаніяхъ бывшихъ въ церкви селянъ.

„Титка Горпына“, еле стало свѣтать пошла домой „на деревню“, спѣша распорядиться по дому и затѣмъ отправиться на базаръ, кой чего купить для ожидаемыхъ къ вечеру сватовъ и, само собою, повидать и познакомиться съ ними на базарѣ.

Хведько съ Сохвою тоже пошли на Бемовку, они тоже знали, что тамъ встрѣтятъ стариковъ Тесленковыхъ.

Такъ и случилось. На базарѣ еле успѣли кое что купить по общему совѣту съ „титкою Горпыною“, какъ въ числѣ вы-

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 1.

ходящихъ изъ церкви увидѣли Польку съ какою-то пожилою женщиною рядомъ. Полька указала этой женщинѣ брата и „титку Горпыну". Это была будущая свекровь Машки „стара сваха". Недалеко вслѣдъ за ними шелъ и мужъ Польки со старикомъ Тесленкомъ. Они всѣ другъ съ другомъ поздоровались, при чемъ Теслиха назвала родню Машки „мои люби сваты" и особо ласково кивала головой.

„Сваты"—Хведько, Полька съ мужемъ и „титка Горпына"—были приглашены стариками Теслями въ трактиръ Вовка, а Сохва, забравъ съ покупками мѣшокъ, пошла домой. Поверхъ мѣшка былъ наколотъ купленный для Машки въ лавкѣ вѣнокъ: „щобъ не помьявся".

Въ трактирѣ за особымъ столомъ усѣлась вся компанія. Пока старикъ Тесля бралъ водку, жена его вышла на минутку на базаръ и принесла паляницу и арбузъ.

Хотя при угощеніи сватовъ и говорили взаимныя любезности и по мѣрѣ „частуванія" слова „сватъ и сваха" обратились въ „сваточокъ" и „сванечко", но тѣмъ не менѣе во всей бесѣдѣ сквозило взаимное выпытываніе сватомъ со стороны невѣсты: хотѣлось знать, чего именно потребуютъ въ приданомъ Машки и что можетъ дать отецъ жениха въ „помочь" на свадьбу. Тесли же намекали на то, что какъ бы ни было, а все-таки слѣдуетъ дать, что возможно, и что, при неимѣніи отца-матери у невѣсты, роднымъ слѣдуетъ пособить, чѣмъ смогутъ. Большую и даже преимущественную роль въ этихъ дипломатическихъ разговорахъ исполняли „титка Горпына" и сваха Теслычка, такъ какъ Полька съ мужемъ и Хведько вообше помалкивали, а „старый" Тесля только поддакивалъ женѣ. Но категорическихъ рѣшеній на сей разъ не воспослѣдовало, такъ какъ такіе вопросы не разрѣшались въ трактирѣ, а откладывались до окончательнаго обсужденія „въ господи" за „отцивськымъ" хлибомъ-силью, передъ своимы „богамы (образами)". Между прочимъ было рѣшено, что сваты со стороны невѣсты побываютъ съ родными у Тесленковъ въ четвергъ. Нарочно выбирался день скоромный, ради удобства подчиванья гостей, которые хотѣли было

отложить посѣщеніе на воскресенье, но „старый Тесля“ настаивалъ на четвергѣ, намекая на возможность и свадьбу самую играть въ воскресенье. Родичи Машки хорошо понимали, „куды винъ гне“, уразумѣли, что старикамъ Теслямъ хотѣлось взять невѣстку во дворъ до начала копки свеклы на плантаціяхъ, „щобъ вона поробылась на ныхъ и де що вернула“ съ затратъ на свадьбу. Все это не высказывалось вслѣдствіе неумѣстности такихъ дебатовъ въ трактирѣ.

Роспили бутылку водки, закусили арбузомъ съ паляницею и стали расходиться.

Передъ выходомъ изъ трактира Хведько замѣтилъ подошедшихъ къ стойкѣ городского знакомаго на деревяшкѣ (на мылыци) со Шкавромъ и Шляховымъ. Встрѣча эта его шокировала; ему совѣстно было общаться съ ними при цѣлой компаніи своихъ и сватовъ, и при томъ во время одной изъ обрядовыхъ стадій семейнаго событія, въ которомъ ему предстояло играть роль „если не батька“, то все-таки главы семейства. Пріятели хоть и узнали его, но со своего рода тактомъ отстранились отъ привѣтствій, понявъ, что онъ „витается“ со сватами.

На базарѣ сваты разошлись, но Полька съ мужемъ, Хведько и „титка Горпына“ еще долго стояли подъ заборомъ одного изъ дворовъ, дебатируя вопросъ о взысканіи денегъ съ Сугыбы, а также о томъ что „Тесли сдаются соби люде ничого“. Порѣшено было передъ посѣщеніемъ сватовъ зайти къ Полькѣ, пригласить „дядыну Катрю“ и тогда ужъ вмѣстѣ отправиться къ Теслямъ на „печоглядыны (печь глядѣть“—увидать обстановку жизни семьи, въ которую приходится отдавать свою дѣвушку). Вмѣстѣ съ тѣмъ „титка Горпына“ пообѣщала или сама пойти въ волость въ субботу съ „дивчатами“, т. е. съ Полькою и Машкою, посудиться съ Сугыбою, или своего „Петровыча“ (мужа) уговорить пойти. Хведько провелъ „титку Горпыну“ до плотины, по которой и пошелъ на Андреевку.

Базаряне б. ч. шли домой напрямикъ черезъ лугъ, и потому попутчиковъ у него по плотинѣ не было: онъ шелъ одинъ, задумавшись и свѣсивъ голову. Подумать было о чемъ: пред-

стояло не мало хлопотъ по случаю свадьбы, нужно было разрѣшить вопросъ о принятіи на квартиру бондаря, гадать и думать о томъ, отдастъ ли Сугыба долгъ, и о томъ, какъ придется устроиться самому на хозяйствѣ.... Все это, перебивая одно другое, тѣснилось въ мысляхъ Хведька и никакъ не укладывалось въ желанный порядокъ. Среди такихъ раздумываній, мимолетно пришла въ голову мысль о возможности имѣть свою лошадь, зарабатывать ею на предстоящей markdown вознѣ свеклы.

Приближающій стукъ телѣги нарушилъ задумчивость Хведька: кто то обгонялъ его по плотинѣ на доброй гнѣдой лошади, запряженной въ московскій ярандакъ (простой возъ русскихъ крестьянъ), на которомъ оказались Шляховой съ хромымъ городскимъ знакомцемъ, солдатомъ Гандзеею.

Нагнавши Хведька, они поѣхали рядомъ съ нимъ шагомъ, и Шляховой, не здороваясь началъ:

— Що тамъ зативается?

— Сестру просваталы,—отвѣтилъ Хведько.

— Гмъ! А я думавъ, що ты самъ засватався. Ну, це дай Богъ! Дило таке. А все жъ, ты самъ не цурайся, и, якъ що можна, у вечери, такъ якъ улягома, будь дома... Гляды жъ!

И тронулъ лошадь.

Непріятна была для Хведька эта встрѣча въ то самое время, когда онъ былъ такъ озабоченъ, когда именно обдумывалъ дальнѣйшій токъ своей жизни въ мирѣ и покоѣ...

Машка управилась со стряпнею и у себя вмѣстѣ съ Сохвою ожидала только прихода Хведька. До того онѣ успѣли многое переговорить о предстоящихъ хлопотахъ и снаряженіи. Всѣ комбинаціи разбивались о недостатокъ денегъ и о трудность взысканія ихъ съ Сугыбы. Про деньги, имѣющіяся у Хведька, онѣ ничего не знали, а у самой Машки заработанныхъ было только восемь рублей съ мелочью. Не зная о задуманномъ Теслями ускореніи свадьбы, Сохва и Машка возлагали надежду на заработки при копкѣ свеклы, и первая настаивала на томъ, что Тесли должны оказать денежную помощь хотя бы въ размѣрѣ необходимыхъ затратъ на свадебныя пиршества и на прі-

обрѣтеніе кожуха для Машки. Въ бѣльѣ послѣдняя не особенно нуждалась, такъ какъ имѣлось много бѣлья еще отъ покойной матери, но кожухъ уже довольно потрепанный, какъ равно и иная верхняя одежа. А свадебнее угощеніе, подарки— все это, по самой скромной смѣтѣ, требовало не менѣе 50 рублей, если не больше...

— Якось то Господь управыть та Царыця Небесна—рѣшила Сохва, какъ бы отрываясь отъ этихъ неразрѣшимыхъ задачъ.

— Щось це нашъ молодый батько забарывся.. а воно хоть и празныкъ, а треба бъ де-що на городи попорать. У мене й доси ще неэбирана цыбуля, тай макъ... такъ якъ наломала, такъ и доси лежыть у комори. Та ще, бачъ, кадовбы... чы вже подождать, якъ до васъ бондари прыбудуть—громко соображала Сохва.—А ось и винъ!—добавила она, увидавъ подходящаго Хведька.

Машка собрала обѣдать. Молча обѣдали: каждый думалъ свое. Машка, какъ и слѣдуетъ быть засватанной дѣвкѣ, имѣла какой-то разсѣянный видъ: у нея то приходили на мысль тѣ работы, о которыхъ она толковала съ Сохвой, то вдругъ вспыхивало чувство любви во всей обаятельности его для нея. Она какъ бы всѣмъ своимъ естествомъ чувствовала близость своего жениха—даже въ жаръ ее кидало по временамъ.

Хведько теперь обдумывалъ, какимъ образомъ отдать сестрѣ или Сохвѣ имѣющіяся у него деньги, не объясняя, какъ и откуда онѣ ему достались. Сохва, очевидно, была только опечалена, убѣжденная въ полнѣйшемъ недостаткѣ средствъ къ обряженію невѣсты.

Встали изъ-за стола, помолились, поблагодарили другъ друга взаимно и опять, пока Машка прибирала со стола, молчали.

— Ну, оце Богу благодареніе й пообидалы й поседилы, якъ слидъ,—нехай у васъ все добре сидае, а лыхо мынае, якъ то кажуть... а теперъ зновъ за дило—отозвалась Сохва, поднимаясь съ мѣста.

— Колы, пакъ, обицявъ бондарь надійты? Наче, казавъ, празныкомъ. Воны скилько платылы торикъ за кватырю?—спросила она.

— Висимъ рубливъ—отвѣтила Машка.

— Такъ оть може й уси гроши оддасть напередъ—треба буде його попрохать; та ще отъ що: ты жъ ото якось купувавъ ременю,—такъ и пошевцюй, облагодь сестру—настаивала Сохва:—завтра почынай, благословывшысь—и пошла домой, а вмѣсто нея въ хату вошло нѣсколько „дивчатъ", подругъ Машки.

Всѣ онѣ (ихъ было пять) какъ будто бы не знали о возможности встрѣчи съ Хведькомъ, и каждая считала себя обязанною сконфузиться. Хведько же на самомъ дѣлѣ сконфузился и не зналъ, что ему дѣлать. Онъ молча взялъ шапку и черкеску и вышелъ въ сѣни, гдѣ уже одѣлся и пошелъ въ садъ. Немного погодя онъ услыхалъ голосъ сестры, протяжно крикнувшей: я жъ иду зъ дивчатами,—а затѣмъ веселый смѣхъ ея подругъ.

XXXIII.

Долго стоялъ онъ въ садку, передумывая опять то, какъ ему отдать деньги Машкѣ „на справу" и какъ объяснить ихъ происхожденіе. Прилегъ было на раскинутой черкескѣ, думая соснуть, но такъ сонъ его и не взялъ. Перезвонили къ вечернѣ; по мостамъ протуркотѣли телѣги, очевидно въ поле, за оставшимися отъ всего урожая коноплями; солнце скатывалось за наползавшую съ запада тучу... Хведько поднялся и поплелся въ хату, гдѣ досталъ изъ чулана заготовленный „товаръ" (кожевенный), разсмотрѣлъ его, подошвы намочилъ въ лоханкѣ, подобывалъ весь „струментъ", но послышались чьи то шаги и голоса, и въ хату вошелъ въ сопровожденіи Сохвы бондарь-рядчикъ.

Поздоровались вошедшіе, причемъ Сохва отрекомендовала Хведька:

— Оце саме й хазяинъ... сказала она бондарю..

Ну, здравствуй, коли ты хазяинъ! А мы вотъ ваши квартиранты зимніе, налётные... сказалъ бондарь, высокій, осанистый русакъ, одѣтый въ синій длинный кафтанъ со сборами и короткой таліей.

Бондари пріѣзжаютъ на винокуренные заводы только на зиму, когда идетъ винокуреніе. Обыкновенно „рядчикъ“ самъ рядится съ заводоуправленіемъ о томъ, сколько и по какой цѣнѣ будетъ дѣлать бочекъ для завода изъ новой клепки и „пересыпать“ старыхъ. Онъ уже отъ себя нанимаетъ артелѣ бондарей у себя на родинѣ (всѣ они большею частію Рязанскіе).

Вотъ такой рядчикъ бондарь, Елисей Саввичъ Зихѣевъ, нѣсколько ужъ лѣтъ работавшій на Андреевскомъ винокуренномъ заводѣ и пришелъ къ Хведьку нанимать квартиру на зиму, для своей семьи, состоявшей изъ него, жены и дѣвочки подростка. Зихѣевы прошлую зиму жили въ Самченковыхъ хатѣ, и теперь Елисей Саввичъ опять пришелъ. Хведька онъ не зналъ, такъ какъ тотъ тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Дѣло сладилось скоро: бондарь согласился дать за квартиру десять рублей, но выговаривалъ себѣ право пользованія повѣтью съ хлѣвомъ, такъ какъ онъ разсчитывалъ держать корову и, можетъ быть, откормить какого нибудь кабана. Къ „Здвыженью“ (Воздвиженіе Честнаго Креста Господня)—14 сентября должна прибыть и семья бондаря съ артелью. При началѣ работъ на заводѣ онъ обѣщалъ дать сколько-нибудь денегъ впередъ.

Бондарь пошелъ, а Сохва осталась еще „де-що поговорыть“.

Разговоръ начался съ того, что она, примѣтивъ добытый сапожничій „струментъ“ и намоченный въ лоханкѣ подошвенный ремень, похвалила Хведька.

— Отъ такъ бы й давно. А же вміешъ шевцювать—и шевцювавъ бы... а за тѣмъ рѣчь перешла на злобу дня—обсужденіе хода свадьбы. Хотя сватъ и „натякавъ“ на возможность обвѣнчать молодыхъ сейчасъ же въ воскресенье, но врядъ

ли и думать объ этомъ прійдется. У Машки много еще несобраннаго. Скрыню материну нужно осмотрѣть—можетъ быть и это сгодится; а еще жъ необходимо купить „образъ", платковъ для подарковъ, сколько ихъ потребуется, какъ столкуются со сватами. Да и вообще всего нужно—ложекъ и чашекъ деревянныхъ для гостей... Затѣмъ, какъ быть еще съ кожухомъ?.. Вотъ на „Здвыженья" на ярмаркѣ все бы это было призапасено, колибъ были гроши. Прійдется поторговаться со сватомъ. Если ему ужъ такъ спѣшно—пусть дастъ помощи. „На буряках"—т. е. на копкѣ свекловицы—Машка отработаетъ. А имъ то, очевидно, и хочется до той поры закончить „весилля". Да вотъ еще метрику „выправлять у попа"... Самъ ли сватъ возьмется за это дѣло или навяжетъ имъ. А къ попу по такому дѣлу съ пятишницей и соваться нечего. Все это деньги и деньги, а гдѣ только ихъ брать?.. А и миновать этого нельзя. Когда ужъ „трапляются люде", то и не слѣдуетъ упускать случая. Можетъ быть, „титка Горпына" де-що пособитъ, а тамъ, Богъ дастъ, „дивчата" (Полька и Машка) хоть часть денегъ взыщутъ съ Сугыбы, да и сватъ не долженъ бы отказать въ помощи... Какъ-нибудь Богъ управитъ. Въ виду обѣщанія бондаря, Сохва предложила у нея взять пока денегъ... Вообще все это обсужденіе вела она, а Хведько только слушалъ, сидя, опершись локтемъ на столъ.

Нѣсколько разъ подмывало его сказать Сохвѣ, что у него есть болѣе десяти рублей, но совѣстливость мѣшала ему сдѣлать это, такъ какъ при этомъ пришлось бы и указать источникъ этихъ денегъ. У Сохвы тоже вертѣлась одна мысль—это то, какъ устроится Хведько послѣ выхода Машки въ замужество и когда переселится въ хату Самченковыхъ бондарь съ семьею; гдѣ тогда онъ будетъ жить, какъ харчиться... Машка, въ промежуткахъ службы въ людяхъ, только навѣдывалась въ хату и въ „коморю", гдѣ была сложена вся ихъ „худоба", а то пребывала у нея, Сохвы. Какъ же быть съ Хведькомъ? Не брать же ей его въ нахлѣбники... „Поговору" не оберешься. А можетъ быть и онъ куда-нибудь наймется...

— Ну, пійду же я... закончила Сохва разговоръ,—а то до мене Машка зъ своимъ жоныхомъ мабуть прыйде... и она пошла изъ хаты.

Смеркало. По улицѣ проѣзжали выбравшіеся съ сохами въ поле пахать завтра; проѣхала цѣлая компанія въ ночное съ лошадьми; скотина ужъ позагнана, дѣтвора поугомонилась... Только гдѣ-то съ выгона доносилась пѣсня дивчатъ, да шумъ водяной мельницы. Предстояла темная ночь: закрывшая скатившееся солнце туча мало по малу расплылась по всему горизонту.

Хведько сидѣлъ задумавшись ва крылечкѣ. Вотъ и Машка, распрощавшаяся съ подругами со словами „гляды жъ, сестрычко, я на тебе надіюся!"—вскочила въ калитку, а затѣмъ мимо Хведька въ хату.

Тамъ она скинула головную повязку съ вѣнкомъ и, переодѣвшись, позвала Хведька вечерять. Она знала, что ея женихъ по обычаю долженъ прійти ночевать къ ней, и понимала, что у себя въ домѣ можно будетъ только угостить его, а спать прійдется идти къ Сохвѣ, такъ какъ у нихъ дома нѣтъ никого старшаго.

Дѣйствительно, еще не успѣли они усѣсться за вечерю, какъ кто то постучалъ въ окно. Выбѣжавшая Машка ввела въ хату своего жениха и еще другого молодого парня—„боярына". Вошедшіе поздоровались, но не смотря на упрашиванье, не захотѣли садиться вечерять, а только усѣлись на лавкѣ въ сторонѣ отъ стола... Подавъ на столъ страву, Машка и себѣ не сѣла ужинать, а сидѣла молча въ концѣ стола. Ужиналъ одинъ Хведько. Разговоръ не вязался: на заданные вопросы женихъ отвѣчалъ кратко.

Хведько повечерялъ, всталъ, помолился, а Машка убирала со стола. Въ это время послышались чьи то шаги на крыльцѣ, въ сѣняхъ, и въ хату вошла Сохва. Она поздоровалась съ парнями и, подождавъ, пока Машка убирала со стола, сказала ей:

— Пійды до мене—тамъ тебе подруга жде...

Всѣмъ было понятно, что Сохва пришла съ намѣреніемъ перевесть жениха съ бояриномъ и Машку къ себѣ, но тѣмъ не менѣе никто не подалъ вида, что понимаетъ этотъ маневръ. Даже Машка, не прерывая мытья ложки и миски и закрывая заслонкою печь, какъ бы нехотя, шепотомъ спросила:

— Яка тамъ подруга?—

— Така! Орышка Плахотына... отвѣтила Сохва и добавила:

— Иды-жъ, иды, а я тутъ сама допораю...

Машка, накинувъ какую то „куцыну", вышла изъ хаты, и вслѣдъ за нею вышелъ женихъ. Не сейчасъ послышались шаги ихъ на крыльцѣ: очевидно, Машка пріостанавливалась поговорить въ сѣняхъ съ женихомъ.

Сохва пригласила съ собою и товарища жениха. Дома остался одинъ Хведько.

Пришедши домой, Сохва застала въ хатѣ только оставленную ею Орышку, что-то налаживающую около печи. Приведеннаго парня Сохва пригласила присѣсть на лавкѣ, а сама, перешепнувшись съ дѣвушкой, взяла какую-то миску и вышла въ сѣни. Немного погодя явилась Машка со своимъ женихомъ, котораго она провела сюда огородами и садками.

На припечку развели огонь, и тамъ скоро засквОрчала яичница на сковородѣ.

Парубковъ—жениха и его боярина—усадили за столъ, накрытый чистою скатертью, и попросили вечерять. Сохва усѣлась съ ними, а дивчата только „услуговалы". У „хлопцивъ" оказалась съ собою бутылка какой то цвѣтной водки, извѣстной въ то время подъ именемъ „красной"—въ народѣ и специальной—въ торговлѣ и акцизномъ вѣдомствѣ. Специальность ея состояла въ подкраскѣ въ розовый цвѣтъ, чуть ли не фуксиномъ, и въ произвольной крѣпости, градусами никакъ не болѣе 25%. Употреблялась эта „красная" тогда, когда приходилось подчивать какое либо вновь избранное сельское начальство, которое заявляло, что „воны простои не вжываютъ", а только красну (хотя бы въ нее, замѣтимъ кстати, и подбавлялось спирту), и

когда затѣвали угощать, какъ вотъ и въ описываемомъ случаѣ, женскій полъ, а особенно дивчатъ.

Подчивалъ бояринъ и настоялъ на томъ, чтобы и дивчата выпили, что онѣ и сдѣлали, жеманясь, морщась и по нѣсколько разъ отказываясь. Сохва, которой была поднесена 1-я рюмка, выпила степенно, съ подобающимъ приговоромъ:

— Дай же вамъ, Господы, Царыця Небесна, усякои вдачи у тому, що вы задумалы, щобъ Богъ мылосердный помигъ у мыри й согласіи усе й до конця довесты, якъ и почалы. Нехай легко згадается сватови и сваси и всимъ родычамъ. Будьте здорови, отецьки сыны и батькови дочкы!—выпила и остатки выбрызнула къ потолку, добавивъ:

— Щобъ такъ наши молоди пидскакувалы.

Хлопцы было припомнили, что слѣдовало бы позвать сюда и Хведька, но Сохва отклонила это приглашеніе. Онъ былъ бы здѣсь лишнимъ и стѣснялъ бы жениха съ невѣстой.

Пока шло такимъ образомъ угощеніе, слышно было, какъ подъ окнами топтались любопытные. Со средины улицы послышалось нѣсколько возгликовъ и нарочно громкій „реготъ“ парубковъ. Возгласы эти были своего рода угрозами и демонстраціей, направляемыми по адресу „чужихъ хлопцивъ“, затесавшихся въ „нашу слободу“ къ дивчатамъ. Но эта компанія вскорѣ разошлась, разъ потому, что Хведько, вышедшій изъ хаты, понимая смыслъ этихъ демонстрацій, нарочно прошелъ мимо двора Сохвы, а во вторыхъ и потому, что съ вечера еще наползавшая туча разразилась сильнымъ дождемъ, отбившимъ всякую охоту подсматривать и угрожать чужимъ парубкамъ, да еще подъ опасеніемъ быть побитымъ этимъ здоровымъ „Попкомъ“, очевидно охраняющимъ спокойствіе своихъ.

Закусили, поѣли яишницу, порѣзанный арбузъ, выпили еще красной съ Сохвою, такъ какъ дивчата наотрѣзъ отказались пить, и хлопцы высыпали на прибранный столъ „всяки зайидкы“. За этими „зайидками“ хлопцы думали было доподчивать оставшуюся „красную“, но такъ какъ, не говоря о дивчатахъ, Сохва не захотѣла пить, то пиршество на этомъ и кончилось.

Дождь все болѣе и болѣе усиливался, о чемъ сказала Сохва, выходившая изъ хаты. Хотя по мѣстному обычаю и принято, что женихъ обыкновенно ночуетъ (спитъ) съ невѣстой, тѣмъ не менѣе это дѣлается будто бы скрытно, но дождь въ данномъ случаѣ далъ поводъ сказать Сохвѣ:

— Ну, хлопци! Будете, мабуть, тутъ у насъ ночуваты, бо тамъ таке хлющыть...

Хлопци одинъ за другимъ выходили посмотрѣть и каждый говорилъ:

— Иде, не перестае.—Темно...

Дивчата тоже, какъ бы для убѣжденія, выбѣгали и, возвращаясь, повторяли:

— Хоть око выколы... такъ темно, а винъ ажъ шкварчыть...

— Вже не що, якъ оце прыходытся вамъ, хлопци, заночуваты въ насъ... А ну-те, дивчата, котора не боязька, возьмить рядно, та пійдить за соломою.

Дивчата будто не рѣшались; на повтореніе предложенія съ добавленіемъ, что „хлопци проведуть ихъ, щобъ що не злякало",— Машка съ Орышкою прикрылись чѣмъ то и въ сопровожденіи парней пошли принесть соломы. Сохва тѣмъ временемъ прибрала кой-что съ лавки и около печи и ушла въ „валькиръ" собрать постель.

Со смѣхомъ и шутками парни втащили, сколько можно было захватить въ рядно соломы. Нельзя было не замѣтить, что возвратившіеся съ экспедиціи какъ бы больше ознакомились другъ съ другомъ. Несшаго на себѣ солому жениха Орышка толкнула на опущенную на полъ солому, а Машка пхнула на него же Орышку. Очевидно, это было продолженіе шутокъ и заигрываній, начатыхъ еще въ повѣткѣ, гдѣ набирали солому. Сохва, какъ бы унимая ихъ, сказала:

— Ну, буде! Стелить, а то вже не рано.—Дивчата разровняли солому, стараясь отобрать смоченную дождемъ, прикрыли ее добытымъ изъ чулана Сохвою рядномъ и въ головы положили большую одну подушку. Затѣмъ Сохва стала молиться Богу, а за нею хлопцы и дивчата.

— Ну! отъ и розмищуйтесь, роздягайтесь, а я каганець визьму въ валькиръ—сказала она и пошла туда съ дивчатами..

Хлопцы стали раздѣваться, раззулись и легли. Въ „валькирѣ“ слышно было, какъ стлалась Сохва... Сохва вышла и хлѣборѣзнымъ ножомъ похрестила окна, двери и отверстіе (челюсти) печи.

— Що, гараздъ?.. спросила она хлопцевъ.

— Ничого—добре!—отвѣтили они. Дивчата шептались. Наконецъ и каганецъ затушенъ; темно стало..

— На, понесы пидложы пидъ головы, а то нызько—сказала Сохва Машкѣ, подавая какую то одежу, и повернулась къ стѣнѣ. Та шепнула что то Орышкѣ и пошла „пидмощувать“, но уже назадъ не возвратилась...

XXXIV.

Хведько, вышедши на крыльцо и услышавъ демонстративные восклицанія противъ дома Сохвы, какъ уже было сказано, счелъ нужнымъ охранять ихъ отъ нескромныхъ подглядывателей, и потому, накинувъ на себя старую одежину, заперъ хату и пошелъ ко двору Сохвы. Его высокая фигура, а отчасти и все усиливающійся дождь, разогнали молодежь, и онъ вернулся домой, постоялъ немного у себя на крыльцѣ и, не зажигая огня, улегся спать съ тѣмъ, чтобы по утру приняться „шевцювать“.

Къ полночи кто то постучалъ къ нему въ окно. На окликъ: хто тамъ?—ему отвѣтили:—Выйды, хазяинъ!—

Нехотя обулся Хведько, накинулъ на себя черкеску и вышелъ.

Небо прочистилось, порванныя вѣтромъ тучи уже „зашматкувалыся“, и можно было разсмотрѣть, что на скрипъ отпираемыхъ дверей у калитки показалась какая-то человѣческая фигура.

Не успѣлъ онъ отозваться, какъ фигура эта вскочила на крыльцо и шепотомъ спросила:

— Хто въ тебе йе дома?—Хведько узналъ Шляхового, который, послѣ отвѣта „я самъ"—вошелъ въ сѣни и потянулъ за собою хозяина.

— Не свиты и такъ побалакаемо, якъ що никого нема въ хати... Никого нема?—

— Кажу—самъ.—

— Отъ и добре! Слухай! заразъ же иды прямо на гору, а якъ выйдешъ поверхъ проваллл, то не дуже голосно свисны; тоди прыслухайся, де хропоне по кабанячы два разы,—туды и йды на голосъ. А видтиля зъ тымъ, хто тамъ буде, товаръ заведешъ у лисъ до Плахоти, та тильки не горою, а зновъ такы по вашій улыци. Здай товаръ и нехай його береже ажъ до другои ночи, а тамъ, колы можно буде, бродкомъ переведешъ до Стрибуля; якъ же що бродкомъ не можна буде, то веды на Бемовку, о-пивночы, кругомъ. Тильки дознайся: теперъ у Богатыря иде помолъ на вси заставкы—воды на бродку не повынно буты багато. Заразъ же справляйся, а я пійду—мене тамъ ниджыдають.—Та гляды-жъ!..

Хведько хотѣлъ что-то возразить, припомнилъ, что днемъ онъ видѣлъ Шляхового съ солдатомъ Гандзею... но такъ и остался, ибо гость сейчасъ же ушелъ.

Не хотѣлось Хведьку исполнять порученія, но некуда было дѣться. Взявъ шапку и прихвативъ какую-то палку, онъ отправился по указанію и тамъ нашелъ незнакомаго человѣка съ четырмя лошадьми. Незнакомецъ разсказалъ ему, что за лошадьми должна быть погоня, а потому „возомъ" поѣхали одною лошадью черезъ слободу и нарочно должны были остановиться около подваловъ, чтобы ихъ видѣли проѣзжающими на одной лошади, а этихъ нужно провесть по двѣ, какъ будто съ ночной пашни пастухи проѣхали.

Такъ и сдѣлали. Кони были сданы Плахоти, и тамъ же остался и незнакомецъ. Хведько вернулся домой, когда уже въ нѣкоторыхъ хатахъ свѣтился огонь и изъ нѣкоторыхъ трубъ показывался дымъ, и завалился спать.

Уже солнце, взошедшее на очистившемся отъ тучъ небѣ, высоко поднялось, когда пришедшая второй разъ Машка кое-какъ добудилась Хведька.

Проснувшемуся и впустившему ее въ хату она разсказала, что и она, и Сохва приходили по разу будить его еще до свита, но никакъ не могли достучаться.

Къ начавшей „пораться" около печи Машкѣ вскорѣ зашла и Сохва съ какою-то работою. Хведько, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ около лавки и сапожничалъ. Бойкая Сохва сейчасъ же обратила вниманіе на то, что валявшіеся подъ лавкою сапоги Хведька какъ-то особенно загрязнены сѣрою мѣловою грязью, какой у нихъ на улицѣ не бываетъ. Она что-то соображала молча. Когда Хведько всталъ за чѣмъ-то со своего „дзыглыка", то она замѣтила, что его казинетовые штаны съ внутренней стороны были загрязнены и съ прилипшею какою-то шерстью; очевидно ей стало, что онъ ѣздилъ верхомъ на лошади, и при томъ лошади мокрой.

Цѣлая нить соображеній потянулась въ мысляхъ молодицы, но, при всей ея догадливости и жизненной опытности, нить эта никакъ не распутывалась.

Если даже допустить, что ночью онъ—думала она—ходилъ къ Мелашкѣ, что доказывалось мѣловою грязью на сапогахъ, добытою на плотинѣ, мощеной мѣломъ, то откуда жъ эти явные слѣды ѣзды верхомъ на лошади...

Разспрашивать при Машкѣ она не хотѣла, а по ея живому темпераменту и терпѣнія не хватало...

— Ты бъ шевче, шыючы нови чоботы, пожаливъ бы стари, та обмывъ бы ихъ одъ крейды, а то вона пройидае товаръ— сказала Сохва Хведьку. Въ другое время и Машка обратила бы вниманіе на это обстоятельство, но теперь, пораясь около печи, она мыслями была со своимъ женихомъ.

Хведько понялъ намекъ и, доставъ сапоги, хотѣлъ было мыть ихъ надъ помойницею, но Сохва прогнала его съ хаты въ сѣни, куда и сама вслѣдъ вышла. Пока онъ отчищалъ предварительно грязь, она напрямикъ спросила его:

— Де це ты, хлопче, валандався по крейдяній грязюци?..

Хведько сконфузился и покраснѣлъ...

— Це ты ажъ до неи тёпався?.. Щожъ не кажешъ?..

— Та це зъ вечора ходывъ хлопцивъ одганять одъ твого двора...

— Ты кому-небудь кажы, а не мени. Въ насъ на юлыци крейдянои грязи нема.. А це де-жъ набрався шерсти?—указала она на штаны?

Хведько растерялся и положительно не зналъ, что сказать..

Молодица укорительно покачала головою...

— Ну, гляды жъ, я тебе высповидаю, усёго допытаюся—сказала она и пошла въ хату къ Машкѣ.

Обмывши сапоги и поставивъ ихъ на крыльцѣ обсохнуть, Хведько зашелъ въ чуланъ и, тамъ передѣвъ какіе-то штаны, вошелъ въ хату и сѣлъ за свою работу.

Машка упрашивала Сохву оставаться у нея, пока прійдутъ къ ней какія-то подруги съ Орышкою, чтобы помочь ей что-то шить, но Сохва усумнилась въ томъ, что онѣ прійдутъ раньше какъ послѣ обѣда, и пошла, сказавъ, чтобы Машка съ подругами лучше всего приходила къ ней, а то тутъ будутъ мѣшать Хведьку..

Наварила обѣдать Машка и занялась какимъ-то шитьемъ. Хведько сапожничалъ и передумывалъ замѣчанія, сдѣланныя Сохвою, а также то, какъ отвильнуть отъ объясненій съ нею и какъ опять ночью устроить переправу лошадей къ Стрибулю, какъ пойти осмотрѣть воду, высока-ли она, можно-ли будетъ перебресть рѣчку, или прійдется ѣхать кругомъ по плотинѣ, а послѣ—на Бемовку. Онъ вспомнилъ, что сегодня еще и не завтракалъ, но не хотѣлось ему прерывать работу, тѣмъ болѣе, что можно и пообѣдать пораньше.

— А що, Ма́шко, чы скоро можно буде пообидать?—спросилъ онъ сестру.

— Та отъ ще трохы—юшка упріе, то й обидатымемо, бо й я пійду до Сохвы, якъ прыйдуть дивчата—отвѣтила Машка.

Такъ и проработали они до обѣда.

Не успѣла Машка прибрать посуду, помыть ее и подместь хату, чего она, чтобы не мѣшать брату, не дѣлала раньше, какъ къ нимъ вошла Сохва, какая то встревоженная, запыхавшаяся, очевидно, прибѣжавшая огородами, потому что не видно было ее идущею отъ воротъ. Она сѣла на лавкѣ и, дождавшись, пока Машка подмела хату, спровадила ее къ себѣ.

— На ключъ, тай йды до мене! Якъ хто сюды навернется зъ дивчатъ, то я ихъ туды за тобою справлятыму.

Машка пособрала что-то въ платокъ и пошла. Еще не сошла она съ крыльца, какъ уже послышалось ея пѣніе.

— Заспивала!—замѣтилъ улыбаясь Хведько.

— Якои оце ты мени заспиваешъ?—сказала строго Сохва, не отвѣчая улыбкой на его улыбку.

— А, може, послухай моеи писни.. добавила она.. Ось слухай.

Хведько насторожился.

— Я оце ходыла до Журыливъ, такъ тамъ розсказувалы, що у насъ въ слободи шукають коней покраденыхъ сю ничъ у Бобчанського пана. Кажуть, слидъ дойшовъ до гамазеивъ, що на гори, а писля повернуто зъ горы не по дорози, а прямо ажъ до супікы, а тутъ вже слидъ пропавъ, забыто його—сказано, вулыця... Тамъ, розказувалы, и старшына й соцькыхъ ажъ тры побиглы на Бемовку, на Куколевщыни булы... Становый, казалы, прыбижыть сёгодня...

Хведько поблѣднѣлъ и поднялся съ лавки.

— Що жъ ты мовчышъ, ничого не кажешъ? Га?.

Хведько насупился, поникъ головою.

— А що жъ мени казать?.

— А чоботы у крейди, а штаны?. Це ты ходывъ по гори: тамъ крейда, це ты на коняхъ йиздывъ: на штаняхъ знать—допытывала Сохва.

— Що жъ ты мени не кажешъ? За вищо тоди тебе трохы не вбылы? Яки и хто передавъ Машци гроши, якъ ты бездыханный лежавъ?. Чого ты потаюешъ, ничого мени не кажешъ? У тюрягу знову захотивъ?. Чого тебе тоди скортило на ярмарокъ у городъ? Га! Кажы! Казала, що высповидаю...

Она схватила его за рукавъ рубахи и дергала:—кажы!.

Хведько стоялъ блѣдный и молчалъ. И страхъ, и стыдъ сковали ему языкъ. Онъ не смотрѣлъ на нее и даже отвернулся. Вдругъ Сохва выпустила его рукавъ, припала къ столу и зарыдала. Раздраженіе, испугъ отъ обнаруженія того, что ей только смутно показывалось и мысль о чемъ она отгоняла отъ себя, разразились слезами. Эта бойкая, всегда находчивая Сохва плакала, всхлипывая.

Хведько окончательно растерялся, и только, взявъ ее за плечо, повторялъ, путаясь въ словахъ:

— Чого се ты? Перестань! Та що жъ таке?.. Сохво!

Но это продолжалось не долго. Сохва поднялась, встала, обтерла рукавомъ кофты глаза и опять начала „сповидать“ совсѣмъ оторопѣлаго парня.

— Бога ты не боишся. Людей не соромышся. Тоби оце встрявать у таки дила? Забувъ есы, якого ты батька—матери? Байдуже тоби, що въ тебе на рукахъ сестра не виддана. А ты, бачъ, за яки дила прыйнявся, зъ якымы людьмы водышся.

Щожъ воно тоби на корысть, на спожытокъ? Сорому, славы ще тоби мало. Я, бачъ, за нымы вбываюся, якъ за риднымы, а винъ онъ куды погнувъ... Усе мени розскажы, ничого не потай,—я жъ вамъ обомъ сыротамъ не чужа. Я все потраплю знесты, похыстыть тебе... Сядь оттутъ и розсказуй...

— Я писля розскажу...

— Якъ це писля? Саме трусъ иде, саме зъискують, а винъ „писля“. Може заразъ до тебе прыйдуть... Де ты скынувъ ти штаны? Давай мени заразъ—я ихъ намочу, такъ не знать буде. И на указаніе, что штаны въ чуланѣ, Сохва сейчасъ же отправилась, и слышно было, какъ она въ сѣняхъ во что-то наливала воду...

Управившись въ сѣняхъ, Сохва опять вошла въ хату и со словами: „Ну, теперь розсказуй! Ничого не потаюй“—усѣлась на лавкѣ.

Хведько мрачно молчалъ. Кромѣ совѣстливости, у него стояло въ умѣ отрицаніе права женщины, какою бы она ни

была, мѣшаться въ эти дѣла, чисто мужскія. Не могъ онъ себѣ представить такого положенія, чтобы эта безукоризненная молодица, узнавъ все—что, кто и какъ—могла покрывать всѣ эти дѣла и не объявить обо всемъ. Близкій къ полному сознанію въ тотъ моментъ, когда Сохва, вслѣдствіе возбужденія, расплакалась, теперь онъ одумался и рѣшилъ не открываться ей ни въ чемъ. Онъ молчалъ, опустивъ глаза передъ проницательнымъ взглядомъ молодицы. Сохва поняла, что ему тяжело что либо сказать, что настаиванье ея только укрѣпитъ его скрытность, и сразу перемѣнила тактику.

— Ну, Богъ зъ тобою! Ты, бачу, ще мени виры не доймаешъ, тоби ҏиднійши оти твои прыятели... Богъ зъ тобою! Самъ колысь пожаліешъ... Тильки гляды! Чы йе въ тебе хто риднійшый за мене? А я тоби кажу: одступыся ты видъ цёго дила, не доведе тебе до добра ця кумпанія.. Попамъятаешъ мое слово.. И она направилась къ дверямъ, но еще разъ обернулась и прибавила: Дывысь же! шевцюй, щобъ и въ прымиту никому не попало". На крыльцѣ она встрѣтила двухъ дѣвушекъ, подругъ Машки, которыхъ и повела къ себѣ.

Въ задумчивости работалъ Хведько, съ особою силою стучалъ молоткомъ по копылу, натягивалъ дратву... И самъ онъ, помимо словъ Сохвы, сознавалъ всю низость своего участія въ кражѣ лошадей и всю опасность этого дѣла... Всякій разъ онъ дѣлалъ это неохотно, подъ стороннимъ давленіемъ, и всегда былъ бы радъ отказаться отъ этого дѣла. Нужно будетъ такъ и сказать Шляховому. Но какъ же быть теперь съ этими заведенными въ лѣсъ лошадьми?. Вести ли ихъ къ Стрибулю, и теперь, когда по словамъ Сохвы, поднялась такая тревога? Теперь не проведешь ихъ по слободѣ.—

Пока онъ такъ раздумывалъ, послышались чьи-то шаги на крыльцѣ, и въ хату открылъ двери какой-то калѣка съ обвязанной тряпками головою и съ мѣшкомъ, перекинутымъ подъ лѣвую руку.

— Подайте убогому Хрыста ради... произнесъ онъ.

Хведько приподнялся, обмылъ руки и сталъ отрѣзывать краюху хлѣба. Нищій переступилъ порогъ хаты и терпѣливо ждалъ подаянія.

— Видкиля, диду? спросилъ, подавая кусокъ хлѣба, Хведько.

Зъ Водяного, може чувалы... отвѣтилъ старецъ, укладывая подаяніе въ мѣшокъ. Голосъ нищаго показался какъ бы знакомымъ Хведьку, и не успѣлъ онъ разобраться, какъ тотъ спросилъ:

— Ты самъ тутъ? Шамро—мамро... Никого нема?

— Самъ одынъ, нема никого...

— Ну, такъ слухай. Зъ вечора заразъ пійды на кардонъ до Плахоти, одошлы Москаля, а „товаръ нехай зостается у лиси, ажъ покы скажемо, звистку дамо. А самъ ты у пъятныцю выйды на базарь и дожыдай побиля Вовкивського трахтыря“.— И нищій, въ которомъ Хведько узналъ Йосыпа, сейчасъ же вышелъ.

Постоявъ немного, Хведько усѣлся сапожничать. Нечего было и думать объ отказѣ исполнить порученіе: неисполненіе его могло повлечь за собою обнаруженіе мѣста храненія лошадей, а затѣмъ и его участіе въ этомъ дѣлѣ.

В. Иовнанскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РЕВНИТЕЛИ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ГАЛИЦІИ.

(„Живое Слово", ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ. Львовъ. 1899 г., № 1).

Въ статьѣ „Книжная рѣчь у Малороссовъ и Русиновъ" (№ 1-й 1899 г.) намъ пришлось высказать ту мысль, что условія жизни Галиціи не только не могутъ способствовать галичанамъ установленію у себя *русскаго литературнаго языка*, какъ языка своей книжности, но даже дѣлаютъ стремленія достигнуть этого вредящими ихъ національному дѣлу въ борьбѣ съ другими славянскими и неславянскими народностями въ Австріи. Эта наша мысль нисколько не исключаетъ возможности и полезности для галичанъ изучать русскій литературный языкъ, подобно тому, какъ безспорно полезно всякому знать побольше чужихъ языковъ, распространяющихъ знанія и культуру въ человѣчествѣ; мы вполнѣ убѣждены, что знаніе галичанами русскаго литературнаго языка для нихъ, не только не излишне, но во многихъ отношеніяхъ прямо-таки полезно. Но одно дѣло— знать языкъ, и совсѣмъ другое—сдѣлать его своимъ литературнымъ языкомъ. Если мы повсюду видимъ фактъ стремленія приблизить литературную рѣчь къ жизненной, народной; если въ русской литературной рѣчи были въ теченіе почти двухъ столѣтій постепенныя попытки выйти изъ круга чужеземности

на почву народной основы въ языкѣ [1]); если, наконецъ, въ настоящее время мы видимъ возникшее въ 1897 году въ Петербургѣ новое общество „Союзъ ревнителей русскаго слова", цѣлью котораго служитъ „пробуждать въ русскомъ обществѣ уваженіе къ самобытности и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи и *содѣйствовать сближенію книжнаго языка съ народнымъ*",—то, будучи логически послѣдовательными, мы не можемъ не признать, что галичане, у которыхъ основа народной рѣчи слишкомъ равнится отъ великорусской основы, входящей въ русскій литературный языкъ, не имѣютъ возможности, покинувъ свой простой народъ на произволъ судьбы, заводитъ у себя рѣчь, развившуюся при другихъ условіяхъ и совсѣмъ въ иной обстановкѣ. Повторяемъ опять, что мы, отрицая послѣднее, признали вполнѣ пользу изученія галичанами, какъ и вообще славянами, русскаго языка, почему не безъ удовольствія прочли присланное намъ печатное извѣщеніе о томъ, что въ Вѣнѣ еще въ 1897 году возникъ, съ разрѣшенія австрійскихъ властей, „Кружокъ любителей русскаго слова", поставившій своей задачей изученіе русскаго языка и заключающій въ себѣ представителей почти всѣхъ славянскихъ племенъ. Знали мы также, что въ Галиціи есть тоже кружокъ, неоффиціальный, правда, стремящійся къ изученію русскаго языка; знали мы, что многія изъ лицъ этого кружка, работая у себя дома на полѣ научномъ и литературномъ и участвуя въ изданіяхъ на вырабатываемомъ своемъ книжномъ языкѣ, прекрасно знакомы съ русской литературой, хотя и не безъ грѣха, но владѣютъ русской книжной рѣчью и въ то-же время не смѣшиваютъ желанія знать эту рѣчь съ неисполнимымъ желаніемъ сдѣлать ее рѣчью своей страны. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ, хорошо извѣстныхъ, представителяхъ старо-русской партіи въ Галиціи, которые въ теченіе многихъ лѣтъ подвизались въ своихъ писаніяхъ яко-бы на русскомъ языкѣ; отъ этого *язычья* каждый ревнитель чистоты русскаго языка, конечно, отвернется, какъ

---

[1]) См. объ этомъ обстоятельную статью Ф. А. Ватберга „Ревнители русскаго слова" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г. № 1.

отъ чего-то неуклюже-уродлаваго. Нѣтъ, мы имѣетъ въ виду исключительно *любителей изученія русскаго языка.*

Пока дѣло стояло на почвѣ *изученія*, мы вполнѣ сочувствовали всѣмъ этимъ лицамъ, не безъ удовольствія встрѣчали ихъ статьи въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и охотно мирились съ тѣми недочетами въ русской стилистикѣ, которые всегда, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, оказывались въ ихъ рукописяхъ. Но вотъ съ начала нынѣшняго года часть такихъ любителей русскаго языка сложилась въ опредѣленный литературный кружокъ, поставившій своей задачей политическую цѣль—сдѣлать литературный русскій языкъ книжнымъ языкомъ для Галиціи, для чего основали они во Львовѣ новый органъ „Живое Слово“, ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ, подъ редакціей Ю. А. Яворскаго.

Мы не станемъ повторять и развивать въ подробностяхъ тѣхъ нашихъ принципіальныхъ положеній, въ силу которыхъ мы считаемъ созданіе такого органа далеко не удовлетворяющимъ жизненнымъ потребностямъ страны и ея народа, а укажемъ только, что, по нашему мнѣнію, полное отрозненіе книжнáго языка отъ народнаго есть тормазъ въ развитіи націи. Не станемъ мы также касаться того не всегда спокойнаго тона, которымъ написаны нѣкоторыя статьи въ первомъ номерѣ этого новаго органа, т. к. мы въ данномъ случаѣ совсѣмъ не задаемся цѣлями полемическими. Не будемъ мы останавливаться и на содержаніи (сказать между прочимъ—очень не богатомъ) этого пробнаго номера, т. к. мы не имѣемъ въ виду литературно-критическаго обозрѣнія. Наша задача проще: высказавши общее положеніе, что при настоящихъ условіяхъ въ Галиціи невозможно введеніе русскаго литературнаго языка въ обиходъ ея литературы, мы хотимъ фактами, полученными нами изъ перваго номера „Живого Слова“, показать, какими перлами будетъ преисполнена галицкая литература, если осуществится тамъ задача, поставленная на значеніи этого журнала.

Основное наше положеніе, которое едва-ли кто-нибудь серьезно будетъ оспаривать, слѣдующее: для того, чтобы создать въ какой-нибудь народности хорошо выработанную книжную рѣчь, нужно, кромѣ научнаго знакомства съ языкомъ, быть пропитаннымъ тѣмъ *чутьемъ языка* (Sprachgefühl), которое, по словамъ Я. Гримма, всасывается нами вмѣстѣ съ молокомъ матери, поддерживается, затѣмъ, въ насъ всѣми условіями домашняго и общественнаго быта и окончательно укрѣпляется многообразной жизненной практикой. Спрашивается теперь, есть-ли въ Галиціи въ данное время все то, что способствовало-бы выработкѣ тамъ этого чутья русскаго литературнаго языка? Прекраснымъ отвѣтомъ служатъ факты, даваемые намъ статьями „Живого Слова“, гдѣ читатель на каждомъ шагу чувствуетъ тяжеловѣсность синтаксическаго строя рѣчи, дѣлающаго подъчасъ и самую мысль темной, не говоря уже о постоянныхъ лексическихъ промахахъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что авторы, будучи пропитаны чутьемъ родной галицкой рѣчи, силятся выражать мысли хотя и на изученномъ ими, но все-таки чужомъ языкѣ. Не угодно-ли, напримѣръ, сразу отыскать мысль въ слѣдующей фразѣ отъ редакціи: „Общее направленіе Живого Слова обусловлено историческимъ развитіемъ русской народной мысли въ австрійской Руси, цѣлой цѣпью лучшихъ ея дѣятелей и двигателей, пробивавшихъ ей путь, сквозь залегающіе нашу злополучную страну туманы, на торную дорогу“. Куда здѣсь отнести слова „цѣлою цѣпью и т. д.? А вотъ на выдержки цѣлый рядъ выраженій, которыя хотя понять и не трудно, но сразу видно, съ какой отмѣнной чистотой русской рѣчи вылились они изъ-подъ пера автора. Такъ, въ корреспонденціи изъ Петербурга(!) встрѣчаемъ къ удивленію фразу: „Мордовцевъ *засѣдаетъ въ характерѣ русскаго писателя* въ комитетѣ...“ (стр. 60)—понимай, значитъ, въ *качествѣ* русскаго писателя. Даже О. Мончановскій, главный ревнитель всего этого дѣла и лучшій знатокъ русскаго литературнаго языка, употребляетъ такіе полонизмы: „дѣятельность русской партіи *есть подвигомъ* личной совѣсти ея членовъ...“ (стр. 52). Или: „старая

партія всегда *стояла* на стражѣ Червонной Руси и не разъ *отстояла* ея національныя особенности" (стр. 53); „*огьняя* твердость убѣжденій"... (тамъ-же); Петрушевичъ *вѣщимъ духомъ* сказалъ" (стр. 51); „ты, милый другъ, не отсталъ отъ *того естественнаго* исторически-культурнаго стремленія одной части австрійской Руси, *приведшаго* насъ къ принятію"... Вѣдь у насъ ученики низшихъ классовъ гимназіи знаютъ правило, что разъ ставится въ главномъ предложеніи указат. мѣст. *тотъ* то въ придаточн. должно быть *который*. Мы не сомнѣваемся, что и г. Мончановскій знаетъ это правило, но отсутствіе чутья языка не позволяетъ ему примѣнить это правило въ рѣчи.

Другой знатокъ въ Галиціи русскаго литературнаго языка, Ю. А. Яворскій, онъ же и редакторъ „Живого Слова", очевидно, *всѣ усилія* употребилъ въ своихъ статьяхъ, чтобы соблюсти чистоту языка, но увы! не избѣжалъ такихъ выраженій, какъ— „записывать слѣдуетъ съ буквальной точностью, съ приведеніемъ имени разсказчика и *относительной* мѣстности" (стр. 46); что это за *относительная мѣстность*—пусть догадываются читатели. Или у него-же встрѣчаемъ: „*побожная* женщина" (вм. набожная); „въ какой генетической связи находится нашъ разсказъ, даже *въ приближеніи* опредѣлить невозможно"; „*ограничиваюсь на простомъ сопоставленіи*" (стр. 49). Что же касается другихъ сотрудниковъ журнала, менѣе извѣстныхъ въ области знанія русскаго языка, то тутъ на каждомъ шагу попадаются такія неправильности, какъ: „*пришло къ тому*" вм. *дошло* до того", „глумятся", „принадлежитъ уже къ *минувшести* (Дудыкевичъ В.); „излишно", „невольно *пристанешь*" вм. *остановишься*; „лицо его лоснилось тогда подъ *густо намащенными волосами*, будто тихій сельскій *пейсажъ въ лаковыхъ рамахъ*"; „ходила *боса*"; „*онъ сновалъ бывало разныя мысли*"; „возненавидѣлъ себя самого, какъ *нездару* (бездарность?); вѣдь-же ему слѣдовало-бы быть—ну, какъ знать чѣмъ?—но на всякій случай какимъ-то великимъ человѣкомъ"; „*опековаться* бѣдными людьми"; *вертопрахъ* каждой ярмарки"; „если-бъ такъ я сѣлъ на мѣстѣ того или другого, я зналъ-бы давать людямъ правду";

терялъ свой *философскій равновѣсъ*"; „будто *соскочила съ него одна изъ лучшихъ иллюзій*". Но остановимся на этихъ выпискахъ, т. к. боимся, что и мы потеряемъ свой *философскій равновѣсъ* и съ насъ тоже *соскочитъ всякая иллюзія*, перечитывая—не забудьте этого, читатель—беллетристическое произведеніе „Сенько-швецъ": обидно, вѣдь, зная богатство русской беллетристики, видѣть такое страшное коверканье ея стиля!

Немного лучше другой беллетристическій разсказъ „Зозулька", принадлежащій перу *В. Ф. Луцыка*, хотя и здѣсь вы можете прочесть, что „этому послѣднему обстоятельству *одолжалъ тотъ сынъ принятіе въ русскую бурсу* и наконецъ *становище* русскаго священника"; можете также узнать, что „пастухъ умеръ въ винокурнѣ, сварившись въ *кипущей* брагѣ", но что „сынъ его *подсмотрѣлъ* и усвоилъ себѣ свѣтскія манеры"; а внукъ, панычъ Викторъ, взялъ отпускъ, чтобы провести каникулы въ домѣ своихъ родителей, которыхъ „не *посѣщалъ уже дольшее время*", что „разсчитывалъ онъ на то, что выжметъ отъ отца немного денегъ на уплату долговъ, висѣвшихъ какъ мечъ Дамокла надъ его репутаціей и *дальшей* карьерой". Узнаете вы также тутъ, что Настуся, прозываемая Зозулькой, „*заслуживала вполнѣ на это ласкательное названіе*", что „*нѣсколько лѣтъ тому* пріютили ее, дочь бѣднаго, обремененнаго *численною семьей* лѣсника, *на приходствѣ*"; прочтете и еще многое о ней въ такомъ-же стилѣ и наконецъ узнаете, что Зозулька утонула въ колодцѣ и что „она навѣрное опьянѣла и *потеряла равновѣсъ*, какъ разсуждали между собою бабы".

Если такъ тяжело дается ревнителямъ русскаго языка въ Галиціи беллетристическій стиль, за который, конечно, берутся люди болѣе опытные въ этомъ дѣлѣ, то само собою разумѣется, что публицистическій стиль окажется еще менѣе удачнымъ, что мы и видѣли въ статьѣ, напримѣръ, Ф. И. Свистуна „Галицко-русское войско въ 1848—49 годахъ". Тутъ чуть не на каждой строчкѣ промахъ за промахомъ: „имѣть на цѣли", „раздѣлиться между государя и населеніе", созветъ парламентъ въ

цѣли составленія конституціи"; „въ вооруженіи гвардисты могли являться только въ службѣ, впрочемъ нѣтъ"; „правительство *не вмѣнило имъ того во зло*, но напротивъ, даже *радо смотрѣло*"; „статья, *обговорившая* значеніе народной гвардіи"; „она не можетъ къ каждомъ случаѣ *проявляться на внѣ*"; „въ пародѣ *крыется* большая сила"; „пришла уже минута, чтобы *хватить* за оружіе"; „*оттянуться* отъ исполненія аирибы"; „получилъ *не обмеженное полномочіе*"; „значитъ *пересѣчно* (вмѣсто: среднимъ числомъ) 570 человѣкъ"; „требовала *обмундировки въ народныхъ цвѣтахъ*"; священникъ кончилъ *восклиномъ*"; „умерли *на холеру*"; „*станулъ* батальонъ". Достаточно, кажется, и этихъ образцовъ, чтобы убѣдиться въ полномъ отсутствіи у автора чутья русскаго книжнаго стиля, а слѣдовательно и въ томъ, насколько полезнымъ можетъ быть распространеніе такого журнала въ Галиціи въ дѣлѣ развитія книжнаго языка.

Что-же придется сказать объ умѣніи галицкихъ ревнителей русскаго языка владѣть стихотворной рѣчью? Нужно признаться, что стихъ у галичанъ, даже на ихнемъ книжномъ языкѣ, рѣдко бываетъ удаченъ, но тамъ ихъ очень часто въ соблюденіи размѣра выручаетъ особая подвижность галицкихъ удареній въ словахъ; въ русскомъ-же литературномъ стихѣ, какъ извѣстно, нужно очень тонко различать, гдѣ и какъ допустима эта подвижность удареній и вообще фонетическая измѣняемость формъ. Въ данномъ номерѣ три стихотворенія, и всѣ три безусловно слабы; даже въ лучшемъ изъ нихъ. („Живое Слово" Д. Вергуна) встрѣчаемъ стихъ: „ты къ новой жизни *вызви* насъ", гдѣ, повидимому, мелочной промахъ, но въ стихѣ онъ очень даетъ себя чувствовать. Даже *Ю. Яворскій*, владѣющіе, какъ мы сказали, лучше другихъ русской рѣчью, въ стихотвореніи своемъ употребляетъ фразу „и падаетъ съ проклятьемъ *родъ по родѣ*" и свободно по своему усмотрѣнію, мѣняетъ удареніе въ словѣ *дéржитъ* на *держи́тъ*: „бунтующихъ рабовъ держи́тъ обманомъ". Но перлъ созданія въ этомъ отношеніи представляетъ стихотв. *Богдана Сталина* „Мимо", пер-

вые два куплета котораго мы приведемъ здѣсь безъ всякихъ комментаріевъ.

Безконечно поле это,
Безпросвѣтная страна!
Голосъ гибнетъ безъ отвѣта,—
Сумракъ, *мётель,* тишина....
Чу, подъ лѣсомъ бѣлоснѣжный
Одинокій хуторокъ.
Не ставай, мой конь мятежный,
Не заѣдемъ на *ночлёгъ*.

Дальше ужъ идти некуда, если мы въ концѣ 19-го вѣка будемъ употреблять въ русскихъ стихахъ для рифмы слово *ночлёгъ*!

Закончимъ мы нашу замѣтку о галицкихъ ревнителяхъ русской рѣчи выдержкой изъ помѣщеннаго въ Живомъ Словѣ „Письмѣ къ другу“ О. Мончановскаго. „Геній Петра Великаго подсказалъ ему мысль основаніемъ Петербурга *прорубить окно* въ Европу, чтобы впустить на Русь свѣтъ европейской культуры; геній русскаго народа заставилъ насъ, австрійскихъ русскихъ, принятіемъ русской литературной рѣчи *прорубить окно* въ великую Русь, чтобъ намъ не пришлось задохнуться въ польской и нѣмецкой атмосферѣ или закоснѣть въ областности нашей скудной жизни“. Да, скажемъ мы отъ себя: вообще прорубливать окна, чтобы освѣжать застоявшуюся атмосферу,—дѣло необходимое, но надо помнить, что иногда неудачно прорубленное окно портитъ всю постройку, а въ худшемъ случаѣ грозитъ обваломъ стѣны. Относя это общее положеніе къ данному частному случаю, мы опять скажемъ, что галичанамъ если надо прорубить окно, то въ смыслѣ *изученія* русскаго языка, которое поможетъ имъ поставить свою культурную рѣчь на надлежащую высоту, опираясь на двухвѣковую работу русскихъ писа-

телей, много потрудившихся для усовершенствованія своего литературнаго языка; но должно совершиться это не въ видѣ простого безпочвеннаго заимствованія, а въ видѣ тщательной разработки своей народной основы. Утѣшать-же себя тѣмъ, что какой-нибудь десятокъ—другой культурныхъ галичанъ научились кое-какъ владѣть русскимъ языкомъ, и сразу пытаться сдѣлать его общимъ достояніемъ страны—это значитъ совершать не созидательную, а разрушительную работу, а въ результатѣ и получится то, что начнется писаніе не по-русски и не по-малорусски, а *мало по-русски*, чему прекраснымъ примѣромъ служитъ цитируемый нами новый галицкій органъ.

В. Науменко.

I.

Замѣтки о портретахъ Мазепы.

(Къ рисунку).

Какъ ни странно, но мы до сихъ поръ не знаемъ достовѣрнаго портрета Мазепы. Обыкновенно мы видимъ *настоящаго* Мазепу на томъ портретѣ, который былъ приложенъ къ первому изданію (1822 г.) Исторіи Малой Россіи Бант.-Каменскаго. Портретъ этотъ взятъ изъ собранія Бекетова [1]).—Гдѣ же свидѣтельство, что называемый здѣсь портретъ Мазепы дѣйствительно изображаетъ Мазепу?—Мы не знаемъ, а можемъ лишь привести слѣдующія соображенія. Въ *Иллюстраціи* за 1847 г. напечатана гравюра NK. (Куренкова?) Мазепинаго портрета того самаго, который напечатанъ и у Бекетова, и у Бант.-Каменскаго (кафтанъ на груди украшенъ позументами), но съ добавленіемъ, что это копія съ портрета, находящагося въ академіи художествъ. Какой же портретъ Мазепы находится въ академіи художествъ?—Вотъ справка по этому вопросу г. Кибальчича. Въ записяхъ академіи объ этомъ портретѣ значится: „императорская академія художествъ. Галлерея русской живописи № 2.

[1]) Бекетовское собраніе малорусскихъ портретовъ издано въ 1844 г. подъ заглавіемъ: „Изображенія людей знаменитыхъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ, принадлежащихъ по рожденію или заслугамъ Малороссіи“. М. 1844. 4 д. л. Предисловіе къ этому изданію состоитъ изъ двухъ строкъ: „Эти портреты заимствованы изъ собранія покойнаго П. П. Бекетова, также какъ и портреты именитыхъ мужей россійской церкви“.

Портретъ напольнаго гетмана малороссійскихъ войскъ. Гетманъ изображенъ съ непокрытою головою и съ лицемъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая нижняя одежда и разстегнутый коричневый кунтушъ, *обложенный золотымъ позументомъ.* Грудное изображеніе.—Вѣроятно, это портретъ Скоропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Долго слылъ за портретъ Мазепы.*—Портретъ работы Ив. Макс. Никитина, род. не позже 1690 г., а ум. послѣ 1744 г.“ [1]).

Отсюда слѣдуетъ, что тотъ портретъ якобы Мазепы, который наиболѣе распространенъ со страницъ трехъ изданій „Исторіи Малой Россіи“—вовсе не портретъ Мазепы, а только лишь слылъ за таковой. По крайней мѣрѣ, онъ никогда не имѣлъ надписи или подписи, указывающей на Мазепу. Значитъ, дѣйствительнаго Мазепу нужно искать въ другихъ изображеніяхъ. Прежде, чѣмъ говорить о другихъ портретахъ Мазепы, скажемъ, что́ о нихъ заключается въ классической книгѣ Ровинскаго—*Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ* [2]). Ровинскій различаетъ пять типовъ Мазепиныхъ портретовъ:

1. *Тарасевича,* въ гравюрѣ его 1696 г., посвященной Шереметеву. Ровинскій полагаетъ, что имѣющееся на этой гравюрѣ изображеніе рыцаря въ латахъ изображаетъ Мазепу, а не Шереметева; съ этимъ трудно согласиться, имѣя въ виду, что „Вирши“ поднесены Тарасевичемъ Шереметеву, а не Мазепѣ, почему вѣроятнѣе здѣсь видѣть Шереметева, а не Мазепу (У Ровинскаго—*Мазепа 1*).

2. *Вигуры,* на кіевской его гравюрѣ 1706 г., въ латахъ и шлемѣ, *съ бородою.* (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 2,* а въ *Матеріал. для русск. иконографіи,* № 33).

3. *Бекетовскій,* тотъ, что у Бекетова и Бант.-Каменскаго, о которомъ сказано у насъ въ началѣ.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1888 г., № 7, 595.

[2]) Спб., 1887. Четыре тома. О портретахъ Мазепы—во 2-мъ томѣ, стр. 1209—1217.

4. *«Съ рисунка 1796 г.»*, въ латахъ, съ булавою въ рукѣ. (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 7*, а въ *Матер. для русск. иконографіи*—№ 221).

5. *Норбленовскій*. У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 13*, а въ *Мат. для русск. икон.*—№ 222.

Къ этому списку портретовъ прибавимъ еще два: а) тотъ, который приложенъ къ № 1-му Кіевск. Стар. 1887 г., снятый съ рисунка, находившагося на одной изъ стѣнъ большой церкви Кіевской лавры, [объ этомъ портретѣ Ровинскій упоминаетъ лишь вскользь] и б) портретъ Мазепы, имѣющійся на иконѣ Покрова Божьей Матери, находившейся прежде въ Покровской Переяславской церкви, а въ 1886 г. принесенной преосв. Іоанномъ въ даръ вел. князю Николаю Николаевичу.

Мы не будемъ говорить о портретѣ Тарасевича, потому что нѣтъ достовѣрнаго свѣдѣнія о томъ, что здѣсь изображенъ именно Мазепа, а не Шереметевъ.

Изображеніе Мазепы на гравюрѣ Вигуры не можетъ представлять дѣйствительнаго портрета, потому что здѣсь имѣлось въ виду изобразить апоѳеозъ гетмана, какъ покровителя Кіево-братской школы, зданія которой на гравюрѣ занимаютъ главное мѣсто. Но въ гравюрѣ Вигуры для насъ важно, что она отпечатана въ Кіевѣ, въ 1706 г., т. е. при живомъ Мазепѣ, которому гравюра несомнѣнно была и поднесена. На этой гравюрѣ Мазепа изображенъ *съ бородою*.

Есть еще подобное Вигуринскому изображеніе Мазепы—на рѣдчайшей гравюрѣ—Галяховскаго, 1708 г. [См. Кіевск. Стар., 1890 г., янв., 57]. Мы видѣли карандашную копію этой гравюры у Е. Н. Скаржинской; оказывается, что это опять таки апотеозъ, а не портретъ; борода у Мазепы и здѣсь ясно видна.

Переходя къ портрету, обозначенному у Ровинскаго—„съ рисунка 1796 г.", мы должны сказать, что оригинала этого рисунка Ровинскій не зналъ, а между тѣмъ онъ извѣстенъ. Портретъ этотъ напечатанъ въ первый разъ въ 1704 году, въ тогдашнемъ, повидимому, политическомъ ежегодникѣ—*Die Europäische Fame*, откуда былъ перепечатанъ въ извѣстномъ поль-

скомъ сборникѣ тридцатыхъ годовъ *Przyjaciel Ludu* [1835 г., № 22] [1]). И этотъ портретъ Мазепы для насъ очень важенъ потому, что онъ изданъ при живомъ Мазепѣ и изображенъ *съ бородою.*

Норбленовская гравюра изображаетъ Мазепу въ совсѣмъ особомъ видѣ: въ шапкѣ съ перьями, безъ усовъ и съ бородою, раздвоившеюся на два длинные клина. Норбленъ, бургундецъ по рожденію [род. 1745 г. † 1830 г.], живописецъ по занятію, выѣхалъ въ Польшу въ 1770 г., поселился здѣсь въ Варшавѣ и сталъ рисовать картины для короля и польскихъ магнатовъ. Срисовывалъ онъ при этомъ и разные костюмы польскіе [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Н—нъ былъ и граверомъ. Къ числу его гравюръ принадлежитъ и прилагаемый здѣсь портретъ Мазепы. Вернулся Н—нъ изъ Польши во Францію въ 1804 г. Такимъ образомъ гравюра прилагаемаго портрета сдѣлана была приблизительно въ концѣ XVIII в.

Копія норбленовской гравюры въ первый разъ была издана, сколько намъ извѣстно, въ перв. книжкѣ Ateneum'а Крашевскаго за 1842 г., какъ иллюстрація къ небольшой статейкѣ о Мазепѣ польскаго ученаго Ал. Пшездѣцкаго (25—41). Перерисовалъ гравюру Норблена и Де-ля-флизъ; его рисунокъ имѣется какъ въ томъ его альбомѣ, который хранится въ Церк.-арх. музеѣ при Кіевск. дух. акад. [3]), такъ и въ другомъ, имѣющемся въ нашей библіотекѣ [4]).

Переходимъ къ лаврскому портрету Мазепы, изданному покойнымъ редакторомъ Кіевск. Старины Ѳ. Г. Лебединцевымъ.

---

[1]) Слѣдуя Ровинскому, Ѳ. М. Уманецъ (стр. 419) думаетъ, что этотъ портретъ Мазепы писанъ въ 1796 г., Beyel'емъ.

[2]) Къ числу картинъ Норблена принадлежитъ и „Битва при Берестечкѣ" неизвѣстно гдѣ нынѣ находящаяся. Въ 1838—41 гг. изданъ (въ Страсбургѣ) его альбомъ—„Les costumes du peuple polonais suivis d'une description éxacte de ses moeurs, de ses usages et de ses habitudes".

[3]) См. Опис. рукоп. церк.-археол. музея при кіевск. дух. ак. Н. И. Петрова I, стр. 158.

[4]) Въ нашемъ рисункѣ Де-ля-флиза подпись такая: „Іоанъ Мазепа въ 1711 году".

Въ поясненіи къ этому рисунку издатель его говоритъ, что это „современное стѣнное во весь ростъ изображеніе Мазепы, писанное масляными красками, уцѣлѣло въ великой церкви Кіево-печерской лавры на заломѣ стѣны противъ лѣваго клироса". Далѣе издатель продолжаетъ: „принадлежность Мазепѣ этого портрета, съ котораго сдѣланъ нашъ снимокъ, удостовѣряется подписью: *Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая была еще три года назадъ сему и о существованіи которой свидѣтельствуютъ нѣсколько лицъ изъ начальствующей лаврской братіи.... О близости портрета къ подлиннику можно заключить какъ по высокому положенію лица, съ котораго писанъ портретъ, и учрежденія, для котораго онъ писанъ, *такъ и по сходству его съ тѣми гравированными изображеніями, какія дѣлалъ Щирскій для поднесенія Мазепѣ*.... Иное дѣло, какъ могъ уцѣлѣть этотъ портретъ послѣ извѣстной катастрофы съ Мазепою и начавшагося изъ году въ годъ повсюднаго его анафематствованія, а также и послѣ пожара 1718 г., истребившаго иконостасъ и большую часть утвари великой лаврской церкви. Но и это легко объясняется мѣстомъ изображенія Мазепы: оно написано на обращенномъ къ западу заломѣ главной лѣвой стѣны церкви, куда не заходили ни свѣтъ, ни огонь. И теперь въ этомъ уголкѣ совершенный мракъ, и изображеніе Мазепы можно разглядѣть при нарочномъ освѣщеніи" (янв., 100). Въ этомъ поясненіи наибольшее подозрѣніе возбуждаетъ свѣдѣніе о будто бы существовавшей подъ портретомъ подписи—*Иванъ Степановичъ Мазепа гетманъ*, которая, „*по свидѣтельству начальствующей лаврской братіи*" уничтожена въ 1883 г. или около того... Въ какомъ бы „мракѣ" ни находился этотъ портретъ, но существованіе при немъ подписи *съ именемъ Мазепы послѣ его измѣны*—фактъ невѣроятный, а пожалуй и совсѣмъ невозможный... Извѣстно, съ какою ревностью истреблялось имя Мазепы даже въ тѣхъ церковныхъ книгахъ, гдѣ оно помѣщалось гдѣ-нибудь на мало замѣтномъ мѣстѣ, на послѣдней страницѣ [1]). А то бы позволили остаться этому *подписанному* пол-

[1]) Очень часто въ лаврскихъ изданіяхъ церковныхъ книгъ, въ концѣ, печаталось: „за счасливого владѣнія ихъ царскаго пресвѣтлаго величества гетмана обоихъ

нымъ именемъ портрету Мазепы въ лаврѣ!.. Намъ могутъ замѣтить, что сохранялся же до к. XVIII в. портретъ Мазепы, нарисованный въ Братскомъ монастырѣ, возлѣ дверей," о которомъ любопытное свидѣтельство Берлинскаго сохранилъ г. Цимбалистовъ (К. Ст. 1887 г., янв., 371). Но вѣдь еще вопросъ что это былъ за портретъ, описанный такъ: „съ бородою и усами сѣдыми, съ густыми и большими бровями, *въ зеленой шинели* съ небольшимъ воротникомъ, собою очень прекрасенъ..." Вѣдь легко могло случиться, что этотъ портретъ, потомъ „разбитый" митропол. Самуиломъ, только слылъ за Мазепинъ... Ни о какихъ атрибутахъ его власти здѣсь не говорится и дѣйствительнаго гетмана въ немъ не видно... Не говоритъ г. Цимбалистовъ, чтобы этотъ портретъ имѣлъ и подпись. А лаврскій портретъ будто-бы сохранялъ подпись до недавнихъ дней... Мы не вѣримъ, чтобы эта подпись дѣйствительно существовала, и думаемъ, что она явилась со словъ людей, которые, имѣя о Мазепѣ и о его времени *самыя смутныя понятія*, не затруднились удостовѣрять предъ Ѳ. Г. Лебединцевымъ и существованіе той подписи, которая подкрѣпляла ихъ личное свидѣтельство о портретѣ... Наконецъ, почему же на этомъ портретѣ нѣтъ никакихъ атрибутовъ, указывающихъ на „высокое положеніе лица, съ котораго писанъ портретъ?" Вѣдь этихъ атрибутовъ не имѣетъ только Бекетовскій портретъ, но это же и не Мазепа... а то или булава, или какая-то медаль, украшающая Норбленовскій

стронъ Днѣпра, благороднаго *Іоанна Стефановича Мазепы*, тиномъ совершися". См., напр., *Апостолъ* 1695 г. Но всѣ эти мѣста въ книгахъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи, при церковномъ напр. богослуженіи, тщательно вычищались; для примѣра можемъ указать на евангеліе, находящееся въ ахтырской успенской церкви, въ которомъ печатное упоминаніе о Мазепѣ тщательно выскоблено. Это послѣднее свѣдѣніе сообщено намъ ахтырскимъ жителемъ, П. А. Филиповымъ, въ отвѣтъ на вопросъ—дѣйствительно ли на этомъ евангеліи имѣется собственноручная *надпись* Мазепы о пожертвованіи книги въ церковь, какъ объ этомъ говоритъ напечатанная въ прошломъ году *въ Южномъ Краѣ* (№ 5960) замѣтка. Отвѣтъ полученъ, что никакой собственноручной надписи Мазепы на этомъ евангеліи—*нѣтъ*. Да едва ли она могла и быть, если въ этой книгѣ выскоблено и печатное имя Мазепы.—Объ уничтоженіи надписей съ именемъ Мазепы.—см. также Уманца *Гетманъ Мазепа*, стр. 417.

портретъ, несомнѣнно служатъ указаніемъ на „высокое положеніе лица“, съ котораго писанъ портретъ. Фактъ возможности найти портретъ Мазепы на стѣнахъ великой лаврской церкви былъ слишкомъ заманчивъ, и покойный редакторъ Кіевской Старины поддался искушенію явить такой портретъ на страницахъ своего журнала... Для убѣдительности въ автентичности портрета издатель его указываетъ на сходство этого портрета съ *неизвѣстными* «изображеніями Щирскаго» [1]). Мы тогда же возражали покойному Ѳ. Г. Лебединцеву противъ печатанія этого якобы мазепинаго портрета, указывая на то, что никакимъ образомъ портретъ Мазепы не могъ сохраниться на стѣнахъ лаврской церкви, да и *гетмана* не видно на этомъ портретѣ... Но *редактору* видимо хотѣлось *украсить свой журналъ...* [2]) Такимъ образомъ, никакой достовѣрности этотъ лаврскій портретъ Мазепы, по нашему мнѣнію, не имѣетъ [3]).

За симъ еще есть одинъ портретъ Мазепы, сохранившійся на иконѣ Покрова Божьей Матери, нынѣ принадлежащей вел. князю Николаю Николаевичу, а прежде находившейся въ Покровской Переяславской церкви. Объ этой иконѣ извѣстный А. Терещенко записалъ, лѣтъ около 50-ти назадъ, такое преданіе, что эту икону заказывалъ переяславскій полковникъ Мировичъ, близкій родственникъ Мазепы, для Покровской пе-

---

[1]) Гравюры Щирскаго указаны въ словарѣ граверовъ, прилож. къ книгѣ Ровинскаго—„Русскіе граверы и ихъ произведенія“ (М. 1870), стр. 353. Никакихъ „изображеній“, указывавшихъ бы на Мазепу, въ перечнѣ гравюръ Щирскаго—нѣтъ, да ихъ и не было. Не хотѣлъ ли покойный издатель портрета назвать здѣсь Тарасевича?..

[2]) Изданіе этого портрета вызвало тогда же возраженіе въ Кіевлянинѣ (1887 г., № 6), принадлежащее, какъ намъ извѣстно, покойному проф. В. А. Бецу. Возражая редактору К. Старины, Бецъ указывалъ на другой, болѣе достовѣрный портретъ Мазепы, именно на гравюру Норблена, находившуюся въ коллекціи проф. Чугаевича, а потомъ доставшуюся ему, Бецу. Покойный профессоръ очень желалъ издать фототипный снимокъ съ этой гравюры и уже было приготовилъ для этого негативъ... Съ этого негатива, любезно переданнаго намъ вдовою профессора Д. И. Бецъ, мы и сдѣлали прилагаемый здѣсь снимокъ. Г. Уманецъ говоритъ, что на этой гравюрѣ имѣется надпись: „Mazepa aetatis 78“. Обозначенія лѣтъ на нашемъ негативѣ нѣтъ, вѣроятно не отпечаталось.

[3]) Того же мнѣнія объ этомъ портретѣ и Ѳ. М. Уманецъ. См. его монографію о Мазепѣ, стр. 417.

реяславской церкви, которую онъ строилъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. По записи Терещенка, на этой иконѣ, по заказу полковника, изображены: Петръ В., супруга его Екатерина, Мазепа, Ѳеофанъ Прокоповичъ и друг. неизвѣстныя лица [1]). Петръ В. на этой иконѣ изображенъ въ латахъ; рядомъ съ нимъ—Екатерина I, съ вѣеромъ въ рукахъ; сзади Петра долженъ быть Мазепа—подстриженъ вкружокъ, съ усами; за Екатериной—двѣ придворныя дамы, а сзади ихъ—двѣ *паніи* въ корабликахъ. Эти кораблики собственно и указываютъ на мѣстное происхожденіе иконы, такъ какъ фигура предполагаемаго Мазепы заслонена царемъ и поэтому одежды гетмана почти не видно [2]). Говорить о какомъ либо сходствѣ этого портрета мы не будемъ уже и потому что трудно что-нибудь сказать и о сходствѣ нарисованнаго здѣсь Петра В., который представляется ужъ очень молодымъ... Хотя, напр., портретъ Екатерины I сдѣланъ мастерски: мы видимъ несомнѣнно красивую женщину, нарисованную опытною рукою,. Относительно этого Мазепинаго портрета можно сказать только, что Мазепа здѣсь безъ бороды. Борода Мазепы на его портретахъ возбуждаетъ у нѣкоторыхъ сомнѣніе... Такъ, напр., и Ровинскій готовъ заподозрить сходство съ оригиналомъ Норбленовской гравюры—только изъ-за бороды. Намъ кажется, что борода Мазепы потому вызываетъ у насъ сомнѣніе или недоумѣніе, что мы очень *привыкли* къ его *Бекетовскому* портрету, гдѣ этой бороды нѣтъ. Нѣтъ бородъ и на портретахъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, которые оба умерли глубокими стариками... Но есть бороды на вполнѣ достовѣрныхъ портретахъ: генер. обознаго Василія Дунинъ-Борковскаго (К. Ст. 1894 г., № 3), генер. судьи Ивана Домонтовича (въ Батуринск. монастырѣ), лубенскаго полковника Максима Ильяшенка (К. Ст. 1891 г., № 1). Все это люди к. XVII

[1]) См. „Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божіей Матери и паденіи гетмана Мазепы предъ Покровскою церковью въ Переяславѣ“. А. Терещенка. Русск. Арх. 1865 г., стр. 818—322.

[2]) Описываемъ лица на покровской переяславской иконѣ, имѣя передъ собою фотографную ея копію (вышиною въ 12 вершк.), подаренную намъ покойнымъ В. А. Бецомъ

в., а Борковскій такъ и совсѣмъ современникъ Мазепы. Отсюда видно, что борода вовсе не была рѣдкостью въ старой Малороссіи на лицахъ людей „высокаго положенія", но носили бороду только старые люди. Поэтому совершенно естественно видѣть бороду на изображеніяхъ Мазепы заграничной гравюры 1704 г. („die Europäische Fame") и Вигуринской—1706 г. Никакихъ сомнѣній не представляетъ борода и на гравюрѣ Норблена, на которой гетманъ изображенъ дѣйствительнымъ старцемъ...

Какой же изъ описанныхъ здѣсь портретовъ Мазепы можно признать за наиболѣе достовѣрный? [1]) Мы бы сказали, что тотъ, который изображенъ на норбленовской гравюрѣ... Это дѣйствительно *мастерской портретъ*, а не полуфантастическіе рисунки 1704 и 1706 г. г., а затѣмъ—это портретъ, который гравированъ въ к. XVIII в., *заграницей*, гдѣ Норбленъ могъ найти настоящій портретъ Мазепы, потому что польскіе вельможи сохраняли портретъ этого болѣе или менѣе близкаго имъ человѣка... Не далеко отъ Бродовъ, въ Злочовскомъ „обводѣ", есть историческое село Подгорцы, сначала, въ XVII в., принадлежавшее Конецпольскимъ, а потомъ королевичу Якову Собѣскому. Въ Подгорцахъ имѣется великолѣпный палацъ, въ которомъ любилъ жить и отецъ собственника Янъ Собѣскій. Впослѣдствіи (1725 г.). Подгорцы перешли къ Ржевусскимъ, а теперь принадлежатъ Сангушкамъ. Подгорецкій палацъ, заключающій въ себѣ множество дорогихъ картинъ и разныхъ предметовъ искусства, подробно описанъ извѣстнымъ польскимъ книжникомъ и археологомъ Пшиленскимъ и его описаніе напечатано въ львовскомъ сборникѣ „Dniestrzanka" (Lwów, 1841, стр. 9—33). Среди портретовъ польскихъ магнатовъ, украшающихъ стѣны замка, есть и pan Mazepa, hetman kozacki, портретовъ котораго здѣсь показано *два* (стр. 11 и 17). Вмѣстѣ съ Мазепою здѣсь помѣщаются:

---

[1]) Мы не упомянули здѣсь о портретѣ Мазепы, который описанъ г. Горленкомъ въ К. Стар. 1892 г. (Янв.. 603), такъ какъ очевидно („растегнутый кунтушъ") что это копія *бекетовскаго*. Тѣ „гетманскіе портреты, которые встрѣчаются, по словамъ г. Уманца, (стр. 419) на постоялыхъ дворахъ, въ домахъ помѣщиковъ' купцовъ"—все это очевидно снимки съ портретовъ Бант.- Каменскаго.

Конецпольскій, Ходкевичъ, Ржевускіе, *Богданъ Хмельницкій*, Карлъ XII, Августъ II, Августъ III и друг. [1]). Вотъ гдѣ нужно искать достовѣрнаго портрета Мазепы!.. Очень вѣроятно, что оригиналомъ и для Норблена служилъ одинъ изъ сохраненныхъ у поляковъ портретовъ Мазепы [2]). Интересно бы найти этотъ портретъ для провѣрки гравюры Норблена, во всякомъ случаѣ представляющей типичное лицо... Быть можетъ Ѳ. М. Уманецъ и правъ, говоря, что въ такого старика могла влюбиться Кочубеевна...

А. Л.

---

[1]) По рѣдкости книжки, гдѣ напечатано описаніе подгорецкаго палаца, упомянемъ, что тутъ находятся еще и слѣд. картины, касающіяся Малороссіи: „Pjmanie przez wojsko polskie jakiegoś hetmana kozackiego. Zygmunt August w senacie na tronie siedzi, a kozacy przysięgę mu skladają.—Koniecpolski z kozakami. Есть тутъ и рукописи для насъ интересныя, напр. Regestr pułkownikòw woyska Zaporozskiego na expedyciją turecką 1620; Inwentarz zamku kijowskiego, spis. r. 1616 po polsku. Paszport Iwanowi Bohunowi wolnego przejścia przez" wojsko Zaporozkie, w ktorem tenże był pułkownikiem, 1631, po rusku."

[2]) Въ К. Ст. за 1890 г, № 1. помѣщена статья—„Старинная южнорусская гравюра"; авторъ ея говоритъ здѣсь (стр. 58) между прочимъ, что въ б—кѣ Красинскихъ, (въ Варшавѣ) находится старинный портретъ Мазепы, писанный масляными красками, „съ котораго сдѣлана гравюра Норблена". Лицо очень схоже съ тезисомъ Галяховскаго, но въ немъ Мазепѣ, вмѣсто короткой подстриженной бородки, придѣлана длинная борода въ двѣ космы, „которой Мазепа никогда не носилъ"." Изъ этой выписки не видно—знакомъ ли авторъ лично съ этимъ подлинникомъ гравюры Норблена и откуда ему извѣстно, что Мазепа длинной бороды „никогда" не носилъ. Свѣдѣніе объ указываемомъ здѣсь „оригиналѣ" норбленовской гравюры требуетъ большихъ подробностей, чтобы дѣлать какое нибудь прочное заключеніе, а относительно бороды могло и такъ быть, что Мазепа всегда носилъ (въ старости) длинную бороду, а тѣ „подстриженныя бородки", которыя мы видимъ на апотеозныхъ картинахъ, являлись тутъ изъ угодническаго желанія художниковъ облагообразить лицо властелина... Повидимому, приведенное замѣчаніе автора статьи „Стар. Южнор. грав." о сходствѣ апотеозы Галяховскаго съ гравюрой Норблена даетъ основаніе г. Уманцу уже для заключенія, что гравюра Галяховскаго служила прототипомъ гравюры Норблена...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письма А. И. Лизогуба къ Г. П. Галагану, 1853 года [1]. Черниговскій помѣщикъ Андрей Ивановичъ Лизогубъ извѣстенъ своими сердечными отношеніями къ Т. Г. Шевченку, котораго онъ не забылъ и въ горькіе дни жизни поэта. Какъ извѣстно, Л—бъ переписывался съ Ш. и во время его ссылки. Новѣйшій біографъ Т. Г. Ш. говоритъ, что за эту переписку графъ Орловъ, *будучи въ Черниговѣ, въ 1850 г.*, выражалъ Л—бу свое неудовольствіе и совѣтовалъ ее не продолжать... [2]. Среди своихъ современниковъ-помѣщиковъ А. И. Л—бъ замѣтно выдѣлялся своей любовью къ родинѣ, причемъ, будучи любителемъ живописи, онъ рисовалъ, какъ говорятъ, недурныя картинки изъ малорусской природы. По разсказу А. И. Ханенка, стѣны седневского дома Л—ба были украшены портретами его дѣтей—въ національной одеждѣ, работы—отца. Въ послѣдніе годы своей жизни Л—бъ былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по выбору отъ дворянства.

1. «Изъ поганои дороги зробилась ще поганійша, коханый брате и друже; и мы вже не сподиваемся, щобъ вамъ можно було, не тиль-

---

[1]) Письма заимствованы изъ архива Коллегіи Павла Галагана. См. К. Ст. 1899, янв.

[2]) Неприходилось намъ слыхать, чтобы гр. Орловъ былъ когда либо въ Черниговѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ сопровождалъ императора Николая I. Въ 1850 г. гр. Орловъ въ Черниговѣ вовсе не былъ, судя по тому, что Черниг. губ. вѣд. за этотъ годъ ничего о томъ не говорятъ. Не было у гр. Орлова и тѣхъ родственниковъ въ Черниговской губерніи, о которыхъ говоритъ львовское изданіе біографіи Т. Г. Ш—ка. *Ред.*

ки съ жинкою, у коій при сій вирный оказіи цилую обыдви ручки, але мабуть вамъ и самому, одному, не трапится насъ одвидати.— Праздники блызько, треба бъ вамъ и до дому; напышить, будьте ласкавы, колы вы думаете ихать у Секиринци, щобъ я вамъ переславъ писни Максимовича и ваши рукописи. Тилько, Бога ради, бережитесь переправы на Десни; братъ Илья каже, щобъ зробить такъ, щобъ идти пишки по дамби, гдѣ буде шоссе, а тамъ систи у дуба да и переихать Десну до Кольчевки, а то на пароми—и довго мордуются досягнуть того краю, да ще и препоганые броды зъ сего боку— поки доберешся до того гаспыдского парома.—Бережитесь да й тильки. —Ефимовъ [1]) учора пріихавъ;—мабуть завтра, або сими днями буде у Черниговѣ.—Щасты вамъ Боже; усіого наилуччого въ свити зычить вамъ усіею душею и серцемъ щирый до васъ Андрей Лизогубъ. 5 апрѣля, 1853 г. Седневъ».

2. «Братъ Илья веливъ всимъ кланяцця, коханный брате, и посылае квиткивъ фіалокъ, що воны почалы цвисты. Елизавета Ивановна (жена И. И. Л—ба) тожъ кланяецця и посылае паску. Мы уси укупи поздоровляемо васъ съ милою жинкою зъ предстоящимъ велыкъ-днемъ, и жалкуемось, що вамъ не зъ доброю матусею вашою приходицця розговляться; але, такъ Богови угодно, хочъ бы вже, намъ зъ вами укупи исты паску, такъ и сіого не приходиться; нехай буде воля Божа; дай тилько Господи всякаго здоровья и радостнаго подарунка, що вы самы и ты уси, що васъ люблять, вамъ отъ щираго серця бажають. Якъ будете ихать до дому, то разгледьте перше дорогу до парома и переправу, щобъ не було бродовъ, а то на тыхъ бродахъ, опричъ того що нема шляху пидъ водою, бувають ще препоганыя ямы и трусько. Чи не можно якъ нибудь переихать у дуби; розглядайте хорошенько переправу. Кохай васъ Боже, якъ я васъ кохаю и зостаюсь щиримъ серцемъ до васъ зычлывый Андрей Лизогубъ. 17 апрѣля, 1853. Седневъ».

3. «Дякую щиро за вашъ листъ, коханный родичу; поздравляю зъ пріѣздомъ у Черниговъ, цѣлую ручки доброи вашои панеи и ма-

---

[1]) Этого Ефимова звали Дмитріемъ Егоровичемъ и онъ, повидимому, былъ только однофамильцемъ другого архитектора Н. Е. Ефимовича, занимавшагося въ 20-гг. планомъ возобновленія Десятинной церкви. См. Кіевск. Стар. 1896, № 10. Д. Е. Ефимовъ построилъ деревенскіе дома нѣсколькимъ черниговскимъ помѣщикамъ, напр., Миклашевскимъ, въ с. Пануровкѣ, Стародуб. уѣзда, Дун.-Борковскимъ въ с. Романовкѣ, Мглинскаго у., какъ объ этомъ ниже упоминаетъ и Л—бъ.

ленького Павлуся. Дай Господы вамъ усякои радости и щастя, на великъ день и на усю жизнь. Минѣ не можно збигать до васъ, дѣтки нездужають. Старшій Илько и меньшій Бурковскій Олексій [1]) уже поправились, а мій малый Митя ще теперь саме хоріе; а старшій Бурковскій теперь у батька. У моихъ була сыпь, и жаръ и кашель, але воно и не корь, а кажуть якаясь красуля, а що воно таке, вже я не знаю. Жинка васъ дякуе за память и цѣлуе вашу добрую панію. Уси наши вамъ щыро кланяються. Приходылось къ мови, то я й казавъ Ефимову, що вамъ хочеться, щобъ церква була бильша, чимъ якъ нарисована; а що фасадъ—вельми гарный. Винъ казавъ, що зробить и бильшую. Казавъ, що іому бы хотилось, щобъ вы іому поручили и догладъ за постройкою сіеи церкви, бо винъ вельми цинить той рисунокъ. Якъ побачимось, то можно перше помирковать намъ промижъ себе.—Бувайте здоровы, коханный друже. Отъ усіого сердця щирый до васъ Андрей Лизогубъ. 1853. Ноября 1. Седневъ.

Сейчасъ сказалъ мнѣ Дмитрій Егоровичъ Ефимовъ, что ему завтра, въ понедѣльникъ, надобно быть въ Черниговѣ; это значитъ, что ему нужны туда лошади; быть можетъ вы его увидите въ Черниговѣ и захотите говорить съ нимъ о предполагаемой къ постройкѣ у васъ въ Секиринцахъ церкви; а потому распечатываю свое письмо, чтобы прибавить слѣдующее: шуринъ мой Яковъ Дмитріевичъ Борковскій заказалъ ему рисунокъ для себя дома и просилъ его быть и строителемъ онаго, и спросилъ прямо—какое слѣдуетъ ему выдать возмездіе за труды по надзору за постройкою.—За планъ предложилъ ему 200 руб. сер., но онъ взялъ за планъ 125 руб. сер., за надзоръ за постройкою назначилъ тысячу (1000) руб. сер. Спѣшу увѣдомить васъ объ этомъ для вашего соображенія».

Свѣдѣнія о неизвѣстныхъ будто-бы произведеніяхъ Т. Г. Шевченка. Въ февральской книжкѣ Кіевск. Старины за прошлый годъ напечатаны были воспоминанія полковника Е. М. Косарева о Т. Г. Шевченкѣ. Какъ извѣстно, Косаревъ былъ командиромъ одной

---

[1]) Племянникъ А. И. Лизогуба, женатаго на Борковской.

изъ ротъ оренбургскаго линейнаго батальона, составлявшаго гарнизонъ Ново-Петровскаго укрѣпленія во время пребыванія тамъ Т. Г. Ш--ка. Недавно въ *Новомъ Времени* (№ 8200) напечатано сообщеніе г. Н. Кучинскаго со словъ этого же самого Косарева о какихъ то «произведеніяхъ Шевченка», будто бы оставшихся у Косарева послѣ отъѣзда поэта изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія. Сообщеніе г. Н. Кучинскаго по этому предмету перепечатываемъ здѣсь.

«Проѣзжая въ 1887 году черезъ городъ Ташкентъ, я пробылъ тамъ нѣсколько дней и познакомился съ интересной личностью, отставнымъ полковникомъ Косаревымъ, туркестанскимъ старожиломъ, замѣчательно хорошо разсказывавшимъ про прежнюю средне-азіатскую жизнь.

Однажды полковникъ сообщилъ нѣсколько эпизодовъ про Тараса Шевченка, который, въ качествѣ ссыльного солдата, состоялъ въ гор. Казалинскѣ [1]) подъ его, коменданта, вѣдѣніемъ. Надъ неблагонадежнымъ поэтомъ былъ учрежденъ особый надзоръ. Слѣдили, главнымъ образомъ, чтобы Шевченко не имѣлъ чернилъ, бумаги, пера, карандаша и, вообще всего, чѣмъ можно было бы писать. Но вѣдь извѣстно, что даже въ тюрьмѣ при самомъ строгомъ контролѣ, находятъ, все-таки, у заключенныхъ недозволенныя вещи, а стѣны оказываются исчерченными стихами и разными изреченіями. Шевченку-же, пользовавшемуся относительной свободой, легко было удовлетворять своей страсти писать и рисовать при помощи остроумныхъ хитростей и снисходительности знакомыхъ казалинцевъ. Но, когда онъ попадался съ запрещенной работой, ее отбирали и препровождали коменданту Косареву.

— По примѣру Шевченки, я тоже сталъ сочинительствомъ заниматься,—сказалъ старый полковникъ.

— А напечатали что нибудь?—спросилъ я.

— Все собирался въ редакцію отправить и не рѣшился. А какъ пришлось выходить въ отставку и уѣзжать изъ Казалинска въ Ташкентъ, сложилъ всѣ бумаги въ ящикъ и до сихъ поръ не открывалъ его. Въ чуланѣ теперь стоитъ,

— Шевченкины произведенія тоже тамъ?

— Все въ ящикѣ!—отвѣтилъ Косаревъ.

— Дайте посмотрѣть ваши и Шевченкины бумаги,—попросилъ я.

---

[1]) Слѣдуетъ—въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. *Ред.*

Косаревъ обѣщался показать, но не раньше субботы, когда жена будетъ въ чуланѣ убирать.

Обстоятельства сложились такъ, что я долженъ былъ уѣхать изъ Ташкента раньше назначеннаго дня.

Шевченкины бумаги, оставшіяся послѣ Косарева, могутъ обогатить русскую литературу неизданными до сихъ поръ твореніями, а собственныя замѣтки полковника освѣтятъ біографію Шевченки описаніемъ пребыванія его въ Средней Азіи.

Я помѣщаю въ печать эти строки, чтобы кто-нибудь, встрѣтившись съ двумя дочерьми или сыномъ Косарева (Вячеславомъ), офицеромъ одного изъ туркестанскихъ баталіоновъ, попытался розыскать и опубликовать бумаги Шевченки, которыя быть можетъ, сохранились еще въ семейныхъ документахъ».

Къ этому сообщенію г. Кучинскаго считаемъ не лишнимъ добавить, что едва ли у Косарева оставалось что нибудь цѣнное изъ произведеній Шевченка: послѣ освобожденія изъ ссылки поэтъ имѣлъ полную возможность просить Косарева о возвращеніи его рукописей и судя по личности бывшаго «ротнаго командира», послѣдній ему въ томъ конечно не отказалъ бы, но Шевченко объ этихъ рукописяхъ, сколько знаемъ, никогда ничего не упоминалъ. *Ред*

Приключеніе англійскаго путешественника въ Миргородщинѣ, въ 1888 г. Въ маѣ 1888 г. я имѣлъ случай познакомиться съ ученымъ секретаремъ лондонскаго королевскаго географическаго общества г. Делмаръ-Моргапомъ, который прибылъ въ Полтаву изъ Харькова съ рекомендательными письмами. Онъ былъ любезно принятъ покойнымъ полтавскимъ губернаторомъ Янковскимъ, а также бывшимъ предсѣдателемъ губернской земской управы А. В. Зaленскимъ. Ко мнѣ г. Делмаръ-Морганъ обратился съ просьбою указать ему болѣе интересныя мѣста Полтавщины и снабдить его маршрутомъ для путешествія. Онъ свободно владѣлъ русскимъ языкомъ, конечно съ своимъ иностраннымъ акцентомъ, и желалъ познакомиться съ экономическимъ положеніемъ и бытомъ пановъ и крестьянъ. Заленскій снабдилъ путешественника порядочною пачкою рекомендательныхъ писемъ, а я, съ своей стороны, составилъ маршрутъ для

объѣзда Полтавщины, при чемъ указалъ на нѣкоторые болѣе интересные ея уголки.

Послѣ радушнаго пріема въ Полтавѣ, г. Делмаръ-Морганъ двинулся въ путь по указанному ему маршруту, но недалеко отъѣхалъ любопытный англичанинъ, такъ какъ былъ остановленъ полицейскимъ урядникомъ въ м. Шишакѣ, Миргородскаго уѣзда... Это свое приключеніе г. Делмаръ-Морганъ подробно описалъ въ письмѣ ко мнѣ, отъ 31 мая (12 іюня) 1888 г., присланномъ изъ Кіева. Вся бѣда стряслась надъ почтеннымъ путешественникомъ вслѣдствіе того, какъ оказывается, что губернаторъ Янковскій понадѣялся на свою визитную карточку, данную имъ г. Делмаръ-Моргану безъ всякаго письменнаго поясненія объ оказаніи содѣйствія путешественнику. Полученное письмо привожу здѣсь съ соблюденіемъ неправильностей подлинника.

В. Василенко.

—

«Дорогой г. Василенко.

Поѣздка въ Полтавской губерніи, предпринятой мною, какъ Вамъ извѣстно, неожиданно скоро прекратилась. Вотъ почему: поѣхавъ изъ Полтавы 14 мая, я ночевалъ на первый день въ Диканка. Тамъ меня приняли очень гостепріимно, показали заводъ, сельскохозяйство, домъ и все, однимъ словомъ, дѣлали все, что могли. Я остался очень довольнымъ и на слѣдующій день отправился дальше. Пріѣхавъ въ Опошни, я немедленно обратился тамошнему мировому судью Трипольскому, который также вмѣстѣ со своей женой оказали мнѣ много содѣйствія. Въ Сорочинцахъ я не съ кѣмъ познакомился, остался тамъ только нѣсколько часовъ, купался въ рѣкѣ Пслѣ и поѣхалъ дальше на Яновщино. Здѣсь я тоже имѣлъ счастіе познакомиться съ сестрой и племянникомъ Гоголя, осмотрѣть домъ и усадьбу и слушать нѣсколько воспоминаній про знаменитаго автора. Изъ Яновщина я поѣхалъ на Шишакъ. Вотъ гдѣ меня застало несчастіе. По неимѣвію лошадей, я долженъ былъ ждать на станціи обывательской. Чтобы провести время, я пошелъ прогуляться въ деревни. И такъ, по любопытству, вошелъ въ одномъ хатѣ. Хозяинъ показалъ мнѣ свой садъ и хозяйство, жаловался что у него нѣтъ земли и такъ далѣе. Другіе присоединились къ нашему разговору, сдѣлали свои замѣчанія и такъ далѣе. Скоро послѣ возвращенія на станціи, представлялся ко мнѣ урядникъ и сталъ требовать паспортъ. Онъ

остался этимъ недоволенъ и на карточку генерала Янковскаго не обратилъ малѣйшее вниманіе. (Не помню говорилъ ли я вамъ, что полтавскій губернаторъ, когда я у него былъ и просилъ открытый листъ, ссылался на свою карточку, увѣряя что это очень довольно въ случаѣ надобности показать мѣстному начальству). Урядникъ грубилъ порядочно и на слѣдующій день, когда нанявъ лошадей я хотѣлъ отправиться, остановилъ меня, потребовавъ, чтобъ я его сопутствовалъ къ становому въ Сорочинцахъ. Противъ начальства я не сталъ сопротивляться, но кстати пріѣхалъ самъ становой, который увидавъ, что я ничего дурного не сдѣлалъ, а просто распрашивалъ крестьянъ по любопытству, какъ могъ всякій путешественникъ, оставилъ бы меня въ покой, но такъ какъ у меня иностранный пашпортъ, то просилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Миргородъ. Въ Миргородѣ исправникъ возвратилъ пашпортъ, при томъ совѣтовалъ обратиться телеграммою консулу или другому вліательному лицу. Я такъ и сдѣлалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ полтавскаго губернатора. На слѣдующее утро не получивъ отвѣта отъ своего знакомаго въ Петербургѣ, которому я обратился для содѣйствія и не желая терять болѣе времени въ Миргородѣ, я заказалъ лошадей на станціи и поѣхалъ въ Ромоданъ, съ разрѣшеніемъ исправника. Однако же мнѣ посадили жандарма въ повозкѣ. Въ виду такого недовѣрія со стороны начальства, я счелъ лучшимъ прекратить дальнѣйшія изслѣдованія въ Полтавской губ., взялъ билетъ на Кременчугъ и Кіевъ и пріѣхалъ сюда 19 числа. Здѣсь профессоръ Антоновичъ всевозможными стараніями помогалъ меня изгладить непріятныя воспоминанія и впечатлѣнія моего путешествія. По его рекомендаціи, я сдѣлалъ поѣзку въ Кочановку къ Тарновскимъ, у которыхъ я гостилъ четверо сутокъ и получилъ радушный пріемъ. Теперь же я собираюсь ѣхать дальше—въ Кременчугъ, Екатеринославъ, Крымъ, Одессу. Оттуда же, или моремъ черезъ Константинополь домой, или по желѣзной дороги въ Львовъ, и черезъ Австрію въ Англію.

Извините, что я вамъ такъ обстоятельно писалъ обо всемъ, но такъ какъ вы были такъ любезны указать мнѣ самые интересные пункты и составить маршрутъ, то счелъ это за обязанность извѣстить васъ о послѣдствіи.

Примите увѣреніе моего къ Вамъ глубокаго уваженія и искренней преданности. Э. Делмаръ-Морганъ.

P. S. Передайте, если будете имѣть случай, г. Заленскому о моихъ приключеніяхъ, ставшихъ меня въ невозможности исполнить програму и воспользоваться рекомендательными письмами такъ любезно снабженными имъ. Пожалуйста клонитесь вашей супруги отъ меня. Кіевъ. 31 мая (12 іюня) 1888 года».

Малорусская кабальная запись, 1725 года. Этотъ интересный документъ, печатаемый ниже, полученъ нами отъ П. Я. Дорошенка (изъ Глухова). По этому акту «подданный» глуховскаго сотника Мануйловича записывается со всею своею семьею, въ *вѣчное владѣніе* своему державцѣ за то, что тотъ заплатилъ за него Вельяминову сколько-то денегъ за передержательство вельяминовскаго крестьянина. Такой актъ былъ не возможенъ въ это время гдѣ нибудь въ степной Малороссіи, и вполнѣ былъ возможенъ въ Глуховѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Великороссіей, гдѣ подобныя *кабальныя записи* давно уже практиковались. Во всякомъ случаѣ, печатаемый здѣсь актъ представляетъ собою любопытный документъ для исторіи закрѣпощенія крестьянъ въ Малороссіи.

А. Л

Року 1725, мѣсяца декабря 23 дня. Я, Василый Андріевъ синъ прозиваемій Козинцевъ, житель ромашковскій, чиню вѣдомо симъ моимъ доброволнимъ записомъ, кому бы о семъ вѣдати надлежало, ижъ превосходителнего его млсти господина Стефана Велляминова, бригадира и коллегіи малороссійской президента, крестьянинъ его владѣнія Іванъ Василіевъ синъ Сериковъ зъ женою и зъ дѣтмы жилъ у мене сего жъ 725 году, за которого его милость панъ Іванъ Мануйловичъ, сотникъ глуховской, державца мой, платился его превосходителству немалое число денегъ; теди я немѣючи чимъ тѣхъ денегъ пану сотнику уплатити, а понеже я теперъ и предъ симъ въ козацкомъ компутѣ не былъ и не записанъ, и за тѣ денги данніе записуюся зъ женою своею и зъ дѣтми, и наслѣдники—его милости пану Івану Мануйловичу, женѣ его и потомкамъ, или кому отъ него вручено будетъ, во вѣчное владѣніе, которимъ должни вѣрне, неисходя никуда, служити вѣчне. Чего для лѣпшой вѣри и твердости въ потомніе часи, сей мой

записъ, за вѣдомомъ всего ниже подписаннего уряду глуховского, его милости пану Івану Мануйловичу, сотнику глуховскому, въ ратуши глуховской далемъ, року и дня звышписанного. Къ сей записѣ церкви Илинской глуховской школникъ Яковъ Андрѣевичъ вмѣсто Василія Андрѣева сина Козницева, жителя ромашковскаго, по его прошенію руку приложилъ.

Федоръ Омеляновичъ, атаманъ глуховскій. (*Съ подлинника*).

Закрутки и заломы. «Закрутки» и «заломы»—это особый видъ колдовства, внушающій и доселѣ немалый страхъ простому сельскому люду. «Закрутки» попадаются въ лѣсу, саду, огородѣ, но чаще всего на полѣ, именно на злакахъ. Насколько люди боятся этихъ «закрутокъ», и насколько сами вѣдьмы вѣруютъ въ нихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа землянскихъ крестьянъ Наума Савченка и Марфы Гутырихи, которые были очевидцами этого случая.

«Въ 20-хъ годахъ въ с. Землянкѣ, Глуховск. у., на левадѣ у помѣщика Бартоша оказалась на житѣ «закрутка». Узнавъ про такое несчастье, Бартошъ отправился къ священнику и попросилъ его отслужить молебенъ и вырвать «закрутку». Въ старинныхъ, могилянскихъ требникахъ существовали молитвы на всѣ подобные случаи, и священникъ вырывалъ «закрутку» крестомъ.—Это былъ будній день, когда священникъ съ Бартошемъ отправились служить молебенъ на левадѣ. Зазвонили въ колокола. Въ это время та баба, которая дѣлала закрутку, мѣсила дома тѣсто. Никто не подозрѣвалъ ее въ вѣдовствѣ. Услыхавъ звонъ, она спросила, что сегодня за праздникъ? Ей отвѣтили, что звонятъ потому, что у Бартоша батюшка закрутку вырываетъ. Тогда она, съ руками въ тѣстѣ, побѣжала на леваду, желая повиниться и остановить проклятіе; но когда добѣжала и увидѣла, что священникъ закрутку уже вырываетъ, то она упала на улицѣ и заголосила; съ ней случился припадокъ падучей, и ей скорчило руки и ноги. Все, что она желала Бартошу, приключилось съ ней, и она жила калѣкой до своей смерти».

Во время жатвы я не одинъ разъ натыкалась на эти закрутки; срисовавъ ихъ нѣсколько видовъ, я пригласила «знающаго человѣка» отъ котораго узнала слѣдующія подробности.

Бабы дѣлаютъ закрутки либо на смерть, либо на болѣзнь, на скотской падежъ, на усыханіе лѣса, на убытки. Когда подобной бабѣ придетъ «необходимость» дѣлать зло, то она непремѣнно пойдетъ дѣлать закрутки. Дѣлаютъ закрутки на *зорѣ*, т. е. передъ восходомъ, или вскорѣ по захожденіи солнца. Пойдетъ вѣдьма на поле, сброситъ съ себя всю одежду, кромѣ рубахи, безъ пояса, скинетъ головной уборъ, растреплетъ на головѣ волоса, выберетъ себѣ нивку съ какимъ нибудь хлѣбомъ, станетъ на мѣсто, мысленно очертитъ вокругъ себя на разстояніи трехъ аршинъ отъ себя черту, за которую будто бы никто не въ силахъ къ ней приблизиться, и начнетъ лѣвой рукой дѣлать закрутки и заломы. Нагнется вѣдьма надъ пашней, правой рукой держитъ стебель и колосья, а лѣвой крутитъ, ломаетъ и заворачиваетъ стебли «одъ лукавого». т. е. не посолонь, а противъ солнца. Это вѣрная примѣта, чтобы узнать, настоящая-ли то закрутка или шутка.

Когда вѣдьма сдѣлаетъ одну закрутку или заломъ, то разогнется, станетъ прямо и обѣими ногами перескочитъ черезъ закрутку, послѣ чего отправляется дальше, пока не окончитъ всего задуманнаго. Въ составленіи закрутокъ существуетъ цѣлая разнообразная система, извѣстная лишь самимъ вѣдьмамъ и ихъ антагонистамъ вѣдьмакамъ, или «опытнымъ» людямъ.

Срисовавъ видѣнныя мною закрутки, я пригласила такого человѣка, съ просьбой объяснить мнѣ значеніе ихъ

«Всѣ закрутки дѣлаются на три стороны свѣта: на востокъ, западъ и сѣверъ, на югъ никогда. *Номеръ первый*—это *заломъ* (солома не скручена, а поломана); онъ заломленъ на западъ. Заломъ этотъ—годовой, теперь отъ него ничего не приключится, а чрезъ годъ хозяева, именно двѣ души, заболѣютъ *годовой болѣзнею. Номеръ второй—закрутка*, загнута на востокъ. Она сдѣлана на убытокъ: отъ хозяевъ отнята «спорость» (удача, успѣхъ) во всѣхъ дѣлахъ. *Номеръ третій—закрутка* на востокъ; сдѣлана на скотской падежъ, на людскую болѣзнь, и отъ этой закрутки умретъ двѣ души въ разное время. *Номеръ четвертый—закрутка* на сѣверъ; сдѣлана она для двухъ душъ на два года болѣзни и обѣимъ одновременно умереть. *Номеръ пятый—потайной заломъ:* на семь вершковъ отъ земли взять правой рукой горсть стеблей, а лѣвой берется одинъ-два стебля съ колосомъ и, не вырывая, заломить «одъ лукавого» вокругъ горсти жита, какъ бы ниткою обвести, а средніе колоски лѣвою-же рукою

заломить, чтобы чрезъ ободокъ кругомъ висѣли. Надѣлаетъ вѣдьма такихъ потайныхъ заломовъ по всей нивѣ, а хозяева не розглядятъ, вообразятъ, что кони или свиньи жито «побили», (а то вѣдьма черезъ заломы скакала) и выжнутъ ниву безъ предосторожностей; тогда на томъ хозяинѣ сядетъ столько чирьевъ, сколько на нивѣ было сдѣлано «потайныхъ заломчиковъ».

Есть такіе люди, которые эти закрутки и заломы вырываютъ и «отшептываютъ», но свои знанія держатъ они въ секретѣ и только передъ смертію передаютъ эти свѣдѣнія какому нибудь близкому лицу. Такимъ «опытнымъ человѣкомъ» въ с. Землянкѣ былъ козакъ Ром. Голубъ, умершій около 20 л. назадъ. Его знанія теперь перешли къ коз. Николаю Сѣрику, 60 лѣтн. старику, отъ котораго я и получила настоящія свѣдѣнія. Нашептыванія онъ не согласился открыть, а сказалъ только, что отъ заломовъ и закрутокъ покровителемъ состоитъ архистратигъ Михаилъ; ему надо молиться, онъ отъ этого зла спасаетъ. Вырывать и отмаливать закрутки можно во всякое время дня.

П. Литвинова.

Надпись на книгѣ, посланной Метлинскимъ О. М. Бодянскому. Приводимъ здѣсь надпись Амвр. Метлинскаго на его книгѣ: «Думки и пѣсни та шче де-що» (Харьковъ, 1839), сдѣланную, какъ видно, при посылкѣ этой книги О. М. Бодянскому.

«Спасиби тоби, братику, по неньцѣ ридненькій, Украинѣ старенькій, за твою вѣрну про мене намъять и Казки Материнки [1]). Давно я читавъ ихъ: вони ище тодѣ процвѣли и запахли менѣ мовъ *материнка* [2]) на чужому полѣ, и про матинку нагадали, про матинку—матиръ нашу ридну. А хто хоче, щобъ вона замовкла на вѣки, хай ёму зацѣпить.—17 февраля 1843». А. Могила.

---

[1]) Разумѣется книжка О. М. Бодянскаго, напечатанная въ 1835 году, въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Наськы украинськы казкы, запорозьця Иська (т. е. Осипа), Матерынкы“. 16 д. л. XX+47 стр. Книжка посвящена: „Матери моій ридненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ.“ Предисловіе подписано: І. Б. М. Варва. 1834. (Бодянскій былъ родомъ изъ Варвы).

[2]) Материнка=origanum vulgare, L.

«Роспитайся, будласковъ, чи не можно менѣ хочъ книжками абищо шчо небудь получити одъ покійного Ширяева. Винъ усѣ книжки роспродавъ, якъ самъ мовлявъ и Пашкови (?), а я жъ одъ ёго и шеляга не бачивъ. Тежъ и одъ Андрія Глазунова, тежъ и одъ петербурськихъ артиствъ (банкрутитись)!».

Сильно любили свою родину оба: и тотъ кто посылалъ книгу, и тотъ, кому она посылалась!

Къ біографіи м. Гавріила Кременецкаго. М. Евгеній говоритъ (Опис. Кіево-Софійск. Собора, стр. 234), что м. Гавріилъ Кременецкій родомъ былъ изъ «города Носова», а отецъ его «былъ въ Носовѣ городовымъ старшиною». Трудно понять отсюда и мѣсто родины митр—та (вспоминается лѣтописный Носовъ) и чинъ его отца... Современная запись говоритъ яснѣе: «его преосвященство (м. Гавріилъ) былъ уроженецъ малороссійскій, полку Нѣжинского, *мѣстечка Носовки, сынъ бывшаго тамошняго войта»*. Отсюда видимъ, что м. Гавріилъ Кр—ій по рожденію принадлежалъ къ *посполъству:* отецъ его былъ войтомъ носовскихъ крестьянъ, которые въ к. перв. полов. XVIII в. были отданы—сначала Миниху, а потомъ Алексѣю Разумовскому. Такимъ образомъ, сынъ войта богатаго мѣстечка не ограничивается какою нибудь мѣстною школою, а идетъ учиться въ Кіевъ, сначала въ «нижнихъ школахъ» а потомъ и «философія». Кончивъ академію, сынъ сельскаго войта сдѣлалъ блестящую духовную карьеру... Такіе случаи были нерѣдки; только, пока, мы еще, мало имѣемъ свѣдѣній о происхожденіи многихъ видныхъ малорусскихъ дѣятелей изъ монашества. Напр., извѣстный архимандритъ кіевской лавры Іоанникій Сенютовичъ, (ея возобновитель послѣ пожара), былъ сосницкій козакъ.

Современникъ м. Гавріила оставилъ любопытную запись о его пріѣздѣ въ Кіевъ. Здѣсь, между прочимъ, о первомъ посѣщеніи митрополитомъ «кафедральнаго Софійскаго монастыря,» говорится слѣдующее: «въ проѣздъ его преосвященства отъ Николаевскаго монастыря, до кафедрального (м—ря) *цеховіи подольскіи мѣщане зъ корогвою и съ котлами, въ котлы бючи, на коняхъ передъ его преосвященствомъ ѣхали...» (Кіевск. Еп. Вѣд. 1899 г., № 2)*, Жалко, что какой-нибудь другой современникъ не нарисовалъ этой картины...

В. М. Бѣлозерскій. (*Некрологъ*). 20-го февраля скоропостижно умеръ, въ хуторѣ подъ Борзною, Вас. Мих. Бѣлозерскій, бывшій редакторъ журн. *Основы*. Въ печатающихся на страницахъ Кіевск. Старины письмахъ Кулиша немало находится свѣдѣній объ этомъ нѣкогда близкомъ ему человѣкѣ, за котораго онъ предстательствовалъ у М. В. Юзефовича, желая направить своего шурина, послѣ окончанія имъ университета, по дорогѣ ученаго. Но эта карьера молодому кандидату кіевскаго университета не удалась, такъ какъ извѣстно, что за участіе въ Кирилло-Мефодіевскомъ обществѣ Б—ій долженъ былъ нѣкоторое время (въ концѣ сороковыхъ годовъ) прослужить въ Петрозаводскѣ. Отсюда В. М. Б—ій перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ и возникла, въ 1861 г., подъ его редакторствомъ *Основа*. Журналъ этотъ не просуществовалъ и двухъ лѣтъ, такъ какъ на октябрской книгѣ 1862 г. онъ прекратился. Когда нибудь историкъ разскажетъ любопытную повѣсть объ этомъ кратковременномъ журналѣ, судьба котораго тѣсно была связана съ личнымъ характеромъ нынѣ умершаго его редактора. Извѣстно, что П. Кулишъ былъ недоволенъ редакторствомъ своего шурина, и выражался иногда слишкомъ рѣзко о недостаточномъ умѣніи послѣдняго — вести журналъ, при достаточныхъ къ тому средствахъ. Въ шестидесятыхъ годахъ В. М. Б—ій служилъ въ Варшавѣ директоромъ канцеляріи учредительнаго комитета. По оставленіи этой службы, В. М. Б—ій не имѣлъ опредѣленной дѣятельности и нерѣдко строилъ въ это время разные планы экономическаго характера. Паралитическое состояніе В. М. Б—аго приковало его въ послѣдніе годы къ родному хутору, гдѣ онъ и умеръ въ семидесятипятилѣтнемъ примѣрно возрастѣ. Всегда живо интересуясь литературой, В. М. Б—ій самъ писателемъ никогда не былъ. Въ *Основѣ* его писаній совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ лишь небольшихъ примѣчаній. Живой и общительный характеръ умершаго мѣшалъ ему сосредоточиться... Но любовь къ родинѣ у бывшаго редактора Основы никогда не угасала и за эту любовь онъ не будетъ забытъ.

Юлій Коссакъ. (*Некрологъ*). 22 января с. г. умеръ одинъ изъ старѣйшихъ польскихъ художниковъ—Юлій Коссакъ, родившійся въ 1824 г. К—къ былъ уроженецъ м. Вишнйца (въ Галиціи) и учился въ львовскомъ университетѣ. Много путешествуя въ молодости, К—къ изъѣздилъ Подолье, Волынь и Кіевщину; здѣсь онъ долго гостилъ у гр. Браницкихъ и много тутъ рисовалъ. Такимъ образомъ правобережная Малороссія К—ку хорошо была знакома.

Болѣе всего любилъ К—къ рисовать лошадей и тѣ сцены, гдѣ послѣднія являлись необходимостью: битвы, стада̀, переправы черезъ рѣки... [1]). Сцены изъ народнаго быта также были частою темою рисунковъ К—ка. Изучивъ жизнь подольскихъ крестьянъ, во всѣхъ ея фазахъ, К—къ явился замѣчательнымъ ея иллюстраторомъ, какъ это видно особенно изъ его рисунковъ, которыми онъ украсилъ монографію Завадскаго—*Obrazy Rusi Czerwonéj* (Tygodn. Illustr., 1864 г., №№ 223—232 и отдѣльно). Эти рисунки представляютъ живыя картины Подолья въ его природѣ и людяхъ: художникъ какъ бы воплощалъ въ своемъ рисункѣ близко знакомую ему часть Галиціи въ ея народной жизни. Вотъ эти рисунки: *Pastuszkowie przy drodze*, *Krajobraz Podolski*, *Pantelicha*, *Cerkiew w dzień nedzielny*, *Dobrodziéj* («парохъ» и крестьянка, съ пѣтухомъ подъ мышкою, цѣлующая его руку), *Kolomyjka*, *Arendarz*, *Żydzi podolsky*, *Żydówki podolskie*, *Konie podolskie*, *Chaty wiesniacze na Podolu*, *Ubiory włościan na Podolu galicyiskiem*, *Lirnik podolski*, *Pogrzeb wiejski*, *Powrot z jarmarku*, *Jarmark*, *Hailka*, *Korowaj* и *Tłoka*. Снимокъ съ одного изъ этихъ рисунковъ въ уменьшенномъ видѣ—*Церковь въ воскресный день*—помѣщаемъ ниже.

Еще раньше этихъ иллюстрацій, въ Tygodn. Illustr. 1861 года (№ 105) былъ помѣщенъ рисунокъ Ю. Коссака—*Typy i ubiory ludowe z Rusi Czerwonej* [2])—представляющій пять фигуръ крестьянъ.

Типичны рисунки Ю. Коссака, которыми онъ иллюстрировалъ повѣсть Ежа—*Pamiętniki starającego się*, напечатанную тамъ же, въ 1865 г. (№ 313 и слѣд). Здѣсь, на первомъ планѣ, видимъ рисунки Кіевщины, такъ какъ дѣйствіе разсказовъ происходитъ въ Уманскомъ уѣздѣ. Укажемъ, напр., на *«dworek»* въ с. Тальномъ, наполненный *круторогими* волами у колодезныхъ корытъ. Тутъ же видимъ типическія лица: мирошника (młynarz), пасѣчника, ганчара и нѣсколькихъ евреевъ. Особенно удаются Коссаку типы послѣднихъ, даже въ миніатюрныхъ рисункахъ. Такъ, напр., въ этихъ же иллюстраціяхъ, къ повѣсти Ежа мы видимъ двѣ фигурки—*Żidzi humanscy*, въ ихъ прежнихъ характерныхъ мѣховыхъ шапкахъ: такъ и слышишъ, какъ одинъ изъ нихъ, поднявъ руку, пересчитываетъ по пальцамъ выгоды предлагаемаго или, можетъ быть, уже и обдѣланнаго гешефта... Очень интересны рисунки Коссака—*Dawne ubiory i uzbrojenia;* Коссакъ ревностно собиралъ ихъ по разнымъ коллекціямъ, для исторіи поль-

---

[1]) См. перечень, повидимому, лучшихъ картинъ Коссака въ книгѣ „Katalog Illustrowany sztuki polskiej od roku 1764—1886“, (Lwòw, 1894) №№ 1060—1081.

[2]) „Rysował z natury Kossak“.

ской одежды, и помѣщалъ въ томъ же Tygodnik'ѣ шестидесятыхъ годовъ. Межъ этими рисунками есть интересные и для насъ, напр., *Rusin z lukiem i sajdakiem*—по рисунку XVI в. (1865 г., № 297).

Все это работы Ю. Коссака—молодыхъ и среднихъ его лѣтъ. Въ старости онъ опять встрѣтился съ Малороссіей въ своихъ иллюстраціяхъ къ извѣстному роману *Огнемъ и Мечомъ*. Одинъ изъ лучшихъ рисунковъ здѣсь—*Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ*. Этотъ рисунокъ былъ помѣщенъ и въ Tygodn. Illustr. (1886 г., № 194), а въ большомъ видѣ и раскрашенный—продавался, лѣтъ пять назадъ, въ кіевскихъ красочныхъ лавкахъ. Это одинъ изъ лучшихъ Коссаковыхъ рисунковъ: тутъ все въ движеніи, спѣшащихъ другъ къ другу навстрѣчу—козаковъ и татаръ... Хмельницкій на бѣломъ конѣ горделиво принимаетъ первое привѣтствіе Тугай-Бея...

Польскія газеты наполнены воспоминаніями и сожалѣніями объ умершемъ Ю. Коссакѣ. Бросаемъ и мы свою горсть земли на свѣжую могилу художника, не забывшаго народа, среди котораго онъ жилъ.

Церковь въ воскресный день

В. Н. Ястребовъ. *(Некрологъ).* Въ декабрѣ прошлаго года умеръ В. Н. Ястребовъ, одинъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ Кіевской Старины. Умеръ онъ въ больницѣ душевнобольныхъ въ Елисаветградѣ. Надѣемся болѣе подробныя свѣдѣнія объ умершемъ представить въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала.

Летучія замѣтки.

Къ чествованію И. П Котляревскаго. Прежде сообщенія позднѣйшихъ свѣдѣній по этому предмету, приведемъ здѣсь пять телеграммъ изъ множества ихъ полученныхъ во Львовѣ, въ прошломъ году, ко дню празднованія «Науковымъ Товариствомъ имени Шевченка» *столитнихъ роковинъ.* Телеграммы эти напечатаны въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Галиц. Лит.-наук. Вѣстника.*

Петербургъ «Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи наукъ привѣтствуетъ общество имени Шевченка съ торжествомъ по поводу столѣтія выхода Энеиды Котляревскаго. *Предсѣдатель Бычковъ.*

Харьковъ. «Императорскій Университетъ шлетъ свой привѣтъ львовскому ученому обществу имени Шевченка и присоединяется къ чествованію памяти въ родственной намъ русской Галиціи незабвеннаго И. П. Котляревскаго, положившаго сто лѣтъ тому назадъ своею перелицеванной Энеидой начало новой малорусской литературѣ *Ректоръ Алексѣенко.*

Харьковъ. «Харьковское историко-филологическое общество съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію памяти Котляревскаго, цѣня въ немъ высокодаровитаго писателя, раскрывшаго въ оригинальной художественной формѣ богатство малорусскаго языка и содѣйствовавшаго возникновенію серьезнаго интереса къ малорусской народности и литературѣ. *Предсѣдатель профессоръ Сумцовъ*».

Черниговъ. «Черниговская Губернская Земская Управа. 12 октября 1898 г. Нр. 6362. г. Черниговъ. Въ «Наукове Товариство імени Шевченка у Львові». Черниговская Губернская Земская Управа, принося «Науковому Товариству імени Шевченка» благодарность за приглашеніе на литературное празднество, въ виду предстоящаго Земскаго Собранія, не можетъ прислать своего представителя, но

считаетъ своимъ долгомъ выразить «Товариству» привѣтъ и сочувствіе въ день празднованія столѣтняго юбилея новаго періода украинской литературы и пожеланіе ей въ будущемъ свободнаго и счастливаго развитія». *Подписи предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ.*

Житомиръ. «Витаючи вив. товариство з радісним ювилеєм полуднево-руськоі мови, Волинське церковно-археольогічне товариство сердечно жичить дальшоі щироі праці на добро руському краеві. *Президентъ товариства Барскій.*

Чествованіе И. П. Котляревскаго. 1) *Въ Петербургѣ.* Объ этомъ чествованіи мы получили слѣдующую корреспонденцію. «22-го января Петербургу удалось почтить нѣсколько запоздавшимъ юбилейнымъ спектаклемъ, устроеннымъ въ залѣ Павловой, память творца Энеиды. Не смотря на то, что продажа билетовъ была начата только за два дня до спектакля и особыхъ объявленій нигдѣ не появлялось, публика наполнила обширный залъ Павловой, изящно декорированный гирляндами цвѣтовъ. Въ углу около сцены на высокомъ пьедесталѣ помѣщался громадный гипсовый бюстъ поэта, работы Позена, представляющій, помимо удачнаго выполненія, тѣмъ большій интересъ, что съ этого слѣпка будетъ отлитъ памятникъ въ Полтавѣ. Изящно отпечатанная и украшенная красивой виньеткой (работы художника Сластёна) программа вечера [1]) подтвердила ходившіе слухи объ участіи въ празднествѣ М. К. Заньковецкой и М. Л. Кропивницкаго, обѣщавшихъ исключительно для него пріѣхать въ Петербургъ, первая—изъ Харькова, а второй—изъ Москвы. Вечеръ долженъ былъ состоять изъ двухъ отдѣленій: первое—литературно-музыкальное—имѣло цѣлью, судя по программѣ, дать въ отдѣльныхъ отрывкахъ болѣе или менѣе полную картину Украинской литературы: сюда вошли отрывки изъ «Энеиды», произведеній Основьяненка, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Гребенки, Глѣбова, Марка-Вовчка, Стороженка, Кулиша, Щоголева, Мордовцева и Старицкаго. Кромѣ того, въ это же отдѣленіе было включено нѣсколько вокальныхъ номеровъ. Второе отдѣленіе посвящено было «Наталкѣ-Полтавкѣ (двѣ

---

[1]) „Программа семейнаго литературно-музыкальнаго вечера со спектаклемъ и танцами 22 января, въ залѣ Павловой", украшенная портретомъ И. П. Котляревскаго и готовящимся къ открытію его памятникомъ, продается въ книжной лавкѣ „Кіевской Старины". *Ред.*

послѣднія картины), съ участіемъ М. К. Заньковецкой въ заглавной роли и Кропивницкаго (Выборный).

Юбилейное празднество было открыто Д. Л. Мордовцевымъ, выяснившимъ въ коротенькой лирической аллегоріи значеніе Котляревскаго въ украинской литературѣ. Затѣмъ были прочтены отрывки изъ Энеиды и Кобзаря, стихотворенія Кулиша, Щоголева, Старицкаго и очеркъ Мордовцева. Лучшимъ изъ чтецовъ, былъ, конечно, М. Л. Кропивницкій («Чернець» и «Думы мои»), встрѣченный громомъ рукоплесканій, повторявшихся послѣ каждаго исполненнаго имъ номера. Большой успѣхъ имѣлъ хоръ любителей, исполнившій нѣсколько народныхъ пѣсенъ, и солисты: г-жа Ѳеодоско, г. Жданов и г. Я., оказавшійся извѣстнымъ Петербургу и Кіеву пѣвцомъ. Послѣдній съ замѣчательнымъ вкусомъ и рѣдкимъ воодушевленіемъ спѣлъ два романса г. Гордѣева на слова Кобзаря «Думы мои» и «Одъ села до села танци та музыки», принятые публикой съ восторгомъ еще въ прошломъ году, на вечерѣ въ память Шевченка. Понятно, что и въ этотъ разъ публика безконечно вызывала талантливаго пѣвца, настойчиво требуя отъ него повтореній.

Болѣе интереснымъ оказалось второе отдѣленіе (Наталка-Полтавка), тѣмъ болѣе, что малорусскія труппы, къ сожалѣнію, весьма рѣдко посѣщаютъ Петербургъ, а любители въ послѣднее время что-то пріумолкли. Интересно оно было въ художественномъ отношеніи, особенно благодаря участію г.г. Заньковецкой и Кропивницкаго Говорить подробно объ исполненіи этими общепризнанными талантами своихъ ролей, само собой разумѣется, излишне; достаточно сказано, что оно было, какъ и всегда, мастерское и повліяло на прочихъ участниковъ-любителей. Публика горячо привѣтствовала своихъ любимцевъ и устроила имъ, какъ при появленіи на сценѣ, такъ и по окончаніи спектакля, шумныя оваціи съ цвѣточными и иными подношеніями. Послѣ спектакля, въ первомъ часу ночи начались танцы. Въ залѣ царила большое оживленіе, какое рѣдко можно видѣть. Многіе изъ танцующихъ были въ малорусскихъ костюмахъ. Вѣнскій вальсъ и жеманный модный Chaconne смѣнялись «метелыцей» и «гопакомъ»...

За ужиномъ, въ присутствіи М. К. Заньковецкой и М. Л. Кропивницкаго, было произнесено нѣсколько рѣчей, какъ по поводу праздновавшагося юбилея, такъ и въ честь нашихъ талантливыхъ

гостей, пожертвовавшихъ для содѣйствія успѣху этого вечера своимъ временемъ и не побоявшихся далекой дороги.

Вообще—устроенный 22-го января вечеръ прошелъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи весьма успѣшно. Послѣднему обстоятельству тѣмъ болѣе можно порадоваться, что весь чистый доходъ съ него, достигшій, насколько намъ извѣстно, семисотъ съ лишнимъ рублей, поступаетъ въ распоряженіе Комитета по сооруженію памятника Котляревскому въ Полтавѣ.

С. Н.

Отмѣтимъ, что чествованіе И. П. Котляревскаго въ Петербургѣ очень подробно описано въ петербургскихъ газетахъ: *Сынъ Отечества* (№ 24) и *Биржев. Вѣдомости* (№ 23).

2). *Въ Черниговѣ*, 29 ноября состоялся литературно-артистическій вечеръ «въ ознаменованіе столѣтія Энеиды Котляревскаго» въ Черниговѣ. Вечеръ начался пѣніемъ хора «Де згода въ семействи» передъ портретомъ Котляревскаго. Затѣмъ І. Шрагъ прочелъ рефератъ о значеніи дѣятельности Котляревскаго. Упомянувъ, что языкъ Энеиды сталъ теперь языкомъ литературы, науки, школы и т. д., референтъ закончилъ слѣдующими словами: «Значеніе Котляревскаго и слава его будетъ рости по мѣрѣ распространенія и роста украинскаго національнаго самосознанія». Рѣчь г. Шрага произвела огромное впечатлѣніе и встрѣчена была громкими аплодисментами. Затѣмъ г. Силичъ произнесъ стихи Шевченка «На вичну память Котляревскому».

3). *Въ Одессѣ*. Января 23-го, въ общемъ собраніи членовъ Одесскаго Общества любителей науки, литературы и искусства, А. А. Андріевскимъ прочтенъ былъ рефератъ по поводу столѣтія «Энеиды». Упомянувъ о юбилейныхъ чествованіяхъ Котляревскаго, происходившихъ въ недавнее время въ Полтавѣ, Львовѣ и въ Кіевѣ, референтъ познакомилъ слушателей съ біографіей поэта и опредѣлилъ значеніе «Энеиды», какъ поэтическаго отраженія малорусской народной жизни.

Къ юбилею Пушкина. Университетъ Св. Владиміра приметъ участіе въ чествованіи столѣтія рожденія А. С. Пушкина, ознаменовавъ день 26 мая нынѣшняго года устройствомъ торжественнаго

акта въ Университетѣ. Предполагается къ 26 мая 1899 г. издать Пушкинскій Сборникъ, въ который войдутъ статьи, написанныя профессорами и другими лицами. Предполагается также устроить небольшую выставку первыхъ изданій сочиненій Пушкина, его автографовъ и принадлежавшихъ ему предметовъ, а *также видовъ мѣстностей Юго-Западнаго Края*, которыя посѣтилъ поэтъ во время пребыванія его на югѣ Россіи. На выставкѣ будутъ представлены виды м. Каменки, Чигиринскаго у., гдѣ Пушкинъ гостилъ во время поѣздки на югѣ Россіи, у владѣльцевъ имѣнія Давыдовыхъ. М. Каменка, одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ юго-западной Россіи, принадлежало князю Потемкину, а затѣмъ перешло къ Давыдовымъ.

Площадь имени Т. Шевченка во Львовѣ. Существующее во Львовѣ учено-литературное «Товариство имени Шевченка», пріобрѣтя въ собственность два дома въ нагорной части улицы Черецкаго, обратилось недавно въ Львовскій городской совѣтъ (Rada miejska) съ ходатайствомъ, чтобы находящаяся противъ этихъ зданій площадь была наименована «площадь Тараса Шевченка» и чтобы часть ея была отведена для памятника, который «Товариство» намѣрено поставить тамъ украинскому поэту. (Gazeta Lwowska, № 40).

Малорусскій языкъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ въ Галиціи Въ послѣднее время галицкое духовенство все чаще и настойчивѣе стало заявлять требованія, чтобы свѣтскія власти и управленія въ краѣ не только принимали отъ духовныхъ уніатскихъ бумаги на русскомъ (галицкомъ) языкѣ и отвѣчали на нихъ по русски, но употребляли тотъ же языкъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, требующихъ сношенія съ духовенствомъ. По этому поводу въ галицкой польской печати высказываются разнообразныя мнѣнія. Болѣе здравыя сужденія по сему предмету выразила редакція петербургской газеты «Kraj» (1899 г. № 3). Она признаетъ, что возраженія польскихъ шовинистовъ противъ формальной законности требованій русинскаго духовенства имѣютъ нѣкоторыя основанія. Дѣйствительно, въ государственной организаціи Австріи автономія провинціи, повѣта, гмины простирается такъ широко, что нѣтъ власти въ государствѣ, которая могла бы дать органамъ мѣстнаго земскаго или городского

самоуправленія предписаніе объ употребленіи того или другого языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе «Kraj» совѣтуетъ полякамъ уступить справедливымъ требованіямъ русиновъ, хотя и не основаннымъ на правѣ формальномъ. «Поляковъ на Руси (Галиціи) мало, русиновъ много. Отговариваться полякамъ незнаніемъ языка, на которомъ говоритъ коренное населеніе края, было бы наивностью а выказывать къ нему пренебреженіе—грѣхомъ. Если поляки еще недавно провозгласили, что чехъ имѣетъ право требовать, чтобы всѣ правительственныя учрежденія въ его краѣ знали чешскій языкъ, и для торжества этого принципа оказали чехамъ дѣятельную поддержку въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами, то логика и справедливость требуютъ, чтобы такое же право было признано и за русинами. Если и нѣтъ въ Галиціи власти, которая могла бы предписать низшимъ автономнымъ учрежденіямъ (радомъ повѣтовымъ и городскимъ магистратамъ) сноситься съ русскимъ духовенствомъ на языкѣ русскомъ то есть, однако, учрежденіе, которое можетъ вліять на нихъ своимъ примѣромъ и авторитетомъ: это именно Выдѣлъ краевый. Къ счастью, прибавляетъ газета, это учрежденіе оказалось на высотѣ своего призванія и поняло, чего требуетъ отъ него гражданскій долгъ: недавнимъ циркуляромъ Выдѣлъ увѣдомилъ повѣтовыя автономичныя учрежденія, что самъ онъ въ сношеніяхъ съ уніатскими консисторіями употребляетъ языкъ русскій». Газета съ своей стороны одобряетъ этотъ циркуляръ, какъ проявленіе политическаго здравомыслія.

Къ возстановленію иконостаса Кіево-Софійскаго собора. Въ газетѣ «Кіевлянинъ» (№ 25) напечатано слѣдующее любопытное извѣстіе о возстановленіи прежняго иконостаса въ К.-Софійскомъ соборѣ.» —Отъ массивнаго, въ стилѣ рококо, трехъ-яруснаго иконостаса главнаго алтаря Кіево-Софійскаго собора, сооруженнаго еще въ 1747 году, въ настоящее время остался одинъ только нижній ярусъ и то, впрочемъ, не весь. Верхній ярусъ съ иконами пророковъ снятъ при возобновленіи сбора, 1846., а въ 1888 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, снятъ и средній ярусъ съ иконами Пресвятой Троицы и апостоловъ для того, чтобы открыть видъ на запрестольную мозаичную стѣну съ изображеніями Божіей Матери и Тайной вечери. Въ 1894 же году едва былъ не упраздненъ и нижній ярусъ этого грандіознаго иконостаса, который въ это время разобранъ былъ для

перезолотки. Но приступая однако къ возобновленію разобраннаго иконостаса, покойный каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ представилъ высокопреосвященному Іоанникію, митрополиту кіевскому и галицкому, проектъ—замѣнить иконостасъ не высокой мраморной преградой, мотивируя такую замѣну тѣмъ, что предалтарныхъ иконостасовъ въ древности вообще не было, и въ Кіево-Софійскомъ соборѣ иконостасъ въ видѣ сплошной преграды устроенъ въ первый разъ лишь по распоряженію митрополита Петра Могилы въ 1644 г., а до того времени, на мѣстѣ иконостаса, была лишь невысокая преграда изъ мраморныхъ столбовъ съ полокотными между ними плитами и въ такую же высоту вратами противъ престола, иконами-же для молящихся въ храмѣ служили изображенія Тайной вечери, Богоматери и святителей на запрестольной мозаичной стѣнѣ. Но этотъ проектъ протоіерея Лебединцева не встрѣтилъ сочувствія со стороны другихъ членовъ соборнаго причта, особенно нынѣшняго каѳедральнаго протоіерея А. И. Браиловскаго, бывшаго тогда ключаремъ собора; и церковнаго старосты Г. И. Брычкина, которые—наоборотъ—ходатайствовали предъ митрополитомъ о скорѣйшемъ возобновленіи разобраннаго иконостаса, въ уваженіи къ памяти Императрицы Елисаветы Петровны, даровавшей средства митрополиту Рафаилу Заборовскому на сооруженіе этого иконостаса, и въ виду дороговизны устройства мраморнаго иконостаса. Результатомъ ходатайства этого явилось распоряженіе высокопреосвященнаго владыки—возобновить разобранный иконостасъ и возстановить его безъ всякихъ измѣненій съ лицевой стороны. Но однако послѣ этого возстановлена была только средняя часть главнаго иконостаса, отдѣляющая главный алтарь отъ средней части храма. Боковыя-же части иконостаса, отдѣлявшія отъ средняго храма смежные съ главнымъ астаремъ абсиды жертвенника и бывшаго придѣла во имя св. Іоакима и Анны не были возобновлены и замѣнены были занавѣсями. Эти занавѣси, разрывая собою сплошную раззолоченную иконостасную стѣну, такъ какъ и дальше по обѣ стороны занавѣсей, у всѣхъ придѣловъ имѣются рѣзные вызолоченные иконостасы, вредятъ цѣльности впечатлѣнія, да и сама по себѣ возобновленная средняя часть иконостаса представляется, до очевидности, не законченною. Обстоятельство это побудило причтъ Кіево-Софійскаго собора ходатайствовать предъ митрополитомъ о разрѣшеніи возобновить и возстановить и боковыя части главнаго соборнаго иконостаса. Ходатайство это на дняхъ удовлетворено.»

Судьба рукописей Владиміра Барвинскаго. Въ октябрьской книгѣ нашего журнала за 1898 г. была помѣщена переписка П. Кулиша съ извѣстнымъ галицкимъ дѣятелемъ Владиміромъ Барвинскимъ. Письма эти, вмѣстѣ съ другими бумагами Барвинскаго, были отысканы, среди бумажнаго хлама, у одного львововскаго антикварія. Сообщившій намъ эти письма г. Миронъ, въ предисловіи къ нимъ, основательно выразилъ удивленіе, какъ онѣ туда попали: «сколько мнѣ извѣстно—замѣчаетъ онъ—бумаги В. Барвинскаго, послѣ его смерти (1883 г.), перешли въ руки его брата Александра. Не знаю также, уцѣлѣла ли остальная часть обширной переписки покойнаго В. Барвинскаго».

По этому поводу А. Барвинскій напечаталъ въ львовской газетѣ «Русланъ» (1899 г., № 8) объясненіе факта пропажи бумагъ его брата, а къ намъ обратился съ просьбою сообщить его объясненіе и на страницахъ нашего журнала. По его словамъ, дѣло происходило такъ: Въ небольшой квартирѣ одинокаго В. Б—го помѣщалась и редакція газеты «Дила», при чемъ его личныя бумаги не были отдѣлены отъ редакціонныхъ. Во время тяжкой болѣзни покойнаго и послѣдовавшей за тѣмъ смерти, сюда ежедневно заходило много разнаго народа и беззрепятствено рылось въ грудахъ книгъ и рукописей. Когда прибывшій изъ Перемышля г. А. Барвинскій, похоронивъ брата, сталъ приводить въ порядокъ его библіотеку, то убѣдился, что въ ней многаго недостаетъ. «Очевидно (замѣчаетъ онъ), тутъ походылы ти библіоманы, котри безъ усякыхъ скрупуливъ маютъ звычай прысвоюваты соби чужы кныжкы». Что касается бумагъ, то ему достались лишь тѣ, что были спрятаны, а остальныя расхитили тѣ же «библіоманы». По его словамъ, въ сохранившихся бумагахъ и письмахъ есть много интереснаго, и онъ намѣренъ все это со временемъ опубликовать.

«Богданъ Хмельницкій» на сценѣ. О постановкѣ этой пьесы въ Москвѣ, въ Русск. Вѣд. (№ 32) читаемъ: «На сценѣ театра «Акваріумъ» идетъ въ настоящее время историческая драма М. П. Старицкаго «Богданъ Хмельницкій», премированная на конкурсѣ малорусскихъ драматическихъ писателей. Московской публикѣ она, видимо, понравилась, и первыя три представленія, данныя на прошлой недѣлѣ, сопровождались весьма замѣтнымъ для пьесы успѣхомъ.

Судьба знаменитаго гетмана Малороссіи не первый разъ служитъ благодарной темой для историческихъ романистовъ и драматурговъ. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчается между прочимъ имя одного изъ прямыхъ потомковъ малороссійскаго гетмана, небезизвѣстнаго въ свое время драматурга Н. И. Хмельницкаго, которому принадлежитъ драма «Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій» [1]. Новое произведеніе г. Старицкаго, несмотря на слишкомъ знакомый сюжетъ, не утрачиваетъ своего интереса благодаря, главнымъ образомъ, вполнѣ литературной формѣ и знакомству автора съ условіями сцены. Въ пьесѣ есть эффектно задуманные моменты, есть нѣсколько выигрышныхъ ролей, что вмѣстѣ съ обычнымъ прекраснымъ исполненіемъ малорусскихъ артистовъ вполнѣ объясняетъ успѣхъ новой драмы у публики. Изъ исполнителей очень хороши г. Кропивницкій въ роли стараго бандуриста, г. Разсудовъ-Кулябко въ заглавной роли, г-жи Боярская и Ратмирова и г. Манько. Поставлена пьеса старательно: хоры звучатъ полно и красиво; декораціи, костюмы и вооруженіе—хороші©».

Эта же пьеса дана была 5 февраля въ первый разъ и въ Кіевѣ, и послѣ того еще нѣсколько разъ была повторена, труппою Садовскаго и Саксаганскаго. Мѣстная публика съ интересомъ отнеслась къ ней, и на первомъ представленіи театръ былъ совершенно полонъ. Съ внѣшней стороны пьеса была обставлена прекрасно: костюмы, декораціи, гримъ, бутафорскія принадлежности—все это было сдѣлано по указаніямъ знатоковъ исторической эпохи. Лучшими исполнителями оказались: г. Садовскій, безукоризненно проведшій роль Богдана, и г. Карпенко-Карый въ роли полковника Барабаша, а еще лучше—въ роли генер. писаря Выговскаго. Остальные артисты, исполнившіе роли козацкихъ полковниковъ, въ общемъ были удовлетворительны, но роли польскихъ магнатовъ (Фирлея, Іереміи Вишневецкаго, Ал. Киселя) неудались и, можетъ быть, не по винѣ актеровъ.

«Галицкія дѣла». Въ № 33 «Спб. Вѣд». г. Корниловичъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки во Львовъ. Самый городъ, по его словамъ, имѣетъ видъ города большого, оживленнаго и красиваго. Въ обществѣ имени Шевченка («Наукове Товариство») г. К—чъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны мѣстныхъ литера-

[1] Прямыхъ потомковъ у Б. Хмельницкаго не было: послѣ старшаго его сына Тимофея, потомства не осталось, а младшій сынъ Юрій не былъ женатъ. *Ред.*

торовъ и ученыхъ. Г. Осипъ Маковей взялся ознакомить его съ городомъ. Г. К—чъ осмотрѣлъ малорусскій клубъ, гимназію, «керныцю» Хмельницкаго, уніатскія церкви. Интересны замѣчанія г. К—ча о галицкихъ партіяхъ. Онъ возмущается языкомъ мѣстныхъ руссофиловъ, представляющихъ «какой-то винигретъ, составленный изъ польскихъ, малорусскихъ, церковно-славянскихъ и русскихъ словъ, на которомъ никто не говоритъ, а лишь издается нѣсколько газетъ, и то—по увѣреніямъ мѣстныхъ дѣятелей—на чужой счетъ». Сами же руссофилы, какъ говорилъ г. К—чу его спутникъ, говорятъ по польски, ибо по русски не умѣютъ, а по малорусски не хотятъ, и потому сами собою полонизуются. Украинофилы же «борются съ полонизмомъ на культурной почвѣ, противопоставляя ему свои школы, свой языкъ, свою литературу и науку». Относительно Романчука и Барвинскаго г. Маковей выразился, что они—строгіе утилитаристы въ политикѣ и находятся въ согласіи съ поляками, пока надѣются получать отъ нихъ уступки, въ противномъ случаѣ переходятъ въ оппозицію. Г. Маковей указалъ на тѣсную связь уніатскаго духовенства съ народомъ. Самъ митр. Сембратовичъ былъ народникъ, это сказалось и въ его завѣщаніи, въ которомъ онъ отказалъ 80,000 гульд. на женскій институтъ, исключительно малорусскій. Что касается обрядности, то г. К—ча поразила близость богослужебнаго ритуала въ уніатскихъ церквахъ къ католическому. Г. К—ча просили распространять въ русскомъ обществѣ правильные взгляды на галицкія дѣла, ибо «ваши украинофилы являются украинофилами лишь въ буквальномъ смыслѣ этого слова: они только любятъ Украину, но ничего для нея не дѣлаютъ».

. . . . .

Поминки Т. Г. Шевченка. Въ № 55 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей напечатано слѣдующее объявленіе: «*Правленіе общества имени Т. Г. Шевченка* доводитъ до свѣдѣнія членовъ общества и почитателей покойнаго поэта, что въ годовщину его смерти, въ пятницу, 26-го февраля, будетъ отслужена обычная панихида въ Казанскомъ соборѣ, въ 12 ч. дня».

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ. *Экскурсіи для подготовительныхъ работъ къ съѣзду лѣтомъ 1898 года.* Чтобы закончить обзоръ экскурсій, намъ осталось упомянуть еще о двухъ, совершенныхъ на территоріи лѣвобережной Малороссіи.

В. Г. Ляскоронскій производилъ археологическія изслѣдованія въ предѣлахъ Полтавской, Харьковской и Черниговской губерній. Результаты экскурсіи заключаются въ слѣдующемъ. Обслѣдованы мѣстности по теченію р. Удая, отъ с. Повстена до с. Гурбинецъ, и по теченію р. Лисогора, отъ впаденія его въ Удай до с. Алексинецъ, причемъ сняты планы городищъ у сс. Повстена, Пирятина, Варвы, м. Сребнаго и близъ Сребнаго у с. Грицевки; изслѣдованы городище и курганы близъ Бѣлой-Вѣжи и Дмитровки; изслѣдованы и сняты городища по теченію р. Ромна и его притока Терговицы, именно, у сс. Сарановки, Корибутова, Кошаръ, Б. Самбора, Краснаго Колядина, Грицевки, Липоваго, Медвѣжьяго, Галки и др.; такимъ-же образомъ обслѣдованы городища по теченію р. Сулы до впаденія ея въ Днѣпръ, всего на протяженіи 250 верстъ; городища встрѣчены у Недригайлова, въ Константиновѣ, близъ с. Басовки, въ г. Ромнахъ, въ Глинскѣ и близъ его, въ м. Сенчѣ и возлѣ нея, въ м. Снѣтинѣ, въ г. Лубнахъ, близъ с. Мацковецъ, м. Лукомья, Вел. Селецкой, м. Оржицы, с. Слинка, м. Горошина, въ Буромкѣ, Лащевкѣ, близъ с. Матвѣевки, въ Жовнинѣ и возлѣ него и близъ Воинской-Гребли, что на устьѣ р. Сулы; осмотрѣны затѣмъ берега р. Терна, впадающаго въ верхнюю Сулу, отъ Череповки (Курской г). до с. Будокъ, причемъ описаны городища: у м. Терновъ, въ имѣніи кн. Щербатова и у с. Городища (Харьковск. г.). Кромѣ того, г. Ляскоронскимъ собраны

свѣдѣнія о т. н. «зміевыхъ валахъ» близъ с. Гиревки (Конотопск. у.), с. Будовъ (Роменск. у.) и близъ устьевъ р. Сулы.

П. А. Лашкаревъ посвятилъ свою экскурсію осмотру памятниковъ церковной архитектуры и иконографіи въ гг. Черниговѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ, причемъ были сняты планы, чертежи и фотографіи съ болѣе замѣчательныхъ памятниковъ. Въ Черниговѣ осмотрѣно 5 храмовъ: Преображенскій и Борисоглѣбскій соборы, Успенская церковь Елецкаго монастыря и церкви Пятницкая и Ильинская. Всѣ эти храмы относятся къ великокняжескому времени, но не всѣ они сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ благодаря позднѣйшимъ перестройкамъ, совершенно измѣнившимъ ихъ внѣшній видъ, можно отнести, по первому впечатлѣнію, къ гораздо болѣе поздней эпохѣ. Въ иконографическомъ отношеніи Черниговъ оказался мало интереснымъ, здѣсь была найдена всего одна икона заслуживающая вниманія—Елецкой Божіей Матери—копія половины XVII в. съ изображеніемъ Елецкаго монастыря. Новгородъ-Сѣверскъ въ послѣднемъ отношеніи далъ гораздо болѣе интереснаго матеріала, хотя, съ другой стороны, памятники древняго зодчества въ немъ почти совершенно отсутствуютъ. Интересные памятники иконографіи обнаружены, главнымъ образомъ, въ деревянной Покровской церкви и затѣмъ въ Преображенскомъ монастырѣ. Покровская церковь съ такъ наз. «опасаньемъ», на теперешнемъ мѣстѣ поставлена въ 1762 г., но сюда перенесена съ другого мѣста и построена, вѣроятно, гораздо раньше. Въ этой церкви обращаютъ на себя вниманіе три иконы: одна западнаго письма хорошей кисти, изображающая Божію Матерь со Спасителемъ и Предтечей; двѣ другія—южно-русскаго и также очень хорошаго письма. Первая изъ нихъ—Скорбящая Божія Матерь, на ней вверху помѣщена Богоматерь, окруженная ангелами, ниже—горы и рѣка или море и еще ниже, въ трехъ ярусахъ,—прибѣгающіе къ защитѣ Боготатери; здѣсь наиболѣе интересенъ второй ярусъ, гдѣ съ правой стороны находимъ изображенія простолюдиновъ—типичныхъ малороссовъ и великоросса нищика, съ лѣвой же, на первомъ планѣ какого-то козацкаго старшины въ епанчѣ, подбитой горностаемъ. Другая икона—Покровъ Богоматери, съ лѣвой стороны ея изображено духовенство съ патріархомъ во главѣ, съ правой—царь и царица, великорусскій воевода и также одинъ изъ козацкой старшины; весьма вѣроятно, что на этой иконѣ нѣкоторыя изображенія лицъ представляютъ изъ себя портреты.

Въ Преображенскомъ монастырѣ интересны 4 иконы: 1) Антонія и Өеодосія, съ видомъ Кіево-Печерской лавры первой половины XVII в; 2) Почаевской Божіей Матери, съ видомъ лавры надо полагать еще до перехода послѣдней подъ власть уніатовъ; 3) Преображенія, съ помѣщенными внизу видами цѣлаго ряда монастырей съ Преображенскимъ въ центрѣ и 4) Макарія Калязинскаго, съ дѣяніями и видомъ Калязинскаго монастыря.

— *Въ засѣданіи Кіевскаго отдѣленія Предварит. Комитета по устройству съѣзда*, происходившемъ 14-го февраля, обсуждались слѣдующіе вопросы. Заслушано письмо нѣсколькихъ членовъ Науковаго Товариства імени Шевченка во Львовѣ, въ которомъ члены этого общества, выражая благодарность за приглашеніе на съѣздъ, просятъ разъяснить тотъ параграфъ правилъ съѣзда, въ которомъ говорится о языкахъ, на какихъ могутъ быть читаемы рефераты, именно, можетъ-ли быть употребляемъ также и малорусскій языкъ, въ виду того, что многіе изъ галицкихъ ученыхъ не владѣютъ русскимъ языкомъ,—постановлено направить это письмо въ Московскій Комитетъ, въ которомъ и раньше обсуждался вопросъ о языкахъ. Предсѣдателемъ отдѣленія было доложено затѣмъ о ходѣ составленія каталога выставки и о коллекціяхъ, поступающихъ на выставку—получена коллекція волынскихъ первобытныхъ древностей г. Тиховскаго и обѣщаны коллекціи г. Пуласскаго (въ окрестностяхъ г. Каменца) и г. Волянскаго (въ Дубенскомъ у. Волынск. г.). Въ заключеніе были доложены заявленія нѣкоторыхъ лицъ, выразившихъ желаніе прочесть на съѣздѣ рефераты, между пр. чешскій ученый Л. Нидерле предложилъ прочесть на русскомъ языкѣ рефератъ «О времени переселенія славянъ на югъ отъ Карпатъ» и поставилъ вопросъ—нельзя-ли на съѣздѣ обсудить способы улучшенія постановки славяновѣдѣнія и взаимныхъ отношеній славянскихъ ученыхъ.

Случайныя находки. *Городищу на Княжей Горѣ* повидимому суждено занимать постоянное мѣсто въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ нашей лѣтописи. За послѣднее время снова были привезены въ Кіевъ три партіи древностей, превзошедшія по цѣнности предметовъ всѣ предыдущія. Предметы добыты какъ раскопками, которыя продолжались все это время, такъ и скупкой прежде найденныхъ. Нужно вообще замѣтить, что благодаря интересу, какой возбудила Княжа

Гора среди ученыхъ, любителей и торговцевъ древностями, заинтересовались древностями и мѣстныя крестьяне, и вотъ, съ одной стороны ими безпрестанно ведутся раскопки на городищѣ, съ другой-же, нѣкоторые изъ нихъ занялись скупкой древностей и по окрестнымъ селамъ; скупку они ведутъ энергично, переправляются и на лѣвый берегъ Днѣпра и тамъ рыщутъ по селамъ, такъ что можно съ увѣренностію сказать, что въ томъ раіонѣ, очень богатомъ древностями, ни одна находка не теряется безслѣдно; фактъ этотъ представляется намъ явленіемъ очень отраднымъ, благодаря ему много цѣнныхъ находокъ спасается отъ гибели, и что главное—открываются новыя мѣста нахожденія древностей. На этотъ разъ, среди обычныхъ для Княжей Горы предметовъ, заслуживаютъ вниманія: нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, небольшой янтарный крестикъ прекрасной сохранности, мѣдный крестъ-энколпіонъ, найденный вполнѣ нетронутымъ и даже съ той цѣпочкой, на которой онъ носился (эти предметы поступили въ собраніе Н. П. Чернева), особенно же большой художественный интересъ представляетъ мѣдный крестъ-энколпіонъ, также прекрасной сохранности, украшенный разноцвѣтной перегородчатой эмалью; судя по нѣкоторымъ раньше найденнымъ образцамъ, его нужно считать произведеніемъ русскаго ювелира половины XIII вѣка (поступилъ въ собраніе Б. И. Ханенко).

— На Андреевскомъ спускѣ въ Кіевѣ еще осенью прошлаго года была найдена *серебряная гривна въ видѣ слитка серебра*; благодаря невѣжеству находчика она была разломана и только недавно представлена въ Археолог. Комиссію.

Музеи и собранія древностей. Въ засѣданіи Черниговскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшемся 2-го февраля, вновь подтверждено постановленіе собранія прошлаго года *о принятіи въ даръ губернскимъ земствомъ музея украинскихъ древностей, В. В. Тарновскаго* В. В. Тарновскій нарочито пріѣзжалъ въ Черниговъ для выясненія условій принятія земствомъ его обширнаго и богатаго собранія, оцѣненнаго проф. Антоновичемъ въ 80 тысячъ. Чтобы какъ слѣдуетъ размѣстить всѣ коллекціи музея, необходимо большое, спеціально устроенное, зданіе, особенно если имѣть въ виду, что съ устройствомъ музея, многіе обладатели украинской старины не замедлятъ, какъ утверждалъ г. Тарновскій, дарить свои

предметы музею. Жертвователь отказался отъ первоначальнаго своего условія помѣстить музей непремѣнно въ такъ называемомъ домикѣ Мазепы на валу, на отчужденіе котораго уже состоялось согласіе со стороны казны. Три комиссіи, трудившіяся надъ выработкой условій пріема и содержанія музея г. Тарновскаго, представили собранію слѣдующее заключеніе: на постройку и приспособленіе зданія для музея ассигновать 20 тысячъ рублей, ходатайствовать передъ городомъ о безплатномъ отводѣ для этого зданія земли; для устройства зданія избрать исполнительную комиссію, пригласивъ въ нее и г. Тарновскаго; жертвователя сдѣлать почетнымъ членомъ музея; впредь до устройства помѣщенія хранить подарокъ у г. Тарновскаго, принявъ его предварительно по описи. На завѣдываніе музеемъ назначить 1500 рублей. Противники пріобрѣтенія этого музея, суживая понятіе «заботъ земства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ», доказывали, что земство не имѣетъ юридическаго права тратить деньги на музей и, въ виду необходимости позаботиться о народномъ образованіи, отрицали нравственное право за земствомъ обзаводиться подобной роскошью. Послѣ рѣчи гл. Шрага о культурномъ значеніи музея, собраніе большинствомъ голосовъ приняло предложеніе комиссіи.

Разныя извѣстія. *Поддѣлка старинныхъ вещей.* Передаемъ со словъ одной изъ кіевскихъ газетъ любопытныя подробности о случайно открытой поддѣлкѣ старинныхъ предметовъ, практиковавшейся въ широкихъ размѣрахъ. 8 февраля кіевской полиціи стало извѣстно, что въ Кіевъ прибылъ изъ-за границы и остановился въ гостинницѣ какой то продавецъ старинныхъ вещей, который привозитъ ихъ контрабанднымъ способомъ, и что вещи эти низкопробнаго серебра. Вслѣдствіе этого полиція прибыла въ гостинницу и застала тамъ нѣкоего Боруха Даренгейма, австрійскаго подданнаго. Въ номерѣ оказалось очень много серебряныхъ вещей, по виду старинныхъ, такъ что комната носила характеръ небольшого музея. Тутъ стояли огромныя серебряныя блюда, почернѣвшія отъ времени, съ разными изображеніями изъ исторіи среднихъ вѣковъ, тяжелые массивные бокалы, рюмки, большіе серебряные барельефы въ старыхъ плюшевыхъ рамахъ, металлическія изображенія Петра Великаго, Анны Іоанновны, царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича,

Яна Собѣскаго, Станислава Понятовскаго и Яна Казимира, серебряное блюдо съ надписью «Masepa» и т. п. Борухъ Даренгеймъ объяснилъ, что онъ эти «старинныя» вещи самъ изготовляетъ въ своей мастерской, которую онъ содержитъ совмѣстно съ своимъ тестемъ Яковомъ Цимерманомъ во Львовѣ. Изготовляя «древности» за границей, Даренгеймъ привозилъ ихъ для сбыта въ Россію. Насколько они искусно поддѣланы—доказывается тѣмъ, что ихъ пріобрѣтали спеціалисты-антикваріи и платили большія деньги. Въ Кіевѣ, напримѣръ, извѣстный содержатель магазина старинныхъ вещей И. купилъ у него «древностей» изъ слоновой кости на 2,000 рублей. Впослѣдствіи Даренгеймъ сталъ утверждать, что найденныя у него вещи дѣйствительно старинныя. Но это второе заявленіе его опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ старыя времена такого художественнаго характера предметы не изготовлялись изъ низкопробнаго серебра, а наоборотъ, изъ серебра самаго высокаго качества.

Какъ оказывается, въ Россіи вообще и въ Кіевѣ въ частности практикуется въ широкихъ размѣрахъ не только сбытъ, но и производство «древностей». Такъ, напримѣръ, одновременно съ обнаруженіемъ «музея» Даренгейма, стало извѣстно, что «древности» изготовляются также однимъ изъ жителей Н. Юрковицы. Какъ оказалось, «мастеръ» этотъ проживалъ въ полуразвалившейся темной избѣ; кругомъ царила полная нищета и грязь; самъ «мастеръ» сидѣлъ на изломанномъ табуретѣ у простого, залитого смолою стола, который освѣщался небольшой, съ закоптившимся стекломъ, лампой. Хозяинъ, бѣдный на видъ человѣкъ, смахивающій на берегового рабочаго, разговаривая со своими гостями, чертилъ карандашемъ на бумагѣ, приклеенной къ большой металлической доскѣ, какія то фигуры съ копьями и спокойно покуривалъ «сигарку» изъ газетной бумаги. На вопросъ, что это онъ дѣлаетъ, «мастеръ» отвѣтилъ, что онъ работаетъ надъ металлическимъ барельефомъ «коронованіе короля Сигизмунда» и что на бумагѣ онъ теперь чертитъ контуры и затѣмъ будетъ выбивать ихъ на доскѣ. «Мастеръ» оказался «чеканщикомъ» старинныхъ вещей, и когда его спросили, какъ же это онъ рисуетъ безъ оригинала, онъ выразился, что ему приходилось «коронованій Сигизмунда» изготовить нѣсколько десятковъ экземпляровъ и потому онъ это «коронованіе» знаетъ «на память». У него въ конуркѣ найдено было готовое «коронованіе Сигизмунда», имѣвшее такой видъ, словно барельефъ по крайней мѣрѣ сто лѣтъ находился гдѣ-нибудь въ землѣ.

Какъ выяснилось, этотъ мастеръ исполнялъ заказы разныхъ антикваріевъ, содержателей магазиновъ древнихъ вещей и т. д. Ему давали матеріалъ и тему и платили за работу гроши, между тѣмъ какъ его работы продавались какъ «антики» за большія деньги. Кромѣ этого работника, въ Кіевѣ обнаружены еще другіе «чеканщики», работавшіе по заказу. Вышеупомянутый мастеръ поинтересовался взглянуть на коллекцію Даренгейма и явился въ то время, когда приглашенные золотыхъ дѣлъ мастера занимались изслѣдованіемъ серебра, изъ котораго сдѣланы вещи. Эксперты признали, что это серебро самаго низкаго достоинства, т. е. самое лучшее четырнадцатой пробы, а худшее шестой пробы. Относительно же времени существованія этихъ предметовъ золотыхъ дѣлъ мастера готовы были прійти къ заключенію, что они дѣйствительно «старинные». Въ особенности они утверждали это относительно одного барельефа, изображавшаго «принятіе Богданомъ Хмельницкимъ присяги на вѣрность Россіи», дѣйствительно по виду очень старой вещи. Слушая ихъ заключеніе, «чеканщикъ» только улыбался и, наконецъ, не выдержавши, заявилъ, что ему этого «Богдана Хмельницкаго» сдѣлать «все равно, что плюнуть», и онъ готовъ взяться за изготовленіе такихъ точно барельефовъ по рублю за штуку. Въ общемъ, онъ категорически заявилъ, что среди этихъ вещей нѣтъ ни одной старинной и что они всѣ, какъ онъ характерно выразился, «прошлогоднія». Для точнаго же заключенія по этому вопросу будутъ вызваны спеціальные эксперты антикваріи. Даренгеймъ, который, къ слову сказать, выписывался въ Кіевъ коммиссіонеромъ по продажѣ древностей, привлекается къ суду по обвиненію въ провозѣ контрабанды.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. *Книга XII (съ приложеніемъ шести картъ). Издана подъ редакціей М. Н. Ясинскаго. Кіевъ, 1898 г. Стр. 64+337+21+155.*

Содержаніе XII книги «Чтеній», по обыкновенію, очень пестро и случайно.

Насъ, конечно, могутъ интересовать здѣсь, главнымъ образомъ, статьи и матеріалы, относящіяся къ югу Россіи и преимущественно къ Малороссіи. Изъ нихъ въ отдѣлѣ „Матеріаловъ" на первомъ планѣ мы должны поставить «Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи за 1722—1723 года» (Отд. III, стр. 9—145), напечатанные А. М. Лазаревскимъ. „Напечатанный О. М. Бодянскимъ въ 1858 г. «*Діаріушъ, или журналъ случающихся при дворѣ ясн. велм. его мил. п. Іоанна Скоропадскаго гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ*» за 1722 годъ (за первую половину), веденный старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ,—говоритъ издатель въ своемъ предисловіи—показываетъ, какой драгоцѣнный источникъ для исторіи представляли эти *даріуши*. Это были полные дневники административной дѣятельности правителей края; точность записей въ нихъ обезпечивалась оффиціальнымъ положеніемъ лицъ, которымъ поручалось ихъ веденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что діаріуши велись въ гетманскихъ канцеляріяхъ издавна. Вѣроятно, и упомянутый Величкомъ діаріушъ Самойла Зорки, „секретаря" Богдана Хмельницкаго, представлялъ собою такой же дневникъ административной дѣятельности славнаго гетмана.

Къ сожалѣнію, всѣ эти діаріуши погибли... Сохранился діаріушъ за первую половину 1722 г., веденный Николаемъ Ханенкомъ, и сохранился не въ оффиціальномъ архивѣ, а въ семейномъ. Сохранилось и продолженіе этого діаріуша. Продолженіе это начато со дня смерти Скоропадскаго (3 іюля 1722 г.) и доведено до конца 1723 г. Это было время установленія въ Глуховѣ малороссійской коллегіи, съ съ Вельяминовымъ во главѣ, и попытокъ наказнаго гетмана Полуботка защитить гетманскую автономію. Діаріушъ за указанные полтора года представляетъ собою фоліантъ въ нѣсколько сотъ страницъ» (Ibid. стр. 90—91). А. М. Лазаревскій пріобрѣлъ этотъ діаріушъ въ Черниговѣ, пользовался имъ при написаніи своей монографіи о Полуботкѣ (Рус. Арх. 1880, кн. I) и въ настоящее время передалъ его въ библіотеку университета св. Владиміра...

Діаріушъ былъ начатъ Ханенкомъ, продолжался Филиппомъ Борзаковскимъ, а былъ оконченъ канцеляристомъ Павломъ Ладинскимъ (Чтенія, отд. III, стр. 91, прим. 1-е). Для насъ онъ пріобрѣтаетъ еще большій интересъ, потому что здѣсь же, въ Кіевскомъ университетѣ, имѣются и копіи протоколовъ генеральной войсковой канцеляріи за тотъ періодъ, къ которому относится діаріушъ. Сопоставляя поэтому нѣкоторые протоколы и указы генеральной войсковой канцеляріи съ діаріушемъ, мы имѣемъ возможность составить себѣ понятіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ былъ составленъ или которыя вызвали тотъ или другой указъ.

Ѳ. П. Истоминъ напечаталъ «Матеріалы для біографіи «друкара» Тимофея Александровича». Это, во-первыхъ, запись отъ 1 сентября 1624 года о продажѣ женой запорожскаго козака, кіевскаго обывателя, Авдотьей Путивльцевой двора съ постройками Тимофею Александровичу и, во-вторыхъ, жалоба Тимофея Александровича отъ 24 апрѣля 1625 г. на Лаврина Бучайскаго о нанесеніи ему побоевъ. Тимофей Александровичъ былъ владѣльцемъ частной типографіи въ Кіевѣ въ періодъ съ 1625—1630 года, которая существовала на ряду съ лаврской типографіей. Другая подобная типографія принадлежала Спиридону Соболю. Обѣ онѣ выпустили за пять лѣтъ 7 книгъ... Напечатанные Ѳ. П. Истоминымъ документы имѣютъ не только юридическое, но и бытовое значеніе. Изъ перваго документа мы знаемъ, напримѣръ, что проданный домъ Путивльца, въ которомъ, очень можетъ быть, какъ предполагаетъ Ѳ. П. Истоминъ, помѣщалась и типографія, долженъ былъ занимать обширное мѣсто; по обѣимъ

сторонамъ его шли улицы, ведшія въ «мѣсто», главнѣйшую часть города; въ дворѣ находились: пекарня, сѣни, свѣтлица, комната, комора, пивница, а въ саду баня. Второй документъ свидѣтельствуетъ намъ о дикой расправѣ, которой подвергся Тимофей Александровичъ въ Острогѣ. Панъ Бучайскій его, пріѣхавшаго въ Острогъ по своимъ дѣламъ и устраивавшаго ихъ на рынкѣ, велѣлъ схватить своей челяди и помощникамъ и держать, а самъ билъ его обухомъ, мучилъ и нанесъ ему много синяковъ и кровавыхъ ранъ на плечахъ, рукахъ, хребтѣ, на ногахъ; но недовольствуясь этимъ, онъ арестовалъ его, держалъ нѣсколько дней и едва выпустилъ, за поручительствомъ нѣсколькихъ лицъ... Хорошая бытовая картинка!... Мы не знаемъ причины, вызвавшей такую расправу. Тимофей Александровичъ говоритъ, что безъ всякой причины. Можетъ быть, и такъ, а можетъ быть, правъ и Ѳ. П. Истоминъ, который думаетъ, будто для Бучайскаго «достаточнымъ поводомъ могло служить то обстоятельство, что онъ встрѣтилъ въ Александровичѣ, во-первыхъ, запорожца, а, во-вторыхъ, человѣка, намѣревающагося распространять «схизматицкія» книги и тѣмъ препятствовать св. уніи греческаго исповѣданія съ римскимъ костеломъ»... Ѳ. П. Истоминъ снабдилъ свои документы обстоятельнымъ и интереснымъ предисловіемъ, которое, хотя (неизбѣжно въ такихъ случаяхъ) нѣсколько и преувеличиваетъ значеніе документовъ, но подробно отмѣчаетъ всѣ ихъ стороны. Несомнѣнно они, не прибавляя ничего новаго, важны и въ юридическомъ отношеніи. Кіевскихъ документовъ, первой половины XVII в. у насъ вообще мало...

Интересный матеріалъ напечаталъ и М. П. Истоминъ подъ заглавіемъ «Описаніе иконописи Кіево-Печерской лавры», снабдивъ его рефератомъ: «Къ вопросу о древней иконописи Кіево-Печерской лавры», отнесеннымъ, по не совсѣмъ удачному редакціонному пріему, къ первому отдѣлу «Чтеній», тогда какъ онъ неразрывно связанъ съ «Описаніемъ». Въ лаврѣ, видите-ли, есть два описанія живописи; оба они, по времени написанія, но не составленія, относятся къ 1720-мъ годамъ. Одно изъ этихъ описаній хранится въ лаврской библіотекѣ подъ № 183, другое подъ № 204-мъ. Изслѣдуя самымъ всестороннимъ образомъ оба эти описанія, М. П. Истоминъ пришелъ къ заключенію, что рукопись № 204 не является черновикомъ для № 183; «точно также она не была и оригинальнымъ произведеніемъ начала XVIII в.; по многимъ, весьма важнымъ признакамъ эту рукопись должно считать копіей другой, древней рукописи, не дошедшей

до насъ, разбитой, неполной, съ перемѣшанными и утраченными листами, съ листками изъ третьей книги, съ выцвѣтшими чернилами и не разборчивымъ уже почеркомъ для переписчика начала XVIII в.». (Отд. I, стр. 6). Переписана она была, вѣроятно, послѣ пожара 1718 года съ разбитаго и неполнаго подлинника, который М. П. Истоминъ относитъ къ XV вѣку, когда кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ «обнови церковь Печерскую, Батыемъ разоренну, 233 г. въ запустѣніи бывшую» (Ibid. стр. 16). Разрисовка Великой лаврской церкви была окончена въ половинѣ XVI в. и настолько прочно, что вопросъ объ ея возобновленіи не возбуждался ни при Петрѣ Могилѣ, ни въ XVIII вѣкѣ; при реставраціяхъ живопись только поновляли... Разъ доказано, что «Описаніе иконописи» относится къ XV вѣку, само собой ясна его научная важность. М. П. Истоминъ по этому поводу говоритъ: «древняя иконопись Кіево-Печерской лавры въ настоящее время почти уничтожена; она отходитъ, такимъ образомъ, въ вѣчность и становится съ этихъ поръ достояніемъ исторіи... Но разъ древней живописи уже нѣтъ, и задача художественной оцѣнки ея становится затруднительной, то дѣло историка теперь, по нашему крайнему разумѣнію, заключается въ необходимости изслѣдовать и изучать, на сколько это возможно, по сохранившимся источникамъ, не степень художественнаго исполненія священныхъ изображеній, а ихъ сюжетъ, ихъ смыслъ и общую идею разрисовки, отвѣчавшую, конечно, требованіямъ своего времени и находившуюся, поэтому, въ тѣсной связи съ главнѣйшими направленіями религіозной мысли. Народная масса, вообще нетребовательная въ отношеніи эстетики, вполнѣ удовлетворялась степенью художественности лаврской иконописи; ею удовлятворялось даже и образованное общество до того, что уподобляло Печерскую обитель небесамъ. Проникнутые глубоко-религіознымъ восторгомъ, посѣтители и богомольцы лавры безъ критики относились къ священнымъ и историческимъ изображеніямъ въ ней и должны были, поэтому, подчиняться не столько художественности исполненія изображеній, сколько самому содержанію ихъ, его глубокому смыслу и горячему религіозному чувству, прямо и ясно выражавшемуся въ тѣхъ текстахъ изъ священнаго писанія и твореній отцевъ и учителей церкви, которые (т. е. тексты) сопровождали каждое изображеніе и объясняли сущность его сюжета; и для нихъ важна была, такимъ образомъ, идея, какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и всей совокупности ихъ. Съ этой именно стороны и заслужи-

ваетъ полнаго вниманія историка иконопись Кіево-Печерской лавры, какъ главнаго св. мѣста въ «Русскомъ Іерусалимѣ», къ которому въ теченіе 8-ми вѣковъ стекается вся православная Россія» (стр. 4). Авторъ, поэтому, въ ближайшемъ будущемъ обѣщаетъ намъ заняться вопросомъ о томъ, «какая же основная мысль лежала въ общей совокупности священныхъ изображеній на стѣнахъ Великой лаврской церкви и въ каждомъ отдѣльно; насколько она была близка или чѣмъ отличалась отъ основной мысли въ сюжетахъ иконъ другихъ столь же древнихъ православныхъ храмовъ, что вносили въ нее новаго реставраціи позднѣйшихъ вѣковъ; подъ какими вліяніями совершались и какой мысли отвѣчали измѣненія и дополненія въ иконописи?» (стр. 19). Подобная широкая постановка вопроса, разъ у автора найдутся матеріалы, заслуживаетъ самой глубокой симпатіи. Мы только боимся, чтобы авторъ не увлекся отыскиваніемъ «*основной* мысли, лежавшей въ *общей* совокупности священныхъ изображеній»... Значеніе лаврской живописи, кажется намъ, именно въ отдѣльныхъ сюжетахъ. Подъ видомъ религіозной живописи, они должны были вносить новыя понятія въ наше южно-русское искусство... А сколько такихъ отдѣльныхъ-то сюжетовъ наберется въ описаніи лаврской живописи! Предъ вами проходитъ цѣлая галлерея лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, имя которыхъ такъ или иначе связано съ лаврой—это *историческая* живопись. «Святій Василій Великій баше возврастомъ высокъ, тѣломъ сухонявъ и чернъ въ образѣ, видомъ похилъ, горбоносъ, брови окружени, браду же имѣя долгу и рѣдку, въ мислѣ челомъ высоко, кротокъ, средовѣкъ, въ сѣдинахъ доволенъ (стр. 71)—такія требованія выставлены для образа Василія Великаго. Здѣсь мы видимъ не случайную мазню, а опредѣленную мысль въ образѣ. „Телецъ, изваянный на столпѣ, и люде около его скачущіе; Моисей же подъ горою скрижали сокрушаетъ и идола жезломъ сокрушаетъ, а на горѣ написать заповѣдь 2-ю, више висанную: «не сотвори» и проч. (стр. 83). Вѣдь это настоящая жанровая картина! Мы имѣемъ даже такіе сюжеты: «древо дубъ, листвія распростерто имѣяй»; «лоза виноградная обрѣзаема»; «Моисей, жезломъ поразивъ камень, изводитъ воду» (стр. 60) и т. д.—сюжеты, которые являются иллюстраціей священнаго писанія, но въ которыхъ очень трудно поймать, безъ натяжекъ, какой-нибудь нравственный мотивъ. Одинъ изъ столбовъ въ церкви такъ былъ разрисованъ: „ліеншафти (ландшафтъ); Іосифъ, сѣдящу Фараону на креслѣ, разсуждая съ нимъ; ближшей море; изъ

моря идутъ 7 коровъ худыхъ, а на земли стоятъ 7 коровъ тлустыхъ»... Таковы сюжеты живописи Кіево-Печерской лавры. Конечно, мы, вѣроятно, не найдемъ здѣсь пейзажей Шишкина, Волкова, экспрессіи Рѣпина; но самые маленькіе зародыши этого тамъ были—и въ этомъ несомнѣнное значеніе лаврской живописи. Посѣщавшій лавру народъ выносилъ оттуда скорѣй всего не священные тексты, а художественные образы и сравнивая ихъ съ убогой живописью деревенскаго храма, получалъ извѣстный плюсъ въ своемъ художественномъ образованіи. Посѣтите Владимірскій соборъ, прислушайтесь къ говору сермяжной толпы, которая его всегда наполняетъ—тамъ живое подтвержденіе всего этого. А какое вліяніе могла имѣть лаврская живопись на малорусскихъ маляровъ? на всѣ тѣ картины, которыя дошли до насъ?!... Сомнѣваемся, чтобы никакого, а можетъ быть и большое. Вопросъ этотъ сложный, трудный; очень вѣроятно, что при данныхъ средствахъ невозможно на него дать и приблизительнаго отвѣта; но вопросъ этотъ важный, интересный, а главное законный, насколько вообще законенъ вопросъ о культурномъ вліяніи Кіева на малорусскую жизнь...

Въ отдѣлѣ „Изслѣдованій" мы должны отмѣтить статью В. Г. Ляскоронскаго «Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ Южной Россіи». Къ статьѣ этой приложены и 4 карты Боплана: генеральная карта Украины; карта Брацлавщины, Покутья и Подоліи. Авторъ добросовѣстно изучилъ матеріалъ, посѣтилъ многія заграничныя собранія, библіотеки и музеи, хотя мы должны сказать, что изученіе картъ и описаніе ихъ у В. Г. Ляскоронскаго чисто внѣшнее. Онъ не критикуетъ картъ, атласовъ, не ищетъ ихъ источниковъ; онъ только описываетъ и перечисляетъ. Конечно, и это трудъ очень почтенный, за который нельзя не быть благодарнымъ автору, который, очевидно, не мало потратилъ усилій на разысканіе и изученіе матеріала. Намъ только кажется, что В. Г. Ляскоронскій слишкомъ преувеличиваетъ значеніе картъ Боплана, да и вообще старинныхъ географическихъ картъ Южной Россіи, составленныхъ на Западѣ Европы. По картамъ, говоритъ онъ, «является возможность судить какъ о существованіи тѣхъ или другихъ поселеній въ странѣ, такъ и о границахъ послѣдней въ различные періоды ея исторической жизни. Неполныя свѣдѣнія, сообщаемыя этими картами, все же являются весьма цѣнными для насъ, такъ какъ, благодаря имъ, можно съ полнымъ основаніемъ доказать ошибочность

предвзятаго (нашъ курсивъ) мнѣнія о пустынности и ненаселенности въ XVI вѣкѣ большей части лѣвобережной Украины. Мы изучили съ этой цѣлью значительное количество старинныхъ атласовъ и убѣдились, что древнія географическія карты могутъ съ большимъ успѣхомъ разсѣять ложно составленныя предвзятыя мнѣнія. Подробное изученіе за границей древнихъ картъ Южной Россіи дало намъ возможность сдѣлать выводъ, что наши историки, *руководствуясь только генеральными картами Южной Россіи* (нашъ курсивъ), часто впадали въ крайне грубое заблужденіе какъ относительно степени населенности края, такъ и относительно времени возникновенія тѣхъ или другихъ поселеній его. Изученіе старинныхъ картъ, относящихся къ Южной Россіи, все болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ, что свѣдѣнія на Западѣ о Южной Россіи долгое время были чрезвычайно скудны, и лишь этимъ обстоятельствомъ объясняется неполнота и несовершенство ея географическихъ картъ. Въ старинныхъ атласахъ карты Россіи зачастую перепечатывались по одному какому-либо образцу, признанному наиболѣе удачнымъ и достовѣрнымъ. Относительно старинныхъ картъ и атласовъ, издававшихся въ Западной Европѣ, необходимо замѣтить, что они не всегда заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, составленныя по послѣднимъ, доступнымъ для того времени даннымъ: атласы, по большей части, заключали въ себѣ такія карты, которыя были сдѣланы значительно раньше и въ разныхъ странахъ, такъ что, напр., атласъ XVII ст. заключалъ въ себѣ карты XVI ст.» (стр. 99—100). Такъ неблагопріятно характеризуетъ В. Г. Ляскоронскій свой матеріалъ. Естественно, кажется, было и отнестись къ этому матеріалу нѣсколько суровѣе, критически, чѣмъ сдѣлалъ это В. Г. Ляскоронскій, а между тѣмъ онъ допускаетъ возможность дѣлать на основаніи только его выводы, разсѣивать «предвзятыя мнѣнія» и исправлять «грубыя заблужденія» историковъ.

Кто же эти историки, которые «грубо заблуждаются, утверждая что южная Полтавщина была мало населена въ XVI вѣкѣ и что ея колонизація началась послѣ люблинской уніи и, главнымъ образомъ, въ началѣ XVII вѣка? В. Г. Ляскоронскій не называетъ ихъ именъ. Мы знаемъ четырехъ такихъ заблуждающихся историковъ: г. Ал. Яблоновскаго съ его «Źródła dziejowe т. XXII, М. Ф. Владимірскаго-Буданова съ его предисловіемъ ко 2-му тому VII ч. «Архива Юго-Западной Россіи, И. В. Лучицкаго съ его «Займанщиной и формами заимочнаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи» и А. М. Ла-

заревскаго съ его «Лубенщиной и князьями Вишневецкими» (въ Кіевской Старинѣ 1896 г.) и «Историческими очерками Полтавской Лубенщины». (XI кн. „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца). Къ этимъ, пожалуй, можно прибавить еще и В. Б. Антоновича, который въ своихъ лекціяхъ, говоря о козачествѣ, его происхожденіи и первыхъ временахъ, указывалъ и на малонаселенность Украины. Смѣемъ увѣрить В. Г. Ляскоронскаго, что историки эти сдѣлали свои выводы на основаніи критическаго изученія доступнаго имъ обширнаго матеріала, а не «руководствуясь только генеральными картами Южной Россіи», какъ утверждаетъ В. Г. Ляскоронскій. Извѣстенъ ли этотъ матеріалъ В. Г. Ляскоронскому, изученъ-ли онъ имъ—этого изъ статьи его не видно, а между тѣмъ изученіе его было необходимо для критической оцѣнки картъ, которой, какъ я уже сказалъ, нашъ авторъ и не сдѣлалъ. Мы считаемъ утвержденія названныхъ выше историковъ не только не поколебленными, а напротивъ подтвержденными матеріаломъ, сообщеннымъ г. Ляскоронскимъ. На древнѣйшихъ картахъ, о которыхъ онъ говоритъ, мы встрѣчаемъ мало поселеній. Поселенія эти не новость для ученыхъ, занимающихся исторіей колонизаціи: они были имъ извѣстны и раньше, чѣмъ г. Ляскоронскій заговорилъ о картахъ. Что же касается картъ Боплана, то ненужно забывать, что они относятся къ очень сравнительно позднему времени, почти ко времени Хмельниччины. Никто никогда не утверждалъ, что въ это время Полтавщина была еще почти пустыней, хотя все же таки масса земли въ ней оставалась незанятой. Она была колонизована уже послѣ Богдана Хмельницкаго. Труды М. А. Максимовича, И. В. Лучицкаго, А. М. Лазаревскаго—даютъ много историческаго матеріала для такого заключенія.

Мы вообще не придаемъ такого большого значенія картамъ Боплана, какъ В. Г. Ляскоронскій. Безспорно, они полезны, какъ *вспомогательный*, но не какъ главный матеріалъ. Они могутъ служить для провѣрки, для разъясненія недоразумѣній, но никакъ не для выводовъ. Самый способъ составленія этихъ картъ, о которомъ говоритъ В. Г. Ляскоронскій (стр. 120 и слѣд.), заставляетъ историка относиться къ нимъ съ осторожностью.

Кромѣ означенныхъ статей, къ исторіи Малороссіи относятся еще: рефератъ С. Т. Голубева «О древнѣйшемъ планѣ г. Кіева 1638 г.» и Н. Н. Оглоблина «Изъ жизни Кіевской губерніи прошлаго вѣка». Въ первой сообщается очень много свѣдѣній, критически провѣрен-

ныхъ такимъ знатокомъ, какъ С. Т. Голубевъ, и имѣющихъ большое значеніе для древней топографіи г. Кіева; вторая заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ «мелочей жизни». Первая такая «мелочь»—генералъ-губернаторское внушеніе полякамъ въ 1796 году. «Съ крайнимъ соболѣзнованіемъ извѣщаюсь, писалъ кіевскій генералъ-губернаторъ Тутолминъ пятигорскому уѣздному предводителю дворянства Залевскому — что молодые дворяне, *возвратившіеся* въ домы послѣ *бывшей революціи*, находясь теперь при родителяхъ своихъ и родственникахъ въ праздности и безъ всякой службы, позволяютъ себѣ несовмѣстную и предосудительную *вольность въ словахъ* своихъ, или обнаруживаютъ малое по молодости понятіе о вещахъ и прямыхъ своихъ пользахъ, или мѣшаясь разсужденіями *въ непринадлежащія дѣла*, слѣдуютъ... неосновательному умствованію *суетныхъ гаданій*... (стр. 323). Вторая замѣтка Н. Н. Оглоблина заключаетъ въ себѣ нѣсколько данныхъ изъ исторіи старообрядческихъ поселеній въ Кіевской губерніи—борьбу старообрядцевъ съ помѣщиками, желавшими ихъ закрѣпостить. Третья—интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло о Ривкѣ Шимоновой, которая истребила рожденнаго ею урода... Ривку привлекли, конечно, къ суду и только послѣ долгихъ проволочекъ выпустили на свободу.

Въ XII книгѣ помѣщены и юбилейные рефераты, прочитанные въ обществѣ по случаю исполнившагося 100-лѣтія со дня смерти Екатерины II, проф. В. С. Иконниковымъ «Значеніе царствованія Екатерины II»; проф. Н. П. Дашкевичемъ «Литературныя изображенія имп. Екатерины II и ея царствованія»; И. И. Гливенкомъ «Россія временъ Екатерины II въ «Il Poema Tartaro» G. Gosti...».

Н. В.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *Томъ XXI. Одесса. 1898. 8 д. л. 292+56+32+28+66 стр. и 8 табл. рисунк.*

Въ первомъ отдѣлѣ этого тома помѣщены: окончаніе объемистаго изслѣдованія С. В. Петровскаго «Апокрифическія сказанія объ апостольской проповѣди по Черноморскому побережью»; два доклада В. В. Шкорпила: о камняхъ съ греческими надписями, поступившихъ въ Мелекъ-Чесменскій музей въ 1898 г., и о боспорскихъ

надписяхъ (на камняхъ), пріобрѣтенныхъ тѣмъ же музеемъ въ 1897 г.; продолженіе статьи В. В. Латышева о христіанскихъ надписяхъ изъ Крыма; замѣтка Р. Ф. Гаусмана о фибулахъ, и отчетъ Э. Р. Фонъ-Штерна о раскопкѣ гробницы въ Керчи, въ 1896 г. Изъ матеріаловъ отмѣтимъ лишь: переводъ, сдѣланный проф. Ю. А. Кулаковскимъ «Аланскаго посланія» епископа Өеодора (XIII в.) и документы о родѣ новороссійскихъ дворянъ Бѣлыхъ, потомковъ извѣстнаго войсковаго атамана (бывшихъ запорожцевъ) Сидора Бѣлаго, погибшаго при штурмѣ Очакова. (46—56 стр.) Въ Смѣси помѣщена «Овруцкая купчая 1590 г.» Это—продажная запись Овруцкаго боярина Назара Максимовича на землю—документъ, не представляющій особаго интереса. Замѣтимъ мимоходомъ, что текстъ его напечатанъ здѣсь въ крайне изуродованномъ видѣ; напримѣръ, извѣстный Овруцкій староста Абрамъ Мышка-Варковскій здѣсь названъ «вирховьскимъ», а шляхтичъ повѣту Киевского панъ Гапонъ Дѣдовичъ-Трипольскій» оказался «шляхча повѣшу клевского панъ гапонъ Дѣдовичъ Трыполсамъ». «Вышле з уряду замку государскаго Овруцкого» конечно должно означать: «выпис з уряду господарского»; «сума пенятен»—очевидно «сума пенязей»; «половица помянриде земли Милошовщины»—вѣроятно «половица помененое земли Милошовщины». Вообще документъ прочтенъ крайне неумѣло, а гдѣ и удалось вѣрно скопировать слова, почему то показавшіяся издателю странными, тамъ безъ надобности поставлены знаки вопроса, наприм. въ словахъ: «неоставляючи», «при моцы» (т. е. въ силѣ), «под зарукою». Очевидно, въ составѣ Од. Общества нѣтъ людей, опытныхъ въ чтеніи южно-русскихъ старинныхъ актовъ; въ такомъ случаѣ можно было бы обратиться за помощью въ Кіевъ, гдѣ существуетъ Центральный Архивъ (въ которомъ хранятся милліоны такихъ точно документовъ). Здѣсь любой переписчикъ безъ труда разрѣшилъ бы тѣ недоумѣнія, какія для редакціи представляло чуть не каждое слово мало знакомаго памятника.—Далѣе слѣдуютъ матеріалы по исторіи Одессы: письмо путешественника, посѣтившаго Одессу въ 1804 г. (перепечатка изъ «С.-Пет. Комерческихъ Вѣдомостей 1804 года), рисунокъ (съ объясненіемъ) развалинъ Гаджибейской крѣпости въ 1818 г.; Къ исторіи Одесской Михайловской церкви, съ рисункомъ и «Одесса сто лѣтъ назадъ»—перепечатка изъ газеты «Од. Новости». Въ протоколахъ помѣщены, между прочими, доклады: И. А. Линниченки (Линниченка?): «Археологическія новинки на Кіевской археологической выставкѣ

1897 г.» —здѣсь подробныя сообщенія о раскопкахъ г. Хвойко близъ Триполья и раскопкахъ г. Мазараки въ Роменскомъ у., въ д. Волковцахъ,—и докладъ В. М. Истрина: «Греческая запись о нападеніи козаковъ на Константинополь въ 1623 году». О содержаніи этой интересной записи было сообщенно уже въ нашемъ журналѣ.—Въ протоколахъ засѣданій общества (66 стр.) излагается текущая дѣятельность послѣдняго; отсюда видно, между прочимъ, что А. А. Скальковскій былъ избранъ почетнымъ членомъ общества лишь послѣ достиженія имъ девяноста лѣтъ...

L.

Сочиненія Н. И. Касиненка: *Малороссы во Франціи. Ванда Запольская. Три граціи. Хохлатая курица. На пароходѣ. Томъ I. Лубны, 1898. 8 д. л. 223 стр.*

Многимъ памятно, какъ въ 1893 г. незначительная малорусская труппа г. Деркача, увлеченная бурными проявленіями франко-русской «дружбы» и тѣмъ восторженнымъ пріемомъ, какой достался во Франціи на долю матросовъ изъ эскадры адмирала Авелана, легкомысленно отважилась отправиться въ Парижъ, сняла тамъ одинъ изъ большихъ театровъ и начала плѣнять парижанъ своими маленькими талантами. Несмотря на сочувственное отношеніе парижской печати, несмотря даже на покровительство самой m-me Аданъ, предпріятіе, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣло полное фіаско, и нашимъ соотечественникамъ (между ними едвали не половина состояла изъ одесскихъ евреевъ) пришлось очень плохо на чужбинѣ. Прогорѣвъ въ Парижѣ, они перекочевали въ Бордо, но и тамъ постигла ихъ неудача, и послѣ цѣлаго ряда приключеній имъ съ трудомъ удалось раздобыть мѣста на пароходѣ въ Марсейли и кое-какъ, терпя всевозможныя лишенія, вернуться на родину. Объ этой печальной исторіи много говорили въ свое время газеты, но только теперь она подробно и обстоятельно разсказана г. Касиненкомъ, который самъ въ ней участвовалъ. Авторъ отличается достаточной наблюдательностью, передаетъ приключенія труппы вполнѣ объективно, и его повѣствованіе читается съ большимъ интересомъ. Остальные очерки его, помѣщенные въ настоящемъ изданіи, свидѣтельствуютъ также о литературномъ талантѣ втора. Всѣ они они взяты изъ быта, хорошо ему знакомаго, именно изъ театральнаго быта; чаще всего въ нихъ изображаются

приключенія странствующихъ бѣдняковъ-актеровъ, и въ этихъ разсказахъ кое-гдѣ забавныя сцены и комическія положенія обрисованы мастерски, съ юморомъ.

О. Л.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Е. Тимченко. Русско-малороссійскій словарь. Томъ второй. П—Ѳ. Кіевъ. 1899. 8 д. л. 267 стр.* О первомъ томѣ см. Кіевск. Ст. 1898 г., августъ, 84.

— *Максимовичъ, Н. И., инж. п. с. Днѣпръ у гор. Кіева. Краткій гидрографическій и историческій очеркъ (Для членовъ X всероссійскаго съѣзда естествоиспытателей и врачей). Кіевъ. 1898. Тип. С. Кульженка. 16 д., 59 стр., 1 планъ и 2 таблицы чертежей. 6.000 экз.*

— *Kodeń Sapiehow, jego koscioly i starożytny obraz Matki Boskiej Gwadałupeńskiej (de Guadalupe) z dawnych i współczesnych źródeł napisał Podlasiak. Kraków. 1898.*—Посадъ Кодень находится въ Подляськи (въ уѣздѣ Бѣльскомъ, Сѣдлецкой губерніи), причемъ населеніе его состоитъ преимущественно изъ малороссовъ. Обстоятельныя свѣдѣнія о Коднѣ, Г. К. Хрусцевича, см. въ *Памятн. Рус. Стар. въ Зап. губ.*, вып. 7-й, стр. 241—258.

— *Folklore de l'Ukraine. Extr. des* Κρυπτάδια *t. V, 1898. Українськии фольклїор. Соромицькі звичаі, казки, пісні, приказки, загадки і лайка.* Paris. 1898. 163. л. 214 стр.—Въ этой книжкѣ приведены преимущественно такъ называемыя *перезовныя* пѣсни.

— *Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Выпускъ 2-й. Подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ. 1898.* Первый выпускъ этого изданія вышелъ въ 1896 г. Въ настоящій 2-й выпускъ вошли сообщенія волостныхъ судовъ Зміевскаго, Харьковскаго, Лебединскаго и Сумскаго уѣздовъ и записи уѣздныхъ судовъ: харьковскаго, богодуховскаго и сумскаго.

— *Turkull Ian. Gawędy familijne. Krakow. 1897. 8º 93+2 стр.* Авторъ воспоминаній родился на Волыни, учился здѣсь въ Кременецкомъ лицеѣ (1809—1814) и въ своей книжкѣ разсказываетъ немало свѣдѣній о жизни волынской шляхты полов. настоящаго столѣтія. (Kwart. Histor. 1898 г., кн. IV, 963).

— Въ Русской Старинѣ (февраль, 401—409) напечатанъ разсказъ подъ заглавіемъ — *Императоръ Николай I въ Черниговѣ, въ 1845 году*,—о переправѣ императора чрезъ Десну, у Чернигова, весною 1845 г., въ половодье. Переправа была совершена въ катерѣ, которымъ управлялъ черниговскій помѣщикъ капитанъ-лейтенантъ П. И. Исаевичъ, сынъ котораго и сообщаетъ настоящій разсказъ.

— Въ извѣстномъ изданіи *Die Öster—Ungar. Monarchie in Vort und Bild* уже четыре выпуска занимаетъ описаніе *Буковины*. См. Кіевск. Стар. 1898, апрѣль, II, 28.

— Въ № 5 „*Slovansky Přehled* помѣщена статья Володимера Гнатюка „*Rusini v Uhràch*". Здѣсь послѣ короткаго историческаго очерка угорской Руси, отмѣчается фактъ печальнаго современнаго положенія угорскихъ русиновъ и причины его авторъ видитъ прежде всего въ полномъ отсутствіи національнаго самосознанія угорской интеллигенціи, въ систематической мадьяризаціи, въ упадкѣ экономическаго благосостоянія.

— Въ берлинск. журналѣ *Das litterarische Echo* 1898 г., октябрь, помѣщена статья Georg'a Adam'a подъ заглавіемъ: «*Kleinrussland.*». Здѣсь говорится о малорусскомъ народѣ, сохранившемъ не смотря на различныя неблагопріятныя условія, въ теченіе многихъ лѣтъ, свой національный характеръ и языкъ; о Котляревскомъ, снискавшемъ малорусской литературѣ право гражданства среди европейскихъ литературъ, о Шевченкѣ, болѣвшемъ сердцемъ за свой народъ, и, наконецъ о томъ, что малорусская литература и наука нашли себѣ свободный пріютъ въ восточной части Галиціи, гдѣ и продолжаютъ развиваться. („Руслан", ч. 25).

— По сообщенію польскаго книжнаго магазина К. Грендышинскаго (въ СПб.) печатаются: 1) *Гавронскаго Фр.* (*Равиты*), *Historja ruchow hajdamackich* и 2) *Улашина*, *Kontracty Kijowskie*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ 1899 году „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволожья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ). В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Смолен.) Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М, Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція „Извѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 р. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пере-

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

„Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" заключаютъ въ себѣ два отдѣла: оффиціальный и ученый. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обозрѣніе преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ учебныхъ командировкахъ, 5) актовыя рѣчи профессоровъ, 6) отзывы о диссертаціяхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотою медалью и 9) отзывы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій", въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертаціи и другіе научные труды большаго объема.

Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ библіотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій".

„Варшавскія Университетскія Извѣстія" выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ профессоръ *Ѳ. Леонтовичъ.*

Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній; 2) служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи и 3) доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшимъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства.

Съ разрѣшенія М. Т. Симонова (Номиса), редакція предположила напечатать въ приложеніи къ Кіевской Старинѣ, въ теченіе этого года, полный сборникъ его разсказовъ, печатавшихся въ 1858—1863 гг. въ *Русской Бесѣдѣ, Основѣ* и *Черниговскомъ Листкѣ.*

Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка [1].

Утро въ свѣтлый праздникъ.

. . . .

. . . небо звѣздами покрыто, воздухъ такой теплый, такъ хорошо было кругомъ! Народу уже совсѣмъ не было,—кто домой пошелъ, наши хуторяне по знакомымъ разбрелись,—и возлѣ колокольни остались только мы съ старикомъ.

---

[1]) Мы получили эту рукопись отъ неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Номиса, и печатаемъ его живые разсказы со всѣми, сдѣланными имъ самимъ примѣчаніями. Кромѣ своего пояснительнаго значенія, эти примѣчанія кажутся намъ и сами по себѣ не лишенными интереса: въ нихъ отражается, даже незамѣтно для автора, то особенное, нѣжное отношеніе, въ которомъ состоитъ каждый, даже цивилизованный малороссъ къ своей прекрасной родинѣ, та внутренняя, не отвлеченная, но живая, не искусственная и не умышленная, но вполнѣ свободная и искренняя связь съ своею народностью, которою особенно отличаются малороссы. Какъ плодотворна эта связь для искусства, тому лучшимъ доказательствомъ служатъ—не говоря уже о Гоголѣ—произведенія не только первостепенныхъ, но и второстепенныхъ и даже посредственныхъ малороссійскихъ писателей. *Прим. ред. Русской Бесѣды, гдѣ въ 1858 г.* (кн. IV, стр. 35—64) *былъ напечатанъ этотъ отрывокъ.*

Засимъ слѣдуютъ примѣчанія автора. Считаю нужнымъ здѣсь замѣтить: 1) что Василій Петровичъ человѣкъ правдивый и никогда не лжетъ; 2) что малороссійскій подлинникъ автобіографіи Василія

— А чтó, говоритъ, покойникъ—пойдемъ и мы куда нибудь: обѣдня еще не скоро начнется.

— Пойдемъ, батюшка! говорю:—пойдемъ къ дьяку Ивану: тутъ не далеко; а у меня ноги разболѣлись—новые сапожки таки жмутъ.

— Хорошо, пойдемъ къ дьяку Ивану.

Пошли. Отворяетъ отецъ дверь въ сѣни—а изъ хаты слышно: та—та, та—та! порядочный таки говоръ!

— Ого! говоритъ отецъ:—да здѣсь и безъ насъ довольно набралось!

Ощупалъ покойникъ двери, отворилъ: въ самомъ дѣлѣ, людей и по лавкамъ, и на *полý* [1]) а кто и просто на *долѝвци* [2]), потому что всѣ очень любили Ивана и особливо наши хуторяне. Да и было за что любить: такой былъ пригожій, и пѣлъ такъ хорошо, и не гордый былъ,—просто какъ и всѣ, и ужъ такой, если обѣщаетъ чтó—акафистъ отправить или сорокоустъ—такъ

Петровича еще не напечатанъ, по крайней мѣрѣ, Василій Петровичъ *собирается* предать его тисненію, и 3) что художественности въ предлагаемыхъ отрывкахъ искать не зачѣмъ: ея нѣтъ и въ подлинникѣ, въ чемъ скромно сознается и самъ Василій Петровичъ, а если что и было,—переводъ и то снялъ, какъ обыкновенно всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

[1]) и [2]) Слова *полý* и *долѝвци* я оставилъ безъ перевода, потому что соотвѣтствующихъ имъ словъ нѣтъ въ великороссійскомъ языкѣ—не имѣется. *Пóломъ* (*пилъ*) у малороссіянъ называется нѣсколько досокъ, одна возлѣ другой положенныхъ и замѣняющихъ кровать. *Пилъ* всегда занимаетъ все пространство хаты, заключающееся между стѣною и печкою. Онъ отстоитъ отъ полу обыкновенно на аршинъ и иногда укрѣпляется неподвижно въ печкѣ и стѣнѣ, но чаще *стелется* (кладется) на *прибояхъ* (палкахъ), деревянными гвоздями къ нимъ прикрѣпленныхъ. *Долѝвка, дилъ,*—полъ избы, не изъ досокъ, (полъ изъ досокъ у малороссіянъ называется *помúстъ*), а изъ земли. Различіе же между *дилъ* и *долѝвка*, то, что первое изъ этихъ словъ относится ко второму, какъ родовое понятіе къ видовому, именно, что полъ называется *доломъ*, будетъ ли онъ насыпанъ и вымазанъ глиною или нѣтъ, напр. *дилъ въ клунѣ, а доливкою* онъ называется только тогда, когда онъ уже покрытъ и вымазанъ глиною.

ужъ и будетъ, какъ ни отнѣкивайся [1]) отецъ Василій. Покойникъ отецъ часто бывало говоритъ, Ивану тамъ или Петру: „если обѣщалъ дьякъ Иванъ—ужъ сдѣлаетъ, будь покоенъ". И дьячиха у него была—невысокаго, правда, росту, но такая красивая и опрятная, такая пріятная, такая привѣтливая и такъ со всякимъ умѣла заговорить! Одно только у Ивана было нехорошо: любилъ, знаете, покойникъ тово, лишнюю... ну, и иногда, знате такъ, и въ церковь... Ну, да кто и не безъ грѣха: „всѣ мы подъ Богомъ"!

---

[1]) Въ подлинникѣ: «якъ ни цмакай отче Василію». Слово *отнѣкивайся* далеко не передаетъ образа, который рисуетъ въ воображеніи слушателя слово *цмакай*, но что дѣлать! болѣе соотвѣтствующаго слова великорусскаго я не могу прибрать! Да, кажется, и совсѣмъ прибрать его невозможно.—Малороссіяне,—старики, а также люди медлительные и неразговорчивые,—если видятъ предметъ имъ нравящійся или не нравящійся, или слышатъ о такомъ предметѣ, не любятъ выражать своего удовольствія или неудовольствія словами, смотря по роду и степени душевнаго состоянія, качаютъ головами, скребутъ въ затылкѣ, двигаютъ плечами, морщатся, плюютъ,—и все это сопровождаютъ звукомъ, нѣсколько напоминающимъ цмоканье, впрочемъ отъ него отличнымъ и происходящимъ отъ ударенія извѣстнымъ образомъ языка о верхніе зубы, звукомъ—цмакъ, цмакъ! Чуткій въ подобныхъ случаяхъ геній малороссійскаго народа тотчасъ подмѣтилъ этотъ способъ выраженія извѣстныхъ душевныхъ ощущеній нѣкоторыми его членами и окрестилъ его въ своемъ языкѣ глаголомъ *цмакай*. Поэтому выраженіе Василія Петровича: «якъ ни цмакай отче Василію», не значитъ только: «какъ ни откладывай,—отецъ Василій», но значитъ: «какъ ни непріятно тебѣ, отецъ Василій, служить акафистъ, какъ ни морщися ты, сколько ни плюй, сколько ни хлопай при этомъ языкомъ».—Пользуясь случаемъ, скажу тутъ заразъ, чтобы читатель не считалъ меня совсѣмъ уже никуда негоднымъ переводчикомъ, или чтобы Василія Петровича не считалъ онъ совсѣмъ негоднымъ писакою, что переводить съ такого языка, какъ малороссійскій, и въ особенности такія вещи, какъ автобіографія Василія Петровича,—вещь очень нелегкая.

Такъ вотъ и вошли мы въ хату. Всѣ тотчасъ стихли и встали съ мѣстъ, потому что всѣ очень уважали отца за умъ,— да и старѣе таки онъ былъ во всемъ хуторѣ,—ну, и достатокъ таки былъ у покойника.

— Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, панове [1]), Христосъ воскресъ! сказалъ отецъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства началъ кланяться [2]) на всѣ стороны.

И я:—Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ! и кланялся всѣмъ смѣло, но съ уваженіемъ. О, мы у отца вышколены были хорошо! не такъ какъ у иныхъ людей дѣти!

— Воистину воскресъ, воистину воскресъ, воистину воскресъ! отозвались съ лавокъ и съ *полу*, и старый Устенко, подобравши усы [3]), хотѣлъ было къ отцу—извѣстное дѣло, чтобы похристосоваться.

---

[1]) *Пань* малороссійское имѣетъ двѣ формы: для множественнаго числа болѣе древнюю форму, *панóве*, и значитъ тогда—господà, messieurs, и болѣе новую, *паны*, и значитъ—бара. Я не перевелъ *панóве* словомъ *господа* потому, что великорусское *господа* слишкомъ оффиціальное, холодное, а *панове*—общеупотребительное у малороссіянъ-простолюдиновъ, и значеніе его выработано самою жизнью народа. Замѣчу здѣсь, что обращеніе *панóве* употребляется обыкновенно въ неоффиціальныхъ отношеніяхъ съ равными и притомъ знакомыми, въ такихъ же отношеніяхъ, но съ низшими (напр. хозяина съ работниками)—*хлопцы, добри люде*; съ незнакомыми—*добри люде*; а въ оффиціальныхъ отношеніяхъ всегда прибавляется слово, обозначающее значеніе собранія: *панóве громáда, панове парафіяны* (прихожане) и т. д.

[2]) Въ подлинникѣ: «съ повагою склонивъ головою на вси боки». *Повáга* внѣшнее выраженіе чувства — въ лицѣ, во всей фигурѣ, въ движеніи,—выраженіе ни для кого неоскорбительное. *Повага* впрочемъ имѣетъ и объективное значеніе. *Склонять головою* не значить кланаться, а наклонять голову, какъ наклоняютъ женщины въ образованномъ обществѣ при входѣ въ какое нибудь собраніе.

[3]) Въ подлинникѣ: «розгорнувши усъ». Это не значитъ собственно подобрать или поправить усы. Поправлять усы, т. е. нѣко-

Но отецъ остановилъ его:—Обожди-ка, панибратъ! говоритъ:—здѣсь бѣлѣе твоей есть голова [1]), старѣе тебя есть человѣкъ! и моргнулъ усомъ по направленію къ печкѣ, откуда спускалась уже дьячиха.

Всѣ захохотали, и самъ Устенко старый захохоталъ.

— Правда, правда твоя, *пане Петре*! говоритъ Устенко поглаживая себѣ волосы,—и отецъ направился къ дьячихѣ, которая тѣмъ временемъ спустилась на землю.

— Вы ужъ, *пане Петре*, никогда не обойдетесь безъ шутки! встрѣтила его, усмѣхаясь, дьячиха.

торымъ образомъ прихорашиваться - совершенно не въ духѣ малороссіянъ простолюдиновъ. Покрутить усъ,—паробку передъ дѣвушками, шляхетному козаку передъ громадою и т. п.—и тѣмъ выразить душевное волненіе, а пожалуй и сказать этимъ, что мы-де вонъ какіе,—это такъ, это на насъ похоже, но поправлять усы! прихорашиваться—нѣтъ, пусть офицеры поправляютъ себѣ усы! Когда христосуется или вообще, когда собирается кого поцѣловать, малороссіянинъ *розгортає* усъ просто съ цѣлью поцѣловать губами, а не усомъ, и только! Этому дѣйствію надобно приписывать только одно побужденіе—прирожденное душѣ малороссіянина чувство опрятности и сердечной теплоты и искренности, какъ надобно приписать такое-же побужденіе молодой малороссіянкѣ, когда она, цѣлуя своего милого, *розгортáе* ему усы. Замѣчу еще здѣсь, чтб, впрочемъ, слѣдовало замѣтить выше, что малороссіянинъ, когда входитъ въ собраніе себѣ подобныхъ, и особенно не близкихъ себѣ людей, обыкновенно *Христосъ воскресъ* говоритъ три раза,—этого требуютъ мѣстныя правила приличія.

[1]) Здѣсь отецъ Василія Петровича играетъ словомъ *билúша*. *Била голова*, или лучше сказать, *билоголова* говорятъ о женщинѣ сѣдой и о женщинѣ, имѣющей бѣлые волосы, но также и о всякой женщинѣ, въ родѣ шутки и даже въ насмѣшку. Прозванье это для женщины, безъ всякаго сомнѣнія, заимствовано въ малороссійскій языкъ съ польскаго,—буквальный переводъ białogłowa, и употребляется только въ языкѣ правой стороны Днѣпра; по крайней мѣрѣ на лѣвой сторонѣ, я не помню, чтобы слышалъ это слово. Самъ Василій Петровичъ сдѣлалъ у себя замѣтку: «теперь что-то не слышно» чтобы у насъ (Василій Петровичъ урожденецъ лѣвой стороны Днѣпра) говорили *билоголова*» .

Похристосовался отецъ съ дьячихою, а потомъ уже съ старымъ Устенкомъ (съ дьякомъ въ церкви онъ христосовался), а потомъ и съ другими: за отцемъ и я.

— Садитесь же, Васильевичъ, да отдыхайте! сказала дьячиха, когда со всѣми уже похристосовались, и проворно въ углу подъ святыми иконами смахнула пыль съ лавки, какъ прилично для почетнаго гостя [1]).

Отецъ сѣлъ подъ святыми иконами, за нимъ сѣли и другіе.

— А ты, Вася, говоритъ дьячиха, поворотившись ко мнѣ: ты ступай на пилъ, и заснешь тамъ, если захочешь, пока зазвонятъ къ обѣднѣ. Да сбрось кафтаникъ и сапожки—легче будетъ!

— Мнѣ бы, думаю себѣ, это и очень кстати [2]), но что скажетъ отецъ! и я посмотрѣлъ на покойника.

---

[1]) Правила приличія у малороссіянъ-простолюдиновъ требуютъ, чтобы хозяйка сама или кто другая изъ женщинъ семьи, смотря по важности гостя, смахнула пыль съ мѣста, на которомъ сидетъ гость, хоть бы пыли тамъ совершенно не было и лавка или скамейка была бѣлѣе снѣгу.—Тѣ же правила приличія требуютъ, чтобы самаго почтеннаго гостя сажать, на *покути* подъ иконами.

[2]) Въ подлинникѣ: «мени-бъ то се и нà-руку ковинька». Въ Малороссіи, у мальчиковъ, есть игра, называемая *ковінькою* или *булкою* (*грать въ ковиньки или булки*). Она состоитъ въ слѣдующемъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи, болѣе или менѣе многочисленныя (въ каждой партіи можетъ, впрочемъ, быть и по одному мальчику) и назначаютъ на льду, на дорогѣ, на огородѣ и т. п. два пункта: одинъ—для одной партіи, другой—для другой. Потомъ они становятся по обѣимъ сторонамъ воображаемой линіи между пунктами, берутъ въ руки *ковиньки* (палки съ естественнымъ или искусственнымъ загибомъ на концѣ), которая-нибудь партія по жребію беретъ *булку*—(камышекъ, кусокъ льду, отрубокъ дерева и т. п.—чаще всего пробку изъ бочки) и въ лицѣ котораго-нибудь изъ своихъ членовъ начинаетъ игру: избранный ставитъ *булку* на своемъ пунктѣ и бьетъ ее со всего размаху *ковинькою*, по направленію къ пункту вражескому. Другіе подхватываютъ ее ковиньками-же, противники отбиваютъ назадъ—и въ этомъ заключается игра, имѣющая

— Да ну ужъ, ну! отозвался тотъ.—Оно, конечно, стыдно бы такому паробку, да нечего дѣлать! и, поворотившись къ Усенку и къ другимъ хуторянамъ, добавилъ, потому что ему немножко совѣстно стало, что двѣнадцатилѣтнему мальчику позволилъ—въ гостяхъ итти на *пилъ*:—не знаю, чтó сталось съ нашимъ Хрущомъ—такіе тѣсные сапожки сдѣлалъ мальчику! и указалъ на меня.

— Старъ ужъ дѣлается, плохо видитъ! отозвался кто-то.

Я тѣмъ временемъ проворно *сзулъ* сапоги, сбросилъ кафтаникъ и, забравшись на *пилъ*, въ самый уголъ, расположился тамъ поудобнѣе—не спать, какъ говорила дьячиха, а чтобы слушать, потому что зналъ, что вотъ собрались наши хуторяне, отецъ здѣсь, Каленикъ здѣсь, такъ такіе пойдутъ разсказы, что только слушай.

И въ самомъ дѣлѣ было чего послушать! Сначала извѣстное дѣло, начали, какъ кто шелъ или ѣхалъ на *Дѣянія*! [1]) кто опоздалъ, кто дремалъ въ церкви—и всего тутъ было! [2])

конечнымъ результатомъ—загнать *булку* за пунктъ противниковъ. Если во время игры булка предъ кѣмъ-нибудь очутится такъ, что ему не зачѣмъ бѣжать или поворачиваться, чтобы ударить ее, куда слѣдуетъ, то говорятъ: «ёму нà-руку ковѝнька». Отъ игры выраженіе это перенесено и къ другимъ случаямъ, гдѣ надобно выразить удобство для дѣйствія или состоянія.

1) *Дѣянія.* Въ Малороссіи строго исполняютъ обрядъ: слушать въ церкви, въ страстную субботу, чтеніе Дѣяній св. Апостолъ.

2) Съ этого мѣста я уничтожаю послѣдовательность изложенія и перевожу изъ автобіографіи Василія Петровича только отдѣльные разсказы, почему-либо заслуживающіе, по моему мнѣнію, вниманія читателя и представляющіе собою нѣчто отдѣльное цѣлое. Угожу-ли я такимъ способомъ читателю—не знаю; по крайней мѣрѣ—я желалъ ему угодить. Во всякомъ случаѣ да знаетъ онъ, читатель, что я не позволилъ себѣ никакихъ прибавокъ или убавокъ противъ разсказовъ въ оригиналѣ, и что эти отдѣльные разсказы у Василія Петровича—снимки съ натуры.

Калевикъ разсказываетъ про дьяка Ивана.

. . . .

. . . Пріѣзжаю въ запрошлое лѣто къ Ивану,—этакъ на зеленыхъ праздникахъ,—на другой день, кажется: покойница мать на тотъ свѣтъ уже сбиралась, такъ пріѣхалъ просить, чтобы на другой день пріѣхали съ священникомъ и *отправили маслосвятіе.* Ну, извѣстно, привязалъ гнѣдую къ плетню и вхожу въ сѣни,—глядь, Мотрона сидитъ на скамейкѣ и рукою подперла себѣ голову, а изъ хаты слышно Ивановъ голосъ—поетъ. Я остановился и началъ прислушиваться: „О тебе» поетъ, вотъ что̀ поютъ, когда плащаницу носятъ вокругъ церкви, и такъ тихонько поетъ, такъ печально, такъ печально! голосъ дрожитъ и каждое слово какъ-будто тихими слезами обливается...

— Что это, спрашиваю у Мотровы, Иванъ такъ поетъ такое печальное.

— Богъ его знаетъ! говоритъ Мотрона;—на него иногда какъ-будто, храни Господи, *что̀ находитъ*: такимъ грустнымъ дѣлается, такимъ грустнымъ, что сердце ноетъ на него глядя—и тогда все поетъ, все поетъ: и божественныя пѣсни, и такія, а иногда и такія, какихъ отъ роду никогда и не слыхала.

Мотрона замолчала и я молчалъ. Немного спустя Мотрона снова заговорила:—И ужъ такой тогда добрый, такой добрый, что и высказать нельзя! Онъ и всегда добрый и *жалостливый* ко всѣмъ, а ко мнѣ—и говорить нечего,—пусть ему Богъ отплатитъ, святой душѣ! но если сдѣлается такимъ, вотъ какъ теперь, то всякому послѣднюю-бъ рубаху отдалъ, а мнѣ—даже тяжело дѣлается на сердцѣ, какъ будто согрѣшила какъ передъ нимъ, или погубила его на вѣкъ....

И у Мотроны слезы потекли по личику.

— Чаще всего такое съ нимъ дѣлается,—дальше продолжала,—послѣ похоронъ, когда умретъ кто-нибудь молодой и пригожій, и особенно, если выпьетъ тамъ лишнее.... Сегодня хоронили *Рыжикӧвну*—знаете, какая она была добрая и красивая дивчина! Такъ вотъ онъ тамъ былъ, и ихъ порядочно таки угостили.... такъ вотъ онъ и поетъ....

Я и прежде слышалъ, что въ домѣ у себя, когда одинъ останется въ хатѣ, Иванъ еще лучше поетъ, чѣмъ въ церкви, и особенно, если немного подъ хмѣлькомъ..... но слышать такого его пѣнія никогда не приходилось. Я сѣлъ на порогѣ и началъ слушать... Господи, какъ хорошо пѣлъ! Я слышалъ, какъ поютъ у переяславльскаго [1]) архіерея, доводилось слышать и въ *Братствѣ* [2]), и лаврскихъ [3]) монаховъ, и митрополичью [4]) пѣвческую, но куда!.. Такъ какъ-то грустно пѣлъ, такъ грустно!.. Какъ будто лѣсомъ тихимъ да зеленымъ ѣдешь, а гдѣ-то въ чащѣ горлинка тихо да жалобно воркуетъ... Или смотришь на кого дорогого, тяжело больного, а онъ съ тоскою глядитъ на тебя и проситъ: „затвори-молъ оконечко—не для меня ужъ тихій вѣтерокъ и ясное солнышко....“

Такъ пропѣлъ Иванъ все „о тебе“, и все-таки поетъ, одинъ напѣвъ поетъ, безъ словъ. Потомъ и слова какія то началъ пѣть и напѣвъ перемѣнять. Изъ какой пѣсни были эти слова, и на какой напѣвъ пѣлъ онъ ихъ—не знаю: никогда ничего подобнаго не слышалъ; только пѣлъ, и слова при этомъ произносилъ еще грустнѣе [5]), такъ что у Мотроны начали слезы течь по щекамъ и у меня что-то завертѣлось на рѣсницахъ...

---

[1]) Полтавскій преосвященный, какъ извѣстно, жилъ прежде въ Переяславлѣ, и для малороссіянъ поэтому онъ былъ только *переяславльскій* архіерей.

[2]) Т. е. въ Братскомъ монастырѣ. Малороссіяне и теперь еще часто называютъ его братствомъ.

[3]) Наши хуторяне очень любятъ слушать лаврское пѣніе, особенно на вечернѣ, въ тихій лѣтній вечеръ, когда церковные своды скроются въ темнотѣ и откликающееся въ нихъ заунывное пѣніе такъ неотразимо увлекаетъ душу куда-то, далеко... *Прим. Василія Петровича.*—

[4]) Т. е. кіевскаго митрополита.

[5]) Въ подлинникѣ: «Тильки спивавъ и промовлявъ ще смутнише, ще жалибнише». Передать на великорусскомъ языкѣ всю прелесть образа, рисуемаго этими словами, я не въ силахъ, а потому и выписываю ихъ здѣсь.

— Можетъ быть, говорю Мотронѣ, отозваться бы къ нему?

— Боюсь, говоритъ, чтобы это не повредило ему,—я никогда не прерываю его. Пусть ужъ лучше напоется!

Я замолчалъ и снова началъ слушать. Напѣва, которымъ онъ пѣлъ, я не замѣтилъ, да и замѣтить его невозможно было: все не одинаково пѣлъ, не такъ, какъ поютъ пѣсни; а слова нѣкоторыя замѣтилъ, и теперь помню, какъ онъ пѣлъ: „Не убирайте головки въ цвѣты и ленты, не надѣвайте на шейку серебряныхъ *дукачей* [1]), не запирайте меня въ сосновый гробъ, не закапывайте въ сырую землю--разспросите у Божьей птички, у степной травки, какъ слѣдуетъ жить и умирать!... Воспойте намъ, воспойте намъ, отъ пѣсней сіонскихъ! Како воспоёмъ на земли чуждѣй?... Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!..... на мѣстѣ злачнѣ, на мѣстѣ чистѣ, на мѣстѣ покойнѣ“....

И такъ все пѣлъ и пѣлъ, и мѣшалъ божественное съ такимъ, небожественнымъ. И про себя что-то пѣлъ, и про хату свою пѣлъ.

Я не выдержалъ напослѣдокъ и говорю Мотронѣ:—Нѣтъ, Мотрона, къ нему надо отозваться: ему, видно, тяжело—лучше прервать!

— Боюсь! снова Мотрона:—развѣ ужъ вы отзоветесь.

— Пожалуй, говорю, хоть и я!—и вставши съ порога началъ потихоньку отворять двери въ хату, но какъ ни старался тихонько отворять ихъ—все-таки скрипнули.

Иванъ замолчалъ. Я больше отворилъ и просунулъ въ хату голову: лежитъ посреди хаты, лицомъ вверхъ, и блѣдный—блѣдный! а изъ закрытыхъ очей—слезы...

— Иванъ, говорю, Иванъ! здравствуй!

---

[1]) *Дукачь*—родъ медали, большаго или меньшаго размѣра, которую носятъ иногда дѣвушки на шеѣ. *Дукачи* бываютъ золотые, серебраные и мѣдные и имѣютъ изображенія, иногда содержанія религіознаго, а иногда и нерелигіознаго. Слова: *дукачь*, *дукатъ* (червонецъ), кажется, одноплеменныя. Читатель пусть не смѣшиваетъ *дукачей* съ образками.

Вздрогнулъ и схватился на ноги.

— Здравствуй, здравствуй! говоритъ, а самъ такъ и покраснѣлъ,—сконфузился, что его такъ засталъ чужой человѣкъ,—и какъ началъ, какъ началъ!

— Это я, говоритъ, повторялъ изъ обихода, потому что совсѣмъ перезабылъ гласы!.. Но видя, что я не очень-то ему вѣрю и что засмѣялся:—Не вѣришь? говоритъ—не вѣришь? Такъ вотъ же повѣришь! и, выскочивши въ сѣни,—къ Мотронѣ:—Правда, правда, *Мотрусю*, что я повторялъ? Правда?

— Правда, правда! сказала Мотрона, отирая слезы съ лица, и тоже усмѣхнулась.

— Э, говоритъ Иванъ, такъ и ты не вѣришь?.... и, упершись руками въ бока, началъ передъ нею скакать, и потомъ, подхвативши ее за талію,—пошелъ вертѣть ее по сѣнямъ.

— Полно, говоритъ Мотрона, полно тебѣ, Иванъ: видишь, чужой человѣкъ смотритъ!

Такъ куда! Шаль обуяла, какъ молодого *дружка* [1]), что самъ еще недавно оженился. А потомъ какъ подхватитъ и

---

[1]) *Дружко*—главный церемоніймейстеръ малороссійской свадьбы, во всѣхъ ея фазисахъ. Такъ какъ на обязанности его лежитъ, между прочимъ, посвященіе жениха во всѣ таинства гименея, потчиваніе гостей и проч., и проч., то требуется, чтобы *дружко* былъ непремѣнно женатый, но въ то же время, чтобы онъ былъ не слишкомъ старый человѣкъ. Кромѣ *дружка* бываетъ *пиддружій*. Образъ, который соотвѣтствуетъ словамъ Каленика: «Шаль обуяла» и проч., вполнѣ будетъ понятенъ только людямъ, бывавшимъ на малороссійской свадьбѣ и видавшимъ, какъ тамъ иногда бѣснуется молодой *дружко*, бьетъ горшки и миски, отхватываетъ трепака на черепкахъ, поливаетъ эти послѣдніе водкою, чтобы мягче-де было ногамъ и увлекаетъ всю компанію въ какой-то сумашедшій танецъ, гдѣ все кривляется, скачетъ или катается по полу, поетъ пѣтухомъ, хрюкаетъ свиньею, представляетъ изъ себя бочку, въ которую льютъ водку... Не смѣйтесь, мой читатель, надъ моими земляками: если бы вамъ пришлось побывать на подобной свадьбѣ, да еще при извѣстной обстановкѣ, Богъ вѣсть, не увлеклись ли бы и вы подъ конецъ всеобщимъ вихремъ и не запѣли ли бы пѣтухомъ!

меня—и меня туда же.... И такъ откалываетъ *трепака*, такъ бѣснуется, и такъ при этомъ поетъ!... Нечего грѣха скрывать— отъ этого шальнаго человѣка и я какъ-будто одурѣлъ[1]) и, забывши, зачѣмъ пріѣхалъ, и что мать при смерти, и самъ уже чуть не началъ было топать ногами..... Но Мотрона таки не удержалась, и она, какъ ребятишки неразумные, пошла скакать и дурить, и такую пыль подняли, что и свѣту Божьяго не стало видно......

Отецъ разсказываетъ про хату дьяка Ивана и про людей, въ ней жившихъ.

. . . .

. . . Это ужъ хата вѣрно такая странная! Когда ни завороти въ нее—всегда какъ то весело и тепло на душѣ дѣлается! Да и люди такіе-то все жили тутъ! Вотъ хоть бы и тезка мой, покойникъ отецъ Ивана—что это за мастеръ былъ играть на *сопилкѣ*[2])! Какъ выйдетъ, бывало, вечеромъ къ рѣкѣ, да какъ сядетъ у перевоза, да какъ начнетъ играть—и божественныя, и чумацкія, и про казакованье нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ,—такъ и рыба въ водѣ заслушалась бы, а ужъ людей-людей соберется на обоихъ берегахъ, съ этой стороны—здѣшніе, а съ той— харьковцы!... Не долго только покойникъ былъ дьякомъ у насъ: переѣхалъ изъ Чорнухъ, пожилъ этакъ годковъ съ пять, да и умеръ. И таковъ ужъ былъ покойникъ, что вотъ бывало шепни ему въ церкви: „Петръ, у насъ въ хуторѣ чумаки остановились, и сопилка у одного такая, что ты еще отъ роду не видалъ такой,—съ Крыму привезъ“!—то и обѣдню броситъ—управляйся попъ съ пономаремъ, какъ знаешь!—и пошелъ въ хуторъ! Хуторяне часто, бывало, съ нимъ такое подобное дѣлаютъ, чтобъ заманить его къ себѣ, и ужъ какъ попался туда, да еще не въ рабочее время, такъ такіе пойдутъ *банкеты*[3]), что держись только.

---

[1]) Въ подлинникѣ: «оцапивъ», т. е. сдѣлался *цапомъ*, козломъ.

[2]) Свирѣль.

[3]) *Пирушки.*

Но страннѣе всѣхъ, которые жили въ этой хатѣ, такъ это дьякъ, который ее построилъ.

Очень давно онъ жилъ—я еще былъ молодымъ хозяиномъ, когда онъ умеръ. И такого высокаго росту былъ, широкой кости человѣкъ; и усы такіе длинные, а ужъ что сила—и не приведи Господи! А какъ запоетъ, бывало, въ церкви—какъ изъ бочки! Только угрюмый какой-то такой, пасмурный всегда былъ.

И откуда онъ взялся къ намъ, что онъ былъ за человѣкъ— Богъ его знаетъ! Кое-кто разсказывалъ, говорятъ, что будто онъ учился прежде въ Кіевѣ, въ *Братствѣ*, что будто его прогнали оттуда за что-то, или самъ ушелъ, и очутился потомъ въ Запорожьи, и уже съ Запорожья, за Потемкина, къ намъ пришелъ— но было ли это въ самомъ дѣлѣ, такъ никто навѣрно не зналъ; потому что никто изъ прихожанъ нигдѣ его прежде не видѣлъ; спрашивать не спрашивали, потому что онъ рѣдко когда съ людьми говорилъ, да и то, когда говорилъ, тàкъ на тебя смотрѣлъ, что морозъ по кожѣ пробѣгалъ.

Явился онъ къ намъ, еще на свѣтѣ меня тогда не было, и, какъ разсказываютъ старые люди, явился—будто съ неба упалъ.

Дѣло было, говорятъ, на праздникъ Маккавеевъ; святили, говорятъ, какъ и всегда, воду на рѣкѣ, и народу навалило кругомъ столько, и тѣснота была такая, что и Господи упаси! Вотъ и святятъ воду, и за дьячка правитъ кто-то изъ здѣшнихъ, потому что дьячка тогда у насъ не было, а пономарь былъ неграмотный. Ну, дѣло извѣстное, какой изъ нашего брата дьякъ, Оно конечно, поетъ, читаетъ, иногда и лучше иного дьяка, но порядка не смыслитъ. Такъ вотъ и тотъ, что правилъ тогда за дьяка, все останавливается, все останавливается, а напослѣдокъ и совершенно остановился.

— Пой же! говоритъ священникъ:—вотъ тò пой!

Молчитъ

— Да пой же, говорю тебѣ! уже сердито сказалъ священникъ.

— Не знаю наизусть! отвѣчаетъ.

— Такъ отыщи въ книгѣ.

— Упомнилъ взять книгу изъ церкви.

Всѣмъ какъ-то стыдно стало, что такое случилось въ нашемъ приходѣ, да еще въ такой праздникъ, а священникъ ногою даже топнулъ:—Бѣги же скорѣй, говоритъ, за книгою!....

Но не успѣлъ онъ проговорить этихъ словъ, какъ кто-то запоетъ сзади всего народу, и, въ самомъ дѣлѣ, тó, чтó надобно было пѣть, и громко такъ, будто въ рогъ затрубило!....

Всѣ вздрогнули и оглянулись: какой-то высокій-высокій и усатый тѣснится межъ народомъ къ священнику, какъ, будто плыветъ,—только стонутъ кругомъ, и народъ, какъ груши сыплется отъ него во всѣ стороны! а онъ все поетъ, все, поетъ!... Добрался къ священнику и началъ править, и все наизусть, все наизусть,—на книги и не посмотритъ, и все какъ по маслу!

— Вотъ, шепчетъ кругомъ народъ:—если бы намъ этакій дьякъ!

Посвятили воду, священникъ уже и покропилъ всѣхъ, и хотятъ нести хоругви назадъ въ церковь,—смотрятъ уже усатаго и нѣтъ, какъ будто сквозь землю провалился! подумали бы, что нечистая [1]) сила, если бы не видѣли всѣ, какъ онъ набожно пѣлъ и крестился, и какъ прежде всѣхъ подошелъ подъ кропило.

Вотъ отнесли хоругви, и народъ пошелъ по домамъ. И Куёвда пошелъ домой—старый Куёвда, дѣдъ нашего Куёвденка, жилъ на грунтѣ, гдѣ теперь живетъ старая *Макариха* Входитъ въ хату,—въ углу подъ святыми иконами сидитъ усатый и куритъ *люльку* [2]). Куёвда даже испугался....

---

[1]) Въ подлинникѣ: «куцый», т. е. короткій, имѣющій короткій хвостъ, безхвостый. Когда-нибудь я побесѣдую съ читателемъ, въ какихъ случаяхъ малороссійскій чортъ бываетъ безхвостый, а въ какихъ съ длиннымъ хвостомъ.

[2]) Трубка. Въ подлинникѣ не *куритъ*, а *смалитъ*. *Смалить люльку* больше значитъ, чѣмъ курить, курить усиленно, или вслѣдствіе аппетита, или вслѣдствіе нерасположенія душевнаго, или вслѣдствіе молодечества и т. п., курить такъ, чтобы въ трубкѣ *сопѣло* или *шкварчало*, какъ *шкварчитъ*, когда *смалятъ* кабана.

— Здравствуй, говоритъ, человѣкъ добрый!

Тотъ кивнулъ головою.

— О, отъ какого же ты стыда насъ избавилъ сегодня!

Молчитъ!

— Откуда ты, человѣкъ добрый?

Ни пары съ устъ!

— Какъ тебя по имени и отчеству?

Хоть бы словечко!

— Э, говоритъ Куёвда, немного разсердившись на усатаго:—да ты, вѣрно, пѣть только и умѣешь, а говорить и не того?...

Вмѣсто отвѣта, усатый вынулъ *люльку* изъ зубовъ, сплюнулъ на землю и, поправивши кулачищемъ, величиною въ *макитру* [1]), себѣ усы, такъ поглядѣлъ на Куёвду, что старику показалось, будто та *макитра* уже летитъ ему на лысую голову, и сказалъ:

— А по чаркѣ будетъ у тебя къ обѣду?

— Будетъ, будетъ, панибратъ! торопливо отвѣтилъ Куёвда, догадавшись, что этотъ времени на слова тратить не любитъ, и тотчасъ послалъ дѣвочку за *квартою* [2]) къ Цёмоху, а старухѣ своей велѣлъ тотчасъ обѣдъ подавать.

Принесли кварту, сѣли обѣдать:—усатый ѣстъ и пьетъ за троихъ, но съ какой стороны Куёвда къ нему не заходилъ— молчитъ да и полно! Такъ и отъ миски встали:

Перекрестился усатый иконамъ, сказалъ: „Благодареніе Богу, матери Божьей и всѣмъ святымъ, и тебѣ, хозяинъ, съ хозяйкою!“ раскурилъ снова *люльку* и взявши, ни у кого не спрашивая, съ *полицы гречаникъ* [3]) на дорогу, кивнулъ головою Куёвдѣ и вышелъ изъ хаты,—куда?... Святые знаютъ! Видѣли

---

[1]) Большая глиняная крынка, въ какихъ здѣсь держатъ молоко.

[2]) Т. е. водки, за штофомъ водки. Ведро имѣетъ 10 квартъ.

[3]) *Полица*—полка, идущая подъ потолкомъ хаты во всю ея длину. Иногда она сверхъ того есть еще и въ ширину хаты, у входа или съ противуположной входу стороны. *Гречаникъ*—хлѣбъ изъ гречневой муки.

только вечеромъ въ полѣ, что разведши огонь, что-то пёкъ на немъ, а на другой день утромъ видѣли въ лѣсу—гнѣзда съ деревьевъ снималъ.

Къ обѣду на другой день снова пришелъ въ село и ужъ къ другому какому-то козаку пошелъ обѣдать. Пообѣдалъ, и здѣсь то же, что и у Куёвды: все молчитъ, все молчитъ, а пообѣдавши взялъ гречаникъ, кивнулъ хозяину и хозяйкѣ головой и пошелъ.

И этакъ каждый день: сегодня у одного, завтра у другого, послѣ завтра у третьяго, и все выбираетъ которые побогаче. Такъ шли дѣла до субботы.

Настала суббота; пора уже пришла, чтобы и къ вечернѣ звонить, и пономарь началъ взбираться по лѣстницѣ на колокольню. Но не успѣлъ онъ и до половины лѣстницы добраться, надъ головою бовъ! бовъ!—Что за оказія! думаетъ. Взобрался, смотритъ—усатый звонитъ! Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на него пономарь—что прикажешь съ нимъ дѣлать!

— Ну, говоритъ, если звонишь, такъ звони, а я пойду церковь отмыкать. Только, пожалуйста, полегче: нашъ колоколъ не пріученъ, чтобъ его такъ, по ребрамъ колотили: видишь, какъ дрожитъ!...

Усатый послушался, и пономарь пошелъ церковь отмыкать.

Отомкнулъ, зажегъ свѣчи, пришелъ и священникъ.

— А кто же будетъ пѣть? спрашиваетъ:—время благословить.

Пономарь посмотрѣлъ изъ олтаря: Вонъ, говоритъ, посмотрите!

Подошелъ священникъ къ дверямъ, взглянулъ на клиросъ,—усатый ужъ тамъ, распоряжается тамъ съ книгами, будто въ своемъ карманѣ....

Священникъ былъ тогда у насъ, говорятъ, старый престарый; посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на усатаго, тотчасъ понялъ, что это мастеръ на такое дѣло, и говоритъ пономарю:—Ну, этому незачѣмъ разсказывать, что послѣ чего, и незачѣмъ спрашивать, готовъ ли! и, надѣвши ризы, поблагословилъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.